

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД 4(16)/2007

МОСТЫ

журнал переводчиков

Читайте в этом номере:

Круглый стол на тему: «Преподавание перевода и подготовка переводчиков»

А.Л. Бурак

Проблемы оценки качества перевода на лексическом уровне

Д.И. Ермолович

«Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...

Д.М. Бузаджи

Структуры и связи. О роли синтаксиса в переводе

МОСТЫ

журнал переводчиков

№ 4(16)/2007

выходит 4 раза в год

Издатель:

ООО «Р.Валент»

Главный редактор:

З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:

Мишель Берди

Линн Виссон

Д.И. Ермолович

М.А. Загот

И.В. Зубанова

В.А. Иовенко

Б.Н. Климзо

В.К. Ланчиков

А.И. Никольская

П.Р. Палажченко

И.И. Убин

М.Я. Цвиллинг

Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:

В.Р. Колесниченко

Редакторы:

Н.Г. Богомолова

В.П. Кочин

Корректор

А.И. Никифорова

Подготовка макета

Т.И. Родионова

Адрес редакции:

105062, Москва,

Подсосенский пер., д. 23, стр. 5

Тел./факс: +7(495) 916-67-03

Тел.: +7(495) 109-63-91

e-mail: rvalent@online.ru

rvalent@yandex.ru

www.rvalent.ru

ISBN 978-5-93439-244-5

Номер подписан в печать 10.12.07

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Заказ № 3253

Отпечатано в ОАО «ИТС»

Калуга, ул. Московская, 256

Перепечатка материалов – только

с разрешения «Р.Валент»

© ООО «Р.Валент» 2007

В номере:

Лингвистика

В.А. Иовенко. Памяти Зинаиды Давыдовны Львовской 3

Углубленные материалы

А.Л. Бурак. Assessing Translation Quality at Word Level 5

Н.В. Иванов. Мотивы создания, форма и образы одного

поэтического перевода А.С. Пушкина с португальского 18

Д.М. Бузаджи. Структуры и связи. О роли синтаксиса в переводе 24

Проблемы перевода

Д.И. Ермолович. «Ложный друг» оказался вдруг
и не друг, и не враг, а так 33

Дискуссионные материалы

Н.Г. Шахова. Переводим служебные знаки 41

Полкологический перевод

Круглый стол

И.И. Убин. Время требует перемен 49

Е.В. Бреус. Перемены в системе российского образования
и возможные подходы к решению проблем 51

И.В. Зубанова. Каким должно быть пособие
по синхронному переводу? 54

В.К. Ланчиков. Отрывок, взгляд и нечто
о преподавании перевода 58

В.А. Иовенко. Обучать профессии преподавателя перевода
всё же необходимо 60

И.В. Полуян. Специализация в процессе обучения 61

Н.Г. Шахова. Хорошо бы, хорошо бы
нам кита поймать большого 63

Е.К. Масловский. Для охоты на кита акватория – нета 63

П.Р. Палажченко. Как учить переводу: проблемы и опыт 65

М.Я. Цвиллинг. О подготовке переводчиков вообще
и синхронистов в частности 67

С.Г. Ваняшкин. Другой перевод. Об упражнениях на перевод
с русского в учебниках иностранных языков 69

Интервью

Roy F. Cochran. (США) Finally a Source to Turn to When
Translating Religious Terms 73

Стихотворения

А.И. Никольская. Особенности национального синхрона 75

Об авторах

..... 77

Журнал «Мосты» в «Индиксе»

..... 78

Памяти Зинаиды Давыдовны Львовской

В.А. Иовенко

Зинаиду Давыдовну Львовскую хорошо знают многие поколения отечественных переводчиков и испанистов. Её блестящие уроки по практическому переводу испанского языка и лекции по частной испанско-русской теории перевода до сих пор помнят выпускники Военного института иностранных языков, которому она отдала 17 лет своей педагогической деятельности (среди благодарных учеников Зинаиды Давыдовны и автор этих строк). В течение десяти лет она преподавала испанский язык и перевод аспирантам на Кафедре иностранных языков Академии Наук СССР. Работая с 1991 года на переводческом факультете Университета в Лас-Пальмасе, Зинаида Давыдовна участвовала совместно с испанскими коллегами в разработке целого ряда перспективных научных и методических проектов.

Зинаида Давыдовна долгие годы пользовалась непререкаемым авторитетом среди переводческого сообщества как профессиональный переводчик-синхронист. Её перу принадлежит немало письменных переводов испанских художественных и общественно-политических текстов. В 60-е годы Зинаида Давыдовна стала одной из первых переводчиков, кто освоил новый вид переводческой деятельности — последовательный перевод с использованием системы сокращённых записей, который она не только использовала, переводя ответственные переговоры, но и ввела в обучение в группах испанского языка в

Военном институте иностранных языков. Хорошо известны многочисленные теоретические труды З.Д. Львовской. В Испании под её научным руководством защитили диссертации многие молодые учёные.

Чрезвычайно напряжённая педагогическая, научная, переводческая деятельность З.Д. Львовской, особенно в последние 30 лет, во многом объяснялась её стремлением пережить личную трагедию — потерю единственного восемнадцатилетнего сына. Его памяти она посвятила монографию «**Современные проблемы перевода**», которая была опубликована на испанском языке в Испании в 1997 году (Zinaida Lvóvskaia. Problemas actuales de la traducción. — Granada: Ed. Granada Lingvistica, 1997). Эта книга сразу же стала в Испании, не избалованной серьёзными научными работами в области теории перевода, настоящим переводоведческим бестселлером. Однако для российских специалистов по теории и практике перевода книга З.Д. Львовской осталась практически неизвестной.

В монографии «Современные проблемы перевода», в которой явно ощущаются богатые традиции и опыт советской школы перевода, З.Д. Львовская не только развила, но и в значительной степени пересмотрела многие идеи, высказанные ею ранее в книге «Теоретические проблемы перевода» (М.: изд-во Высшая школа, 1985). В «Современных проблемах перевода» предпринята основательная попытка рассмотреть и предложить к обсуж-

Лицо профессии

дению некоторые теоретические и практические аспекты науки о переводе, которые до сегодняшнего дня продолжают оставаться полемическими.

Центральное место в концепции перевода, разработанной З.Д. Львовской, занимает исследование проблемы соотношения значения и смысла текста. В смысловой структуре текста З.Д. Львовской удалось выявить иерархические отношения между её компонентами и исследовать их применительно к решению переводоведческих задач. В научный обиход ею было введено понятие культурной интертекстуальности в качестве основания для адаптаций в рамках эквивалентной двуязычной деятельности. Всестороннему изучению подверглась коммуникативная эквивалентность в переводе и коммуникативные нормы перевода.

Несомненный научный интерес представляет описание различных типов двуязычной деятельности, о которых пишет в своей монографии З.Д. Львовская. Ещё одним безусловным достоинством книги является оценка, которую дал автор современному состоянию науки о переводе, а также критика некоторых переводоведческих схем и частных теорий перевода. Внимание преподавателей перевода привлекут и дидактические выводы автора, основанные на многолетнем опыте преподавания теории и практики перевода.

Монография содержит прекрасный, хорошо продуманный иллюстративный материал с исчерпывающими переводческими комментариями автора. Несмотря на то, что примеры отражают главным образом русско-испанскую языковую комбинацию, нет никакого сомнения в том, что оригинальный исследовательский подход к их переводческому анализу, вызовет интерес у специалистов и по другим иностранным языкам.

В последние годы жизни Зинаиду Давыдовну увлекла семиотика в её преломлении к переводу. Она, не без основания, полагала, что перед наукой о переводе открылись огромные перспективы в свете семиотики, что позволило Зинаиде Давыдовне расширить

подход к таким понятиям, как текст, коммуникативная эквивалентность при переводе, соотношение между исходным текстом и текстом перевода. Эти и некоторые другие теоретические вопросы были подняты З.Д. Львовской в её последней монографии, изданной в этом году в Испании.

К сожалению, Зинаида Давыдовна не дождалась всего нескольких недель, чтобы взять в руки свою новую книгу на русском языке (перевод с испанского языка В.А. Иовенко), о чём она мечтала.

Зинаида Давыдовна Львовская
(1930–2007)

Assessing Translation Quality at Word Level¹

А.Л. Бурак

“Who has not cursed the superintendents of posting stations? Who has not quarrelled with them? Who in a moment of anger has not demanded from them the fatal book to write in it his useless complaint of injustice, rudeness, and inefficiency? Who does not regard them as human monsters, as bad as the attorneys of the old days or at any rate as the Murom highwaymen? Let us be just, however, let us try to consider their position, and perhaps we shall feel more kindly towards them. What is a station-master? A true martyr, whose low rank in the civil service protects him only from blows, and that not always (I appeal to my readers’ conscience). What sort of life has this ‘dictator’, as Prince Viazemsky jokingly calls him? The life of a galley-slave. He has no rest either by day or by night.”²

Substitute “translator” for Pushkin’s “station-master” and you will have a perfect picture of a translator. A recent article assessing the quality of Richard Pevear and Larissa Volokhonsky’s translations reminds us once again

that even hard-working professional translators with an international reputation are not immune from criticism.

Richard Pevear and Larissa Volokhonsky work as a husband-and-wife team. Larissa Volokhonsky is a native Russian and Richard Pevear is a native speaker of American English. Pevear admits that his command of spoken Russian is limited. His wife provides him with word-for-word translations of the original Russian writings, supplying them with detailed linguistic and cultural commentaries, and he edits and produces the final texts of the translations. They have translated a number of Russian classics recently, including works by Dostoevsky, Chekhov, Tolstoy and Gogol. In his long article entitled “The Translation Wars,” which appeared in *The New Yorker* in 2005, David Remnick, the magazine’s editor-in-chief and a specialist on Russia, strongly implies that Pevear and Volokhonsky, or P/V, as they are sometimes referred to, are the best translators of Russian classics today.³ *The New Yorker* does not often write about translation, so any publication on the subject is very welcome and suggestive, especially since translation studies is mostly a neglected discipline in the USA. The positive tenor of Remnick’s erudite article comes as no surprise, since in many ways his pronouncements echo the promotional blurbs from the books translated by Pevear and Volokhonsky, such as the ones on the dust jacket of *The Complete Short Novels* by Anton Chekhov: “One finally gets the musical whole of Dostoevsky’s original” (*The Brothers Karamazov*);

³ David Remnick, “The Translation Wars,” *The New Yorker*, November 7, 2005, pp. 98–109.

¹ Статья представляет собой ряд фрагментов курса по переводу, который я веду в Университете Флориды на английском языке. Эти фрагменты были мною отредактированы и сведены воедино с целью придать им формат журнальной публикации. Таким образом, текст изначально был продуман и написан по-английски. По ряду причин перевести его на русский язык мне представлялось нецелесообразным. Я благодарен своим коллегам Галине Рыльковой, Лэнду Барксдейлу, Джеймсу Фрэнку Гудвину и Ингрид Клислиз за чтение одного из вариантов этой статьи и за высказанные ими впечатления от прочитанного.

² A.S. Pushkin, “*The Captain’s Daughter*” and *Other Stories*, trans. by Natalie Duddington (London, Dent: New York, Dutton, 1961).

Анализ практики

“An especially faithful re-creation... with a coiled-spring kinetic energy...” (*Crime and Punishment*); “The merit of this edition of *Demons* resides in the technical virtuosity of the translators” (*Demons*), to quote but a few.⁴

A response to David Remnick’s laudatory article followed almost immediately. In the spring of 2006, two well known translators, Michele Berdy and Viktor Lanchikov, published an article, “Success and Successfulness” (“Успех и успешность”) in *Мосты*, in which they critique Pevear and Volokhonsky’s translations.⁵ Berdy and Lanchikov essentially reconfirm the old thesis that it is one thing to be fluent in two languages and quite another to be able to translate between them accurately and efficiently. Professionally trained translators treat this thesis as an axiom, but laypersons and many bilinguals hardly ever take it seriously, believing that knowledge of two languages, whatever that may mean, qualifies one as a translator or interpreter.

The misconception that a fluent speaker of two languages may be automatically considered a well qualified translator manifests itself at the most basic levels, for example, in the old opposition of the literary and the literal. Michele Berdy and Viktor Lanchikov give some striking examples of literal translations – mistranslations, to be precise – in P/V’s works where linguistic norms or usage are confused with the originality of the author’s style. Berdy and Lanchikov conclude that P/V’s mistranslations are not just the kind of isolated translation errors that any active translator commits but the result of “an erratic translation methodology that gives rise to systemic errors.”⁶ In fairness, it should be noted that the number of translation deficiencies in P/V’s works is not large, especially when considered in light of the overall amount of text in which they occur. Furthermore, I believe that, in addition to criticism, there should also be articles

on technical and artistic ingenuity and achievements in translations. P/V’s translations could serve as a good source for such articles – at the very least, we should remember that it was thanks to P/V’s retranslation of *Anna Karenina*, for example, that a sizeable part of the American public received their first glimpse of Russian culture – with a little help from Oprah Winfrey, of course, who popularized the novel in her television show.

Whatever one’s opinion of P/V’s work may be, their successful collaboration highlights one important issue for the profession of translation and translation studies: it appears that very productive and effective synergies can be generated when either member of a two-strong translation team is a native speaker of one of the two languages. I would go further and argue that both members of the team should, ideally, also be formally trained translators. A team makes fewer translation errors than a single translator and the Berdy–Lanchikov collaboration on their article “Success and Successfulness” serves as a good illustration of this point.

An iconic figure in the field of translation, Vladimir Nabokov, wrote:

“What is translation? On a platter,
A poet’s pale and glaring head;
A parrot’s screech, a monkey’s chatter,
And profanation of the dead.”⁷

Nabokov, who felt very strongly about translation quality and the possibilities of achieving it, spent nearly ten years on his translation of and commentary to *Eugene Onegin*. Of course, with the pace of life being what it is today, few people can afford to spend a decade on a relatively short translation. What is needed today is an effective and efficient – if not foolproof – methodology of teaching basic practical translation skills as well as reliable criteria for assessing translation quality as objectively as possible. Especially in the American setting, it is important to be able to teach such skills in a relatively short time and to people who

⁴ Anton Chekhov, *The Complete Short Novels*, trans. by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (New York/London/Toronto: Alfred A. Knopf, 2004).

⁵ М. Берди, В.К. Ланчикова. “Успех и успешность,” *Мосты*, № 1(9)/2006, с. 18–31.

⁶ *Ibid.*, p. 28. In “Success and Successfulness,” this passage reads: “Это...целая система ошибок, порождённых бессистемностью переводческой программы”.

⁷ *Eugene Onegin*. A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin, trans. by Vladimir Nabokov, vol. I (Princeton: Princeton University Press, 1975), p. 9.

may lack solid grounding in linguistics but who are fluent in two languages, say Russian and English, or Spanish and English. The articles by Remnick and Lanchikov–Berdy are yet another recent indication of the need to further develop readily applicable, realistic methodologies and techniques in order to teach translation and assess translation quality. That was precisely the aim I pursued when I wrote the two basic, “rapid deployment” translation manuals *Translating Culture-1. Word level* (Moscow: R.Valent, 2002, 2005) and *Translating Culture-2. Sentence and Paragraph Semantics* (Moscow: R.Valent, 2006).

To put it in a different way, the general aim of my two books is to counteract, if only minimally, the widespread translation illiteracy by providing a streamlined, student-friendly introduction to basic translation theory and techniques, expressed in words that can be readily understood and using concepts that can, in fact, be applied to real-life translation problems. In the two books, I avoid highly abstract pronouncements on what translation should be like and set out, instead, a series of straightforward explanations and assignments that, I believe, can actually teach beginning students of translation to translate while also equipping them with a realistic, effective methodology of assessing the quality of translations they come across.

I do not have space here for a detailed description of the contents of my two books. Suffice it to say that in those books I elaborated a new method for teaching language students and also those who are already self-taught practicing translators some easy-to-learn steps with the help of which they can improve their translation techniques and translation quality by becoming more sensitive to the semantics and pragmatics of both the source and target languages.

More specifically, the two books define the translator’s goals from the perspectives of denotative and connotative meaning in the first book and from the perspective of the semantic structure of clauses, sentences, and paragraphs in the second. The denotative meaning of a word sense is its direct, explicit, literal, or dictionary meaning. I view the denotative meaning of word senses as consisting of two main components:

1) a sense core and 2) a sense periphery (or the specifying/concretizing elements of denotative meaning) and I split the connotative meaning of a word sense into seven component parts – those expressing 1) some kind of emotion, feeling, or mood associated with a particular word sense, 2) the intensity of that emotion, 3) the degree of the speaker’s/writer’s positive or negative evaluation of or attitude toward what is being expressed by the word sense – evaluative judgment, 4) functional style (register), 5) dialect (regional, temporal as in “time,” and social as in “sociolect”), 6) the frequency of occurrence of a word sense, and 7) pragmatics, or conformity with the aim of communication and the expectations and background knowledge of the target audience – the receivers/receptors of translation. Thus I single out 9 basic criteria for achieving adequate (faithful) translation and also for assessing translation quality. Needless to say, in real sentences, many of the connotative components are fused together and can only be singled out for purposes of analysis. For example, an emotion and its intensity can be described as the emotive charge of a word sense, which, in its turn, is often closely connected with functional style or register.

As I already mentioned, the semantic structure of clauses, sentences and sentences within paragraphs and texts is dealt with in *Translating Culture-2*, where it is viewed from the perspective of theme (or topic, or the old, or the established basis of communication) and rheme (or message, or the new, or the purpose of constructing the sentence). Ways of achieving coherence and cohesion of paragraphs in translation, the influence of context on the translation outcome, and text adaptation, based on pragmatics, are also discussed in the second book.

In this article I look only at the level of word senses in specific contexts. Although my system can be used for translating all sorts of texts – e.g. newspaper articles, blog entries, scientific papers, etc. – in this article I will concentrate mostly on the translation quality of contemporary works of literature, the primary aim being to introduce the reader to the nine-criteria methodology I have developed to teach translation at the word level.

I hope that the examples here will also provide some real-life material for practical Russian-English translation seminars. I think that the nine-criteria methodology of assessing translation quality I present in *Translating Culture-1* and apply to assessing translation quality in my research today is straightforward, efficient, effective, and, almost, foolproof. My approach is text-based, functional-pragmatic, response-oriented, and just a little bit intuitive.

Denotative meaning

As I mentioned earlier, I view denotative meaning as consisting of a sense core and a sense periphery, i.e. the semantic and pragmatic nuances that surround the basic core meaning. Thus “to snicker,” “to chuckle,” and to “guffaw” have the same sense core “to laugh” but differing sense peripheries, respectively, “[to laugh] quietly, and often unkindly, at something that is not supposed to be funny” (that is “to snicker” – хихикать, ехидно посмеиваться и т.п.); “[to laugh] quietly” (that is “to chuckle” – тихо смеяться); and “[to laugh] loudly and boisterously” (that is “to guffaw” – ржать, роготать). Both elements have to be rendered in translation. The easy option is to translate only the sense core. This deprives the translation of the richness of the original but often happens because of the translator’s inexperience, ignorance, and negligence – i.e. unprofessionalism – or due to the sheer untranslatability of a particular stretch of language. The reading public is usually clueless.

In assessing translation quality it is necessary to ascertain what level of approximation to the original sense core and sense periphery of a word sense the translator has managed to achieve. The match has to be as close as possible. Bilingual and monolingual dictionaries in both languages will be necessary. But bilingual dictionaries may be misleading because they themselves are collections of translated word senses.

It would seem that violating, distorting or mismatching the denotative meanings of the original text in the target text should be rare, given the relative transparency of the problem. However, my observation of this part of translation practice indicates otherwise: especially in translations of

popular fiction, instances of distorting denotative meaning appear to be even more frequent than distortions of connotative meaning. In fact, distortions of denotative meaning are a veritable plague.

Andrew Bromfield is a famous British translator of Russian fiction. I have a high opinion of his work. He always produces high-quality translations. But even in his excellent and widely praised translation into English of the novel *Ночной дозор* (*Nightwatch* by Sergei Lukyanenko, trans. by Andrew Bromfield. New York: Hyperion, 2006.), we find some mistranslations of denotative meaning (both its sense core and sense periphery). For example:

Example 1

“И тогда Костя вдруг ухмыльнулся. Протянул руку, взял один из пузырьков, раскупорил, содрал жестяной колпачок легко и умело. Поднес бутылочку к губам. Опять усмехнулся, сделал глоток”. (Сергей Лукьяненко. *Ночной дозор*. Москва: Издательство АСТ. 2004, стр. 39)

“Kostya suddenly laughed. He reached out, took one of the bottles, and opened it, tearing off the infoil cap with practiced ease. He raised the bottle to his lips, laughed again, and took a swallow.” (*Nightwatch*, p. 42.)

In the above translation, the denotative meanings of “ухмыльнулся” and “усмехнулся” are not rendered – they are replaced with the denotative meaning of “to laugh.” “Усмехнуться” means “улыбнуться (обычно с иронией, насмешкой, недоверием и т.п.)” – *Большой толковый словарь русского языка*. (Главный редактор С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998 г. – БТС). “Ухмыльнуться” (*разг.*) has a more colloquial ring to it and also means “усмехнуться, улыбнуться (обычно насмешливо, иронически, самодовольно и т.п.)” – БТС. Both “ухмыльнуться” and “усмехнуться” are close synonyms – they have the same denotative meaning (“to smile”), and very similar sense peripheries and connotations as indicated in the parentheses above. Bromfield translates both verbs using “to laugh.” “To laugh” means “to make sounds from the throat while breathing out in short bursts or gasps as a way of expressing amusement.” (*Encarta Webster’s Dictionary of the English Language*. Second edition, 2006. –

EWDEL-2.) “Смеяться” means the same in Russian: “издавать прерывистые горловые звуки, вызываемые короткими выдыхательными движениями, при проявлении веселья, радости, удовольствия и т. п.” – БТС. While belonging to the same semantic field, “ухмыльнуться,” “усмехнуться” и “за/рас/смеяться” have widely differing denotative meanings. In contrast to smiling in a particular way, laughing involves repeated muscular movements of the throat accompanied by a series of characteristic sounds. Neither “ухмыльнуться” nor “усмехнуться” has this denotative meaning. I would suggest a closer approximation to the original using “a smirk” and “to smirk”: “With a sudden smirk Kostya reached out, took one of the bottles and opened it, tearing off the tinfoil cap with practiced ease. He raised the bottle to his lips, repeated the smirk, and took a swallow.” (A.B.) “To smirk” means “to smile in an affected, smug, or offensively familiar way,” which is much closer to the Russian “ухмыльнуться” and “усмехнуться” than “to laugh.” Alternately, “a grin” (“a broad smile, especially as an indication of pleasure, amusement or the like” – EWDEL-2) or “to grin” may be used to translate the two final sentences of the passage, too: “Raising the bottle to his lips, he took a swallow with a grin” (A.B.) or “He grinned, brought the bottle to his lips and took a swallow from it.” (A.B.) This fine-tuning of Bromfield’s translation of the two Russian verbs brings the suggested translation closer to the semantics of the original, although, if looked at in an overly pedantic way, it could be criticized, too. That is not the point, however; the point is that the suggested translation is an improvement with regard to conveying the denotative meaning and the connotations of the two “smiling” verbs.

“Les faux amis du traducteur,” that is, cross-cultural lexical cognates, or misleading words of foreign origin are part of any basic translation manual. Still, surprisingly, they remain a perennial problem. Misinterpreting cross-cultural cognates leads to violations of either or both denotative and connotative meanings. Even experienced translators, inexplicably, fall into the trap, mesmerized, most likely, by the words’ “transparent” appearance.

In Andrew Bromfield’s translation of *Nightwatch*, we read:

(Example 2)

“Twice I was pestered by crazy young guys who wanted to give me, absolutely free – that is, for only fifty bucks – a Chinese fan, a child’s toy, and a dirt-cheap Korean telephone.” (*Nightwatch*, p. 47.)

Sergei Lukyanenko’s original sentence is as follows:

“Дважды [ко мне] приставали безумные молодые люди, желающие совершенно бесплатно, всего лишь за полсотни баксов, подарить мне китайский фен, детскую игрушку и копеечный корейский телефон”. (*Ночной дозор*, с. 42.)

“Фен” is a textbook example of a translator’s “false friend.” Almost invariably, it means “a hairdryer” in Russian, whereas “fan” is “вееп” – something you usually wave in front of your face to cool yourself down. In example 2 all of the denotative meaning of the word sense “фен” was mistranslated. As we say in Russian: “И на старуху бывает проруха.” (“Nobody’s perfect.”) Of course, one could make a pedantic case for the remote possibility that “a fan” may be conceivably construed here as a kind of mechanical or electrical device with rotating blades..., et cetera, et cetera. But just try to reverse-translate “fan,” in the given context, into Russian and you will most likely come up with “вееп.” The frequency-of-use factor and the context come into play here, of which more later.

Are the corrections in examples 1 and 2 important clarifications for conveying the general tenor of the book? In the general scheme of things, they are not. Still, even seemingly insignificant mistranslations compromise the translator’s work, make him/her sound unprofessional, and give the high art of translation a bad name.

Indeed, the above slips are comparatively minor transgressions. The depth of a translator’s fall is sometimes truly unfathomable. Dan Brown’s novel *The Da Vinci Code*⁸ has become very popular in Russia thanks to the efforts of its translator Natalya Rein. A large Russian publishing house has put out a 20,000-copy print run of her translation. I cannot help but reinforce the

⁸ Dan Brown, *The Da Vinci Code* (New York: Anchor Books, 2003.)

Анализ практики

diplomatic and tactful assessment of the quality of the translation made by D.I. Yermolovich in 2006⁹ by adding that the number of mistranslations in it is a bit excessive. The following example illustrates a complete destruction of the original denotative meaning. The wicked irony of cases like this, however, is that the general Russian reading public wouldn't have a clue because the mistranslated sentence reads all right in Russian, a distant echo of the original though it is. Yet a hack translator gets away with it with impunity.

The original passage is as follows:

(Example 3)

"Tonight's lecture...had probably ruffled some conservative feathers in the audience. Most likely, some religious scholar had trailed him home to pick a fight." (*The Da Vinci Code*, pp. 7–8.)

Its translation reads:

"Вечерняя лекция...консервативной профессуре...наверняка пришлось не по вкусу. А может, самые религиозные ученые даже попросят его вон и посадят на первый же рейс до Америки?"¹⁰

Back-translated, the second Russian sentence would read:

"Maybe, the most religious scholars will send him packing and put him on the next available flight to America?" (A.B.)

An acceptable Russian translation should be something like this:

"Вполне возможно, что какой-нибудь религиозный фанатик-ученый, присутствовавший на лекции, выследил его и теперь явился в гостиницу для выяснения отношений?" (A.B.)

Some translators are apparently severely arithmetically-numerically challenged and get into a great deal of trouble when faced with having to translate even simple numerals. It seems that the two translators of *The Devil Wears Prada*¹¹ were in such a hurry to complete their work that this, in a kind of Freudian way, found its expression in translating "eight minutes" (*The Devil Wears Prada*, p. 6) as "шесть минут" (Л. Вайсбергер, *Дьявол носит "Праду"*, с. 9),

⁹ *Mosty*, 3/11/2006 and 4/12/2006.

¹⁰ Дэн Браун. *Код да Винчи*. Москва: Издательство Матадор, 2005, с. 14.

¹¹ Lauren Weisberger, *The Devil Wears Prada* (New York: Broadway Books, 2003).

and "six and a half minutes" (*The Devil Wears Prada*, p. 6) as "четыре с половиной минуты" (*Дьявол носит "Праду"*,¹² стр. 9). When it came to translating "for three months," this adverbial of time disappeared completely. Apparently, to compensate for this, a piece of information, absent in the original, was added: for some reason, the translators decided that the trip lasted for five months. (*See example 4.*)

(Example 4)

"For three months following graduation, I'd scrounged together what little cash I could find and took off on a solo trip." (*The Devil Wears Prada*, p. 10.)

"Сразу после выпускного я собрала всю небольшую наличность, какая у меня имелась, и отправилась в путешествие, растянувшееся на пять месяцев." (*Дьявол носит "Праду"*, с. 13–14.)

За три месяца после выпускного я с трудом собрала кое-какие деньги и отправилась в путешествие в одиночку. (A.B.)

The main character did not go on a solo trip "right after" graduation but in fact stayed put for "three months" to raise some money. There is no mention of the duration of the trip in the original.

In example 5, below, the original "Miranda's two assistants" were shrunk into one and came out in the translation as "one of Miranda's two assistants."

(Example 5)

"Sharon smiled tersely and told me I was going to meet with Miranda's two assistants." (*The Devil Wears Prada*, p. 16)

"Шэрон вымученно улыбнулась и сказала, что теперь мне следует поговорить с одной из двух секретарш Миранды." (*Дьявол носит "Праду"*, с. 21.)

Шэрон вымученно улыбнувшись, сообщила о предстоящей встрече с двумя помощницами Миранды. (A.B.)

Finally, in example 6, the two translators, for reasons best known to themselves, compressed the entire paragraph into three short sentences: "Breathe in, breathe out," I reminded myself. "You can do it. Everything will be all right."

¹² Вайсбергер, Л. *Дьявол носит "Праду"*, Перевод с английского М.Д. Малкова и Т.Н. Шабановой. – М.: АСТ, 2007.

(Example 6)

"Their lips never stopped moving, and their gossip was punctuated only by the sound of their stilettos clacking on the floor. 'Clackers,' I thought. 'That's perfect. (The elevators!) Breathe in, breathe out,' I reminded myself. 'You will not throw up. You will not throw up. You are just here to talk about being an editorial assistant, and then it's straight back to the couch. You will not throw up.'" (*The Devil Wears Prada*, p. 13.)

– Глубокий вдох, потом выдох, – напомнила я себе. – Ты сумеешь. У тебя все получится. (*Дьявол носит "Праду"*, с.17.)

Они без конца болтали. Время от времени сплетни прерывались лишь цоканьем туфель на высоком каблучке. – Болтушки, – подумала я. – Но это мне только на руку. А вот и лифт! – Вдох, выдох, – напомнила я себе. – Тебя не стошнит. Тебя не стошнит. Ты здесь только для того чтобы обсудить место помощника редактора, а после – напрямик обратно на диван. Тебя не стошнит. [A.B.]

Despite the numerous mistranslations of denotative and connotative meanings in the Russian translation of *The Devil Wears Prada*, the Russian text reads all right and the general reader is unaware of its shortcomings as a translation. Gross mistranslations like the ones given above can only be explained by gross negligence, linguistic and cultural ignorance, and superficial, intuitive use of translation techniques – in other words, by glaring unprofessionalism.

So much for denotative meaning. Let's have a look at the real challenges faced when translating connotations.

Connotative meaning

Connotative meaning (коннотативное значение), also called "expressive meaning," is what is suggested by or associated with a particular word sense. "To connote" means "to suggest or imply in addition to the denotative meaning." As already mentioned, for translation purposes, it is useful to look at connotative meaning as consisting of the 1) emotional/affective, 2) intensive (having the property of intensifying, giving force or emphasis), 3) evaluative, 4) stylistic, 5) dialectal, 6) frequency-of-occurrence, and 7) pragmatics components.

1) The affective component of a word sense has the capacity to evoke or directly express some emotion (эмоциональное состояние, степень эмоциональности, эмоциональность). For

example, "Mom" ("мама") as compared to "mother" ("мать") is more affective – it expresses greater closeness, love, or tenderness. "To scarf" ("жрать") as compared with "to eat" ("есть") is more "emotional" in a different way, usually evoking feelings of disgust or squeamishness.

2) Connotation may be of varying intensity (экспрессивность, степень экспрессивности). "To abhor" ("терпеть не мочь," "не переносить на дух") as compared with "to hate" ("ненавидеть") or "to dislike" (in phrases with "не нравится") expresses a more intense or poignant feeling. "To scarf something down" as compared with "to eat something" implies a process which is more vigorous or intensive.

3) A word sense often includes an evaluative connotation, or a concealed evaluative judgment (оценка) about something, which may or may not be marked in the respective dictionary entry. The word "cronies" as compared to "friends" often has a pejorative shade of meaning, hence "cronyism" ("блат," "кумовство.") "To scarf" as compared to "to eat" may imply censure or disapproval of someone's table manners. Evaluative connotations, like emotions and their intensity, should be reproduced in the target text.

4) A word sense may carry a distinctive stylistic coloring (стилистическая окраска, стиль), i.e. belong to a particular style or register – bookish, neutral or colloquial, to name just the classical three. For example, "to slay" ("поразить," "сразить") as compared with "to kill" ("убить") is felt to be formal, bookish, or even poetic, while "to scarf," as compared with "to eat," which is neutral, belongs in the realm of slang. The style (register) of the translation should be as close as possible to that of the original.

5) Some word senses are characterized by dialectal reference or dialect (диалектальная принадлежность, диалект.) Three types of dialect have to be kept in mind while translating. Geographic dialect: "to tick someone off" means "to make someone angry" (разозлить, рассердить) in American English, while in British English it usually means "to tell someone angrily that you are annoyed with them or disapprove of

them (отругать, отчитать). Thus, translated from American English, "He was ticked off" would be "Он был зол/разозлен," whereas, translated from British English, the same sentence would normally read "Его отругали/отчитали." Some examples of temporal dialect: "e'er" – "before"; "thou," "thee" – "you"; "hest" – "command," etc. The target text would have to be "aged," using different means, in order to convey the outdated or archaic elements of the original. As for sociolect, the line "Now shorty think ima sweat her" (translation: "Now this girl thinks I'm going to pursue her.") from the song "Wanksta" by the rapper 50 Cent is a clear sample of AAVE (African American Vernacular English, i.e. a distinct sociolect).¹³ In many cases, sociolect, being a unique, culture-specific phenomenon, is lost in translation or is compensated for by using slang in the target text. The line from the 50 Cent song might conceivably be translated as "Эта телка думает, что я хочу ее трахать." The bottom line: if at all possible, the target text should somehow reflect the dialectal references of the original.

6) The frequency of occurrence of a word sense as used in the source text should match, at least roughly, that in the target text. "Now" or "today" should be translated into Russian as "сейчас" or "в наше время" and not as "нынче," which is old-fashioned or ironic or bookish but well-liked by American students who read Russian classical literature. English and American electronic language corpora may have to be used in sensitive or overly important cases.

7) And, last but not least, pragmatics. A sign reading "Wet paint" on an American bench will read in Russian as "Осторожно, окрашено!" (literally, "Be careful, it is painted.") The inscription on a car window on the Moscow metro, which, if translated word-for-word, says: "Seats for children, invalids and elderly people" ("Места для детей, инвалидов и лиц пожилого возраста"), would jar on the American English speaker's sensibilities. To make this sentence sound as familiar and unobtrusive in English as it

does in Russian, the translator has to subject it to cultural adaptation and produce something like this: "Please offer these seats to the elderly and persons with disabilities."

As already mentioned earlier, all seven parameters of connotative meaning usually manifest themselves in different permutations but, if approached methodically and with a certain amount of mental concentration, they are not difficult to identify. In dictionaries, some connotative aspects of a word sense may be marked by special notations or abbreviations. Quite often, however, important connotations of a word sense go unmarked and without any comments. In such cases the translator's grasp of the two languages and cultures will determine the accuracy of the translation. It goes without saying that the translator should have an advanced knowledge of two respective languages and cultures.

Sloppy translators and some journalists with a vague idea of translation theory or techniques often ignore or distort the connotative meaning of the source text, thus robbing the reader of the true expressive impact of the original. The ultimate challenge for the translator is to try to preserve in the target text not only the denotative but also as much of the connotative content of the original as humanly possible.

Unfortunately, distortions of connotative meaning in translation are as ubiquitous as computer spam. Some examples from some recent translations.

(Example 7)

In Andrew Bromfield's translation of *Nightwatch*, we come across:

"Anton, listen carefully... They've picked up that girl's trail. Perovo station."

"'Sugar' was all I said. Working out in the dormitory suburbs was absolute hell." (*Nightwatch*, p. 54.)

Now, without even referring to the Russian original, I found the use of "sugar" here distinctly strange. In fact, the original is as follows:

– Антон, внимание... Поймали след той девушки. Станция «Перово».

– Блин, – только и сказал я. Работать в спальных районах – мучение. (*Ночной дозор*, с. 49.)

¹³ I am grateful to C.J. Wahl for bringing this song to my attention.

«Блин» (literally, “pancake” in Russian) has long been used as a euphemism for a vulgar Russian expletive beginning with the same two initial consonants. It is a kind of lexical epidemic in Russian speech today – everybody uses it to express annoyance, frustration, disgust, and other similar emotions. On a ten-point scale of intensity of feeling, I would place it somewhere between “a five” and “a seven.” The mainstream American reader would hardly perceive “Sugar!” here as a somewhat mitigated equivalent of “Shit!”, so using “sugar” in place of the Russian interjection “Блин!” strikes me as a mistranslation. “Sugar!” as an interjection is perceived by the many Americans I discussed this with as definitely outdated, rare and belonging to what was termed by one American professor as “gals’ slang.” Most of my students at the University of Florida (aged 19–23), where I usually conduct my linguistic experiments and mini-surveys, could not understand it at all and equated it, quite erroneously for the given context, with “sweetie” or “honey.” To me “sugar” sounds like British English, where “Oh, sugar!” is a well-known, if outdated, euphemistic interjection expressing annoyance about something stupid the speaker has just said or done, or when something goes wrong. But is Bromfield’s translation in British English? Not quite, given the numerous Americanisms that occur in the translation. To sum up, all seven parameters of connotative meaning that I single out have been mismatched, to a greater or lesser extent, in the translation of the popular Russian interjection “Блин!” The varying degrees of skewing the connotative meaning involve: 1) the nature of emotion (annoyance, frustration – these do not immediately spring to mind when you read the translation); 2) the intensity of emotion (in Russian, it lies above the middle range, and does not gravitate toward zero); 3) the speaker’s negative evaluation of the situation, which is noticeably vaguer in the translation than in the Russian original; 4) style or register: “Блин!” is at least a little more slangy in Russian than “Sugar!” is in English; 5) all three dialectal references (“Sugar!” here sounds like outdated effeminate British English – it is as if an annoyed old British woman were talking – no offense to annoyed old British ladies); 6) the frequency of occurrence of

the term in everyday speech (in American English – or even British English, for that matter, where the interjection seems to have originated – “Sugar!” is far less frequently used as compared with “Блин!” in contemporary Russian speech); and, finally, 7) pragmatics (I find it hard to imagine a young Muscovite, especially a man, saying, in all seriousness, something like “Батюшки!” in the given context. I would suggest at least “Shoot!” or “Damn” or, maybe, even “Shit!” or “Fuck!” I should add in passing that “Shit!” seems to have become pretty tame in relaxed conversation in America, with popular stand-up comedians like Lewis Black, for example, sprinkling their performances with “Fuck!” and “Shit!” very liberally and without any noticeable ill-effect. The Russian “Блин!” would be a considerably milder replacement for “Fuck!” and “Shit!”

(Example 8)

Here is a separate example of ignored intensity of feeling or emotion in a set phrase. In the Russian original of *Nightwatch*, we read:

“...Значит, надо его отвлечь. Создать такую ситуацию, чтобы он был заят по уши. Чтобы его кинули на второстепенное задание, да еще и завязать на этом задании личной ответственностью, симпатией – всем, что под руку подвернется”... (*Ночной дозор*, с. 146.)

The English translation of the excerpt goes:

“...He had to be distracted. A situation had to be created that would keep him busy. He had to be given a secondary assignment, and feel obliged to carry out that assignment for professional and personal reasons – anything that came to hand would do... (*Nightwatch*, p. 168.)

In the above case, what should have been translated as “A situation had to be created where he would be up to his ears in work,” or something along these lines, has been translated using the neutral “...keep him busy,” thus lowering levels 5 or 6 of expressive intensity to practically zero.

(Example 9)

In *Time* magazine, I came across this translation of a sentence from Aleksandr Litvinenko’s deathbed address:

“You may succeed in silencing one man, but the howl of protest from around the world will reverberate, Mr. Putin, in your ears for the rest of your life.”¹⁴

The translation of something Litvinenko said in Russian as “the howl of protest” caught my eye immediately. At the time he spoke, Litvinenko knew that he was about to die and he was referring to people all over the world, whom he expected to react sympathetically to his death and very negatively to Putin’s allegedly having engineered it. To me the translation sounded as if the dying man was speaking of the expected protests against Putin, and in support of himself, with irony, that is, as if Litvinenko was referring to the nature and scope of protests following his death in a somewhat pejorative way. Besides, to somebody familiar with the propaganda jargon of the Soviet times, “the howl of protest” is reminiscent of, say, “the howls of protest of imperialist hyenas in response to the peaceful proposals of the Soviet Union...” (Here, pragmatics comes into play.) I, naturally, dug out the original Russian sentence: “Ты можешь преуспеть в том, чтобы утихомирить меня..., но гул протеста со всего мира будет звучать в твоих ушах всю оставшуюся жизнь...”¹⁴

Individually, the word “гул” translates as “buzz,” “hum,” or “rumble.” But, as possible translations of the phrase “гул протеста,” the collocations “the buzz, hum or rumble of protest” would sound unusual and might, conceivably, though not necessarily, be construed as a bit ironic or facetious as well. Knowing Litvinenko’s situation, I doubt that he wished to add any such quasi-humorous nuances to his remarks to Putin. Out of deference to a dying man and also for reasons of translation pragmatics, I would suggest translating the phrase as “the cries of protest from around the world.” This would mean changing the specifying elements of the denotative meaning of the original “гул” a little, but for a good reason – in order to remove any collateral associations of censure that would be inappropriate in such a tragic situation. In other words, this is a contextual translation of the phrase driven by considerations of pragmatics.

(Example 10)

Distortions of functional style (register) are numerous, and, in most cases, unwarranted and

¹⁴ Peter Gumbel. “The Russian Roulette,” *Time* magazine, December 4, 2006, p. 45.

¹⁵ <http://news.bbc.co.uk>: 24 ноября, 2006 г., 12:20 GMT.

professionally inexcusable. Here is just one quick example from *The Da Vinci Code*, by Dan Brown:¹⁶

“And if I find which one of you provided that article, I’ll have the consulate deport you.”

Natalya Rein’s translation:

“... И если я только узнаю, кто приволок (literally, “dragged” or “hauled”) сюда этот журнал, потребую вышвырнуть мерзавца вон.”

Back translation of “...я потребую вышвырнуть мерзавца вон”: “I will demand that the creep be kicked out of here.” (А.Б.)

Natalya Rein has lowered the stylistic register in her translation from the neutral one in the original to a very colloquial, bordering on slang style in Russian. A translation into Russian which is closer to the original would read something like this: “И если я только узнаю, кто из вас передал/принёс эту статью организаторам конференции, я потребую депортации этого человека.” (А.В.)

“Dialect,” in the wide sense of the term, is an important and subtle issue in translation. As has already been said, the dialectal references of the original have to be somehow reproduced in the translation. The obvious aspects of the problem concern regional and temporal varieties of language. Just one more simple example, by way of a reminder: “dinky” in British English sounds old-fashioned and means “small and charming.” In translating it into Russian, I would be hard put to match its temporal parameter in Russian but would have no difficulty translating its positive evaluation. “A dinky little room” would be “миленькая комнатка,” “симпатиченькая комнатка,” or just “симпатичная комнатка.” In American English, the temporal parameter of “old-fashionedness” of the British word sense doesn’t exist, and the word just means “small and unimportant” in a somewhat derogatory way. So translating “dinky” from American English would yield “комнатуха,” “конура,” or “каморка,” depending on the specific context. Translators should be consistent in their use of regional or national varieties of language. This is often not the case. Thus Andrew Bromfield, for example, in some parts of his *Nightwatch* translation uses terms

¹⁶ Дэн Браун. *Код да Винчи*. М: Издательство Матадор, 2005, с. 10.

that are more common in American English ("apartment" – Br. Eng. "flat," "German shepherd" – Br. Eng. Alsatian, "sidewalk" – Br. Eng. "pavement," "street car" – Br. Eng. "tram," "dial tone" – Br. Eng. "dialling tone," etc.) while elsewhere – "flat" for "apartment," "safety catch" for "safety," "sugar" for "damn," etc. Translating the third variety of dialect – sociolect – usually means playing around with word senses belonging to different styles because socio-cultural equivalents are, more often than not, lacking in the target language. Some interesting ideas concerning the temporal and socio-cultural aspects of dialect are prompted by George Steiner, who, echoing John Dryden, says that "translation shows what the original would have been like had it been conceived in our own speech."¹⁷ From this perspective, the retranslations of the same originals by different translators at different times become a very interesting field of research on the methodology of retranslations and retranslations as socio-cultural phenomena. But that's the subject of a separate paper.

As a rule, the connotative parameter of the frequency of occurrence of word senses in particular types of discourse is determined based on personal subjective experience and the experience of a restricted circle of informants. In many cases this works. A more precise and scientific approach to assessing the frequency-of-occurrence match between word senses in the source and target-texts is to use national language corpora. For Russian, these may be "Integrum" (350 million documents dealing with Russia), "The Russian National Corpus" (140 million words), "The Helsinki Annotated Corpus of Russian Texts," and "The Tuebingen Russian Corpus." For English, the better known corpora are "The British National Corpus" (at least 100,000,000 words), "The Oxford English Corpus" (1 billion words: 80% – American and British English and 20% – other varieties of English), the Collins "COBUILD Bank of English" (524 million words), "The Longman Lancaster Corpus" (incorporating British and American speech), and the 200-million-word "Bloomsbury Corpus," on which the *Encarta*

Webster's Dictionary of the English Language is based, to name but a few. Access to the above databases is not free, though. One has to pay to be allowed to use any of them. Using language corpora for evaluating translation quality (in particular, for establishing the frequency of use of lexical items and their collocability) is another underappreciated and ill-researched field.

(Example 11)

"Pragmatics" in translation means making the text of the translation fulfill the aim of communication while conforming to the expectations and background knowledge of the target audience. The goal is to achieve "sameness of perception," whereby the communicative response of the native receiver of the source text would be very similar, if not the same, to that of the receiver of the translation. Unfortunately, we don't have any devices for measuring such responses in people's brains – translators have to rely on previous experience and discussions with informants. Pragmatics often involves expanding or compressing the original text. Thus the Russian "шестерка" (literally "the six") has been translated by Andrew Bromfield, quite adequately, by the phrase "a model 6 Zhiguli car" (*Nightwatch*, p. 381), which involved an expansion of the original text. In a different place, on page 130 of the *Nightwatch* original, the pragmatics and frequency-of-occurrence criteria have not been met. In the original, we find: "В молодой тигрице, стоящей в боевой стойке на обледенелой крыше, было центнера полтора," which is rendered on page 150 of the translation as "The young tigress poised in combat stance on the icy roof must have weighed a centner and a half." The Russian measure of weight "центнер" should have been pragmatically adapted and translated as "about 300 pounds" (in fact, it's 331 pounds) or, better still, as "about 150 kilos" to preserve local color. To the majority of Americans, "centner" is unknown. So the factor of the frequency of occurrence of "centner" in English has also been disregarded. Just for the record, whereas in Russia "центнер" is an absolutely common and universal measure of weight equaling 100 kilos, in Britain, for example, it's a specialized term meaning 100 pounds. Correct rendering of measurements is very important. But, of course, it

¹⁷ George Steiner, *After Babel. Aspects of Language and Translation*, 3rd edition (Oxford/New York: Oxford University Press, 1998), p. 269.

Анализ практики

can be assumed or argued that the translator used the word “centner” here for strong “local color.”

Finally, here is an anecdote illustrating how difficult it is to disentangle denotation and connotation as they manifest themselves in the kind of dynamic interaction dictionaries fail to keep up with.

(Example 12)

Back in 1998, the editorial office of *The Los Angeles Times* asked me for an expert opinion on the accuracy of the translation of one short sentence that had caused a minor international controversy. In the course of a press conference, following the meltdown of the Russian financial system in August 1998, Anatoly Chubais, the then Russian Deputy Prime Minister, said, literally, “Мы вас кинули на двадцать миллиардов долларов”. On the face of it, this sounded like, “We screwed you out of twenty billion dollars.” Chubais was referring to Russia’s default on its Western loans. “Кинуть” is originally a Russian prison slang term meaning “to stiff,” “to shaft,” or “to screw someone over by appropriating (or not returning) their money. *The Los Angeles Times* published the following translation of the sentence: “We cheated you out of 20 billion dollars.” Leaving aside the problem of matching the register of “Мы вас кинули....” let’s have a quick look at how the specifying part of the denotative meaning and, simultaneously, part of the connotative meaning – unintentionality – were mistranslated. *The Los Angeles Times* translation implied that it had been a willful and premeditated act on the part of Russia. Chubais said he did not mean that, of course, and immediately threatened to sue the newspaper for misrepresenting his statement. *The Los Angeles Times* sought expert advice, and I happened to be one of the experts. I refrained from any comments on the kind of Russian high-ranking members of the Russian government should cultivate, but, from a cultural-linguistic perspective, I had to support Chubais. The problem was that *The Los Angeles Times* translator of the sentence did not realize that the Russian equivalent of “to stiff” or “to shaft someone” had, by 1998, developed the additional specifying denotation “to deprive someone of something in a very general sense,” “to create difficulties for someone,” or “to inconvenience

someone” alongside the connotation “unintentionally,” with “unintentionally” being the operative word for the given context. Arguably, another word sense had been added to the semantic structure of the verb “кинуть.” The verb came to be used in sentences like “Sorry I didn’t make it to the meeting. I was in a car accident and spent the night in intensive care.” In this sentence, the part “I didn’t make it to the meeting” could be expressed, especially by younger Russian speakers, as “Извини, что я тебя кинул.” Back-translated literally, it means: “Sorry, I stiffed/shafted you,” which would never be used in English in this context. What Chubais meant was, of course, “We failed to honor our debts to you to the tune of twenty billion dollars,” or “Russia defaulted on 20 billion dollars’ worth of Western loans,” or “I’m sorry we inadvertently stuffed you, guys, when we, with no malicious aforethought, accidentally lost you, folks, twenty billion dollars.” Any of those would work as the translation of Chubais’s sentence, given the lack of a one-word American slang equivalent of “кинуть” devoid of the implication of intentionality. Although, in the first two translations suggested above, the connotative component of style is not rendered in English, they seem to be a fair trade-off and an improvement on *The Los Angeles Times* translation. Connotations do get lost in translation.

Do all of the concerns about translation quality discussed in this article really matter? I believe they do, if you are a proponent of maximum textual equivalence in translation and I am. Some translation theories, however, such as skopos theory or translatorial action theory, for example, taken to their logical extremes, might lead one to an opposite conclusion, namely, that, in some cases, such “niceties” do not really matter so long as the translation fulfills its functional-communicative purpose and is a good read. Natalya Rein’s translation of *The Da Vinci Code* reads like any run-of-the-mill pulp fiction. It does not have any serious errors in its use of Russian, reads smoothly, and provides a source of entertainment, if not intellectual enlightenment or great enjoyment as a sample of high verbal art. The history of translation knows many cases when so-called translations of fiction were just distant echoes of the original, but their readers didn’t

have a clue and enjoyed reading them. To a professional, self-respecting translator that would be totally unacceptable hackwork.

In this article I have focused on deficiencies found in various translations, but a lot of translations or some parts of even the worst of them make me go "Wow!" because I realize that I myself could hardly emulate such translation solutions of genius. "Translation solutions of genius" will definitely be the topic of one of my future articles.

To conclude, I believe that translation is an inexact science and an exact art rolled into one. It is the fifth and highest verbal skill consisting in transferring complex clusters of meaning across cultures. While potential translators of genius are born, they still have to be trained. Given time, most people can be trained to become very good translators. Using the contrastive method of evaluating the source text and assessing the translation quality of the target text, it is useful to single out the denotative and connotative components of meaning that have to be rendered as closely to the original as humanly possible. To teach translation theory and techniques takes time and presupposes great general erudition, a solid command of the two languages and cultures in question, as well as a thorough familiarity with translation theory and techniques on the part of the teacher. The students aspiring to become translators should have achieved a high level of language proficiency and cross-cultural awareness. Steering a middle course between grand theories of translation and hard-core, subjective-intuitive pragmatism is the most effective and efficient methodology for training translators. The importance of using monolingual dictionaries in the course of translating or assessing translation quality, no matter whether you are a native speaker or not, is usually underrated; however, in order to gauge all the nuances of denotation and connotation, using monolingual dictionaries is an absolute must. Bilingual dictionaries are a staple in translation practice, but they may often be misleading. How to use dictionaries and other reference sources should be part of any introductory translation course. No miracles happen in language acquisition and training oneself to become a

translator – it is a lifelong project. Team translation is a good thing so long as the team consists of two people either of whom is a native speaker of one of the two languages, a linguist, and a trained translator. It seems to me that, in translation, two is a team, and three is a crowd. Apart from everything else, the translator should have a sense of humility combined with a sense of humor, especially when hearing or reading responses to one's translation efforts. Criticism of one's work should be treated as a stimulus to professional improvement and not as an occasion for vicious polemics.

The problems of translation I have raised in this article may seem "plainer than stewed turnip" (проше пареной репы) – sorry, I mean "a no-brainer" – but, judging from the numerous, even highly praised translations that, in fact, contain hundreds of glaring translation blunders, it is no "stewed turnip" at all. No cakewalk at all.

Still, I would like to end this article on a relatively upbeat note by quoting two free translations, or "imitative commentaries," "begrimed and beslimed by rhyme," as Nabokov would put it, of an excerpt from Horace's *Ars poetica*:¹⁸

"Whoever thinks a faultless piece to see,
Thinks what ne'er was, nor is, nor e'er shall be.
In every work regard the writer's end,
Since none can compass more than they intend;
And, if the means be just, the conduct true,
Applause, in spite of trivial faults is due."

(Alexander Pope)

"Where frequent beauties strike the reader's view,
We must not quarrel for a blot or two,
But pardon equally to books or men,
The slips of human nature, and the pen."

(Lord Byron)

¹⁸ Nabokov and the two excerpts above are quoted in Steiner, *op. cit.*, p. 328.

Мотивы создания, форма и образы одного поэтического перевода А.С. Пушкина с португальского

Н.В. Иванов

I

Летом 1825 г. А.С. Пушкин находился в ссылке в с. Михайловском. Там (либо незадолго до этого) в руки ему попало стихотворение португальского поэта Т.А. Гонзага (Tomás António Gonzaga). Поэт перевёл это стихотворение на русский язык, сделав в конце краткую приписку: «(из О. Гонзага)».

Как можно предположить, стихотворение, увиденное Пушкиным, было во французском переводе. Судя по тому, что даже имя португальского поэта (António) Пушкин обозначил буквой «О.», не всё в этом переводе, а равно и в том, как он был представлен, было вполне точно. Впрочем, не внешний печатный вид, а, прежде всего, содержание и художественная форма стихотворения здесь имеют значение.

Источник, на основе которого создавался русский перевод, был в последующем утрачен. Осталась если не тайна, то некоторая нерешённость: кто такой Т.А. Гонзага? Знал ли А.С. Пушкин что-то о португальском поэте? Можно ли путём сопоставления и анализа установить прямую связь между пушкинским переводом и оригинальным португальским текстом, написанным Т.А. Гонзагой? Насколько похож в смысловом и в художественном отношении пушкинский перевод на португальский первоисточник? Можно ли узнать в переводе А.С. Пушкина Т.А. Гонзагу?

В 1999 году, в год 200-летия А.С. Пушкина, я задался этим вопросом и попытался по пушкинскому переводу разыскать португальский первоисточник. Задача, которая первоначально казалась почти невыполнимой, совершенно неожиданно получила быстрое и

удовлетворительное решение. Не просидев и полутора часов над томом произведений Т.А. Гонзага во ВГБИЛ, читая португальские стихи, я вдруг «узнал» пушкинский стихотворный текст: его звучание, его форму, его ритмы.

Находка ошеломила меня. Дело в том, что узнавание было не только сюжетно-тематическим, но и образно-художественным, выразительным. Я начал читать, сопоставляя от строфы к строфе ритмику, рифмы, общую эвфонию строк, словесные образы, выявляя все возможные несовпадения или отступления (которые, мы знаем, всегда возникают, когда художественный замысел переходит от автора к переводчику). Вскоре я уже совершенно не сомневался: передо мной тот самый оригинальный текст, к которому восходит пушкинский перевод. Получилось, что, по сути, методом обратной реконструкции, я установил точную связь «автор — переводчик» и получил возможность с научных позиций подвергнуть анализу творческие поэтические инструменты самого А.С. Пушкина.

Работа, несмотря на незначительный объём текстового материала, была масштабной. Требовалось понять мотивы создания произведения (и перевода), сопоставить ритмику и внутреннюю эвфонию перевода и оригинала, сравнить образы, на которых основано произведение, в их движении и развитии. Ответы на все эти вопросы удалось найти благодаря *поэтической точности* пушкинского перевода.

Критерий *поэтической точности* имеет особое значение при оценке стихотворного, как и любого литературного перевода, потому что именно по этому критерию, в первую очередь, устанавливается полнота соответствия

перевода оригиналу. Под поэтической точностью понимается выразительное и художественное тождество перевода оригиналу. Выразительное — в плане воспроизведения в средствах другого языка аналогичного звучания, ритма, всей музыки поэтической формы. Художественное — в плане аналогии образов в их контекстном отношении, в их сюжетной и/или смысловой динамике. Пушкин точен, прежде всего, в этих важнейших пунктах поэтического перевода. Глубоко вникнув в художественный замысел произведения (в единстве смысла и формы), он точно следует ему, уходя от каких бы то ни было поэтических «буквализмов». Именно поэтому пушкинский перевод поразительно *узнаваем*: сама форма «подсказывает» нам, каков оригинал.

II

Что привлекло внимание молодого Пушкина к этому стихотворению и, более того, подтолкнуло к тому, чтобы перевести это стихотворение, попытаться почувствовать звучание образов стихотворения в русском словесном воплощении?

Трудно определить конкретный мотив. В стихотворении говорится о несчастной любви человека, о его вынужденном расставании с девушкой, которую долго и преданно любил. Стихотворение написано от первого лица. Очевидно, что оно символизирует собственную жизнь поэта.

Можно предположить, что перевод мог предназначаться какой-то девушке, знакомой, к которой молодой Пушкин мог испытывать любовные чувства. Хотя, с другой стороны, нельзя отбрасывать и абстрактный мотив, имея в виду то, что Пушкин лишь искал новые для себя поэтические образы и встретил один из них в стихотворении португальского поэта.

Т.А. Гонзага, один из наиболее одарённых португальских поэтов, стал известен в Европе своими лирическими произведениями, а также свободолобивыми стихами, в которых изобличал произвол португальских наместников в Бразилии. Поэт получил прекрасное образование и, получив назначение в Брази-

лию, делает успешную карьеру. Здесь у него возникает любовь к девушке, которая намного младше его (самому поэту в то время было около 40 лет). Именно этой девушке он посвящает весь цикл своих лирических стихов, принесших ему известность. В течение ряда лет он добивается разрешения на брак. Однако в момент, когда разрешение было получено, возникают общественные волнения, и Гонзага, вопреки служебному долгу, занимает сторону возмущённого непомерными королевскими налогами народа. Его обвиняют в заговоре, лишают всех званий и отправляют в ссылку в Мозамбик, где он в дальнейшем умирает. Именно воспоминания о сладких минутах любви и горечь расставания с любимой отображены в этом, одном из самых трогательных стихотворений Т.А. Гонзаги.

Видимо, Пушкину в самых общих чертах были известны эти обстоятельства написания стихотворения. Он сам, получивший лучшее по тем временам в России образование, уже более пяти лет находился в ссылке. Для молодого человека это — огромный период времени. За это время люди устраивают свою жизнь, начинают успешную карьеру, женятся, приобретают состояние. Всего этого, в силу долгих скитаний, был лишён Пушкин, которому, видимо, пришлось пересмотреть многие из своих юношеских честолюбивых планов. Вместе с тем, как поэт он уже успел получить авторитетное признание, испытать успех, почувствовать славу. Он был полон жизненных сил и творческих планов. Всё это подготовило встречу русского поэта со стихотворением Т.А. Гонзаги.

III

Перевод Пушкина по объёму и структуре отличается от оригинала.

В оригинале стихотворение состоит из 17 строф, Пушкин сохраняет в переводе лишь 11. Это связано с тем, что Пушкин иначе представляет образную динамику стихотворения, в целом усиливает смысловое противопоставление, смысловой контраст образов (см. ниже).

Анализ практики

В оригинале каждая строфа имеет 5 строк (первая, вторая, четвёртая — нерифмующиеся; третья и пятая — рифмующиеся): *abcde*.

1	a	A estas horas
2	b	eu procurava
3	c	os meus amores;
4	d	tinham-me inveja
5	e	os mais pastores.

В пушкинском переводе строфа состоит из 4 строк (рифмуются, соответственно, первая и вторая, третья и четвёртая строки): *aabb*.

1	a	Там звезда зарн взошла,
2	a	Пышно роза расцвела.
3	b	Это время нас, бывало,
4	b	Друг ко другу призывало.

Португальскую тоническую строфу с двумя сильными слогами (в ряде строф появляется также сверхсхемное ударение), Пушкин передаёт строгим русским силлабо-тоническим четырёхстопным хореем, где первые две строки — мужские (т.е. с ударением на последний слог), две последние — женские (т.е. с ударением на предпоследний слог).

1. A estas horas	- _ - _ //	Там звезда зарн взошла,	CcCcCcC//
eu procurava	_ - - _ //	Пышно роза расцвела.	CcCcCcC//
os meus amores;	- _ - _ //	Это время нас, бывало,	CcCcCcC//
tinham-me inveja	_ - - _ //	Друг ко другу призывало.	CcCcCcC//**
os mais pastores.	- _ - _ //*		
2. A porta abria,	- _ - _ //	На постеле пуховой	CcCcCcC//
inda esfregando	_ - - _ //	Дева сонною рукой	CcCcCcC//
os olhos belos,	- _ - _ //	Протирала томны очи.	CcCcCcC//
sem flor, nem fita	_ - - _ //	Удаляя грёзы ночи.	CcCcCcC//
nos seus cabelos.	- _ - _ //		

* нижняя длинная черта означает ударный слог; верхняя короткая — безударный.

** С (заглавное) означает ударный слог; с (строчная) означает безударный слог.

Последние две строки каждой строфы в оригинале можно воспринимать как одну строку, в которой наблюдается перебой ритма с переходом на хорямб¹, что создаёт эффект общего замедления темпа и привлекает внимание к ударному слогу второй стопы, подчёркивая поэтическую значимость слова, содержащего этот слог:

6. Dava-lhe sempre, no rio e fonte, no prado e selva, Água mais clara,* mais branda relva.	7. No colo a pulha; cantão, brincando, a mim a unia; mil coisas ternas aqui dizia.	8. Marília, vendo que eu só com ela é que falava, da-se a furto e disfarçava.
--	--	---

* Ударные слоговые гласные обозначены заглавными буквами.

Пушкин в переводе, выдерживая хорей, оригинально достигает аналогичного замедления темпа путём того, что предпоследний ударный слог в каждой чётной строке (во второй и в четвёртой) выпадает, получается не реализованным, что в русском переводе привлекает внимание к последнему ударному тону, подчёркивая поэтическую значимость слова, содержащего этот слог. Создаётся перекрёстный поэтический эффект, как основанный на безударном тоне дополнительная ритмическая скрепа стиха. Этот приём последовательно выдерживается русским поэтом.

¹ В силлабо-тонической системе стихосложения хорямбом называется случай, когда в ямбическом стихе (преимущественно в четырёхстопном ямбе) в первой стопе из двух смежных стоп словесное ударение падает на первый слог, а в следующей стопе — на второй слог $\bar{u}uuuu$.

3. И являлася она
У дверей иль у* окна
Ранней звёздочки светлее,
Розы утренней свежее.

4. Лишь её завижу я,
Мнилось, легче вкруг меня
Воздух утренний струился;
Я вольнее становился.

5. Меж овец деревни
всей,
Я красавицы моей
Знал любимую овечку,
Я водил её на речку.

* Гласный, на который приходится «выпадающее» ударение, выделен курсивом и подчеркнут.

Должен ли переводчик повторять или какими-то иными поэтическими средствами воспроизводить ритмическую форму произведения? Необходимо учитывать, что буквальное повторение ритмической формы просто невозможно для некоторых пар языков, в частности, для пары португальский – русский. В португальской традиции доминирует силлабическое стихосложение, в русской – тоническое. Тем не менее, именно в ритмике мы ловим общее динамическое звучание стихотворения, подражаем *дискурсивной форме* исходного поэтического текста. Пушкину удалось русскими стихотворными средствами создать ощущение аналогичного движения стихотворного ритма в своём переводе. Поэтому его перевод так узнаваем, прежде всего, в аспекте формы.

Ниже параллельно приводятся тексты португальского оригинала, подстрочный перевод и поэтический перевод А.С. Пушкина. Читатель может самостоятельно сравнить, какие совпадения с оригиналом или, наоборот, какие отступления от оригинала допустил русский поэт.

Стихотворение Т.А. Гонзали на португальском языке	Значение португальского текста (подстрочник)	Стихотворный перевод А.С. Пушкина
A estas horas eu procurava os meus amores; tinham-me inveja os mais pastores. 1.	В эти часы я искал своей любви: завидовали мне другие пастухи.	Там звезда зари взошла, Пышно роза расцвела. Это время нас, бывало, Друг ко другу призывало.
A porta abria, inda esfregando os olhos belos, sem flor, nem fita nos seus cabelos. 2.	[Она] открывала дверь, Ещё протирая Прекрасные глаза. Без цветка, без ленты В своих волосах.	На постеле пуховой Дева сонною рукой Протирала томны очи, Удаляя грёзы ночи.
Ah! que assim mesmo, sem compostura, é mais formosa que a estrela d'alva, que a fresca rosa! 3.	Ах! вот именно так, без [лишних] украшений, [она] более прелестна [стройна], чем утренняя звезда, чем свежая роза.	И являлася она У дверей иль у окна Ранней звёздочки светлее, Розы утренней свежее.
Mal eu a via, um ar mais leve — que doce efeito! — já respirava meu peito. 4.	Лишь только я видел её, [и] более лёгкий воздух — какое сладкое [чувство]! — уже входил [вместе с дыханием] [в] мою грудь.	Лишь её завижу я, Мнилось, легче вкруг меня Воздух утренний струился; Я вольнее становился.
Do cêrco apenas soltava o gado, eu lhe amimava aquela ovelha que mais amava. 5.	Лишь только из-за ограды выходил скот, я [уже] ей ласкал ту овечку, которую [она] больше других любила.	Меж овец деревни всей, Я красавицы моей Знал любимую овечку, Я водил её на речку.

Анализ практики

Стихотворение Т.А. Гонзаги на португальском языке	Значение португальского текста (подстрочник)	Стихотворный перевод А.С. Пушкина
Dava-lhe sempre, 6. no rio e fonte, no prado e selva, água mais clara, mais branda relva.	[Я] давал ей [овечке] всегда, на реке и у источника, на лугу и в лесной чаще, самую чистую воду, самую мягкую траву.	На тенистые брега, На зелёные луга; Я поил её, лелеял, Перед ней цветочки сеял.
No colo a punha; 7. então, brincando, a mim a unia; mil coisas ternas aqui dizia.	Я брал её [овечку] к себе на колени; [так], играя, прижимал её к себе; тысячи нежных слов [вешей] я [ей] тут говорил.	/в переводе отсутствует/
Marília, vendo 8. que eu só com ela é que falava, ria-se a furto e disfarçava.	[Мариялия, видя, что только с нею [с овечкой] и говорил, смеялась тайком и притворялась.	/в переводе отсутствует/
Desta maneira. 9. nos castos peitos de dia em dia a nossa chama mais se acendia.	Таким образом, в наших чистых сердцах [в нашей груди] изю дня в день пламя нашей [любви] всё больше разгоралось.	/в переводе отсутствует/
Ah! quantas vezes. 10. no chão sentado, eu lhe lavrava, as finas tocas. em que fiava!	Ах! сколько раз, сидя на земле, я ей делал, тонкие веретена, на которые она мотала нити!	/в переводе отсутствует/
Da mesma sorte 11. que a sua amada, que está no ninho, fronteiro canta o passarinho.	Точно так же [раньше] своей возлюбленной, [которая] в гнезде, первым поёт птичка [птица — м.р.].	/в переводе отсутствует/
Na quente sesta, 12. dela defronte, eu me entretinha, movendo o ferro da sanfoninha.	В жаркие часы дня, [сидя] перед ней, я наслаждался, двигая ручку моего инструмента [шарманки].	/в переводе отсутствует/
Ela, por dar-me 13. de ouvir o gosto, mais se chegava; então, vaidoso, assim cantava:	Она, дав мне насладиться [музыкой], ближе подходила ко мне; [и я], гордый [собой], [тогда] пел так:	Дева издали ко мне Приближалась в тишине. Я, прекрасную встречал, Пел, гитарою брячая:

Стихотворение Т.А. Гонзаги на португальском языке	Значение португальского текста (подстрочник)	Стихотворный перевод А.С.Пушкина
<p><i>Não há pastora, que chegar possa a minha bela, nem quem me iguale também na estrela.</i> 14.</p>	<p>Нет пастушки, которая могла бы сравниться с моей красавицей, [Как нет о], кто мог бы быть ей равным [под звездами].</p>	<p>“Девы, радости моей, Нет на свете мне милей! Кто посмеет под луною Спорить в счастья со люною?”</p>
<p><i>Se amor concede que eu me recline no branco peito, eu não invejo de Jove o leito.</i> 15.</p>	<p>Если любовь позволяет, чтобы я склонялся над белой грудью, я [в моём ложе] не завидую Юпитеру.</p>	<p>Не завидую царям, Не завидую богам, Как увижу очи томны, Спройный стан и косы тёмны.”</p>
<p><i>Ornam seu peito as seis virtudes, que nos namoram; no seu semblante as graças moram”.</i> 16.</p>	<p>В груди её [грудь её украшают] шесть добродетелей, что любят нас, на её лице [живёт] красота.</p>	<p>Так я пел, бывало, ей, И красавицы моей Сердце песенно любовалось; Но блаженство миновалось.</p>
<p><i>Assim vivia; hoje em suspiros o canto mudo: assim Marília. se acaba tudo</i> 17</p>	<p>Так я жил; сейчас [тяжело] вздыхаю музыка [песнь] моя смохла: так, Марлиня, все заканчивается [проходит].</p>	<p>Где ж красавица моя? Одинокий плачу я; Заменяли песни нежны Стон и слезы безнадежны.</p>

IV

Нельзя не видеть, что пушкинский перевод отличается от оригинала также в образном смысловом аспекте.

Для всех пушкинских произведений характерна удивительная ясность и благородство образа. И в этом своём переводе Пушкин острее подаёт образы, чем они представлены в оригинале. Между образами отсутствует видимая рациональная связь: образы не объясняют друг друга, “не видят” друг друга, каждый из них как бы независим, представлен как таковой. Но тем острее между ними чувствуется скрытая поэтическая связь. Каждый из них в своём развитии символизирует развитие другого и служит фоном, на котором раскрывается другой. Появление зари и расцвет розы символизирует встречу двух влюблённых в утренние часы, внимание к овечке означает внимание и любовь героя к девушке... Символ

стоит над сравнением. В символической связи лишь что-то одно реально. Другое, символическое, ирреально. Но именно в нём — подлинный смысл. красота и высшее назначение реального. Отсюда, в символе стирается грань между реальностью и не-реальностью, анти-реальностью. Разница между первым и вторым теряет своё привычное естественное значение. И мы уже не понимаем, что реально и что ирреально, что мы видим здесь, в этом мире, а что *остаётся* там, за гранью реального. Видимо, поэтому Пушкин не включает в перевод описательные центральные строфы (с 7 по 12). В этих строфах, в оригинале, все образы даны как реальные: они двигаются, видят друг друга, живут в одном мире.

Т.А. Гонзага — представитель классической поэзии. Для классицизма характерна метафорическая направленная подача образа. Пушкин уходит от перегруженных рациональными представлениями классических

Анализ практики

метафор, ему чужда прямолинейная метафоризация образа, смысловое развитие образа можно почувствовать, но нельзя рационально предугадать. Никаким сравнением нельзя объяснить образ.

Итак, почему А.С. Пушкина заинтересовало это стихотворение? Конечно, здесь в первую очередь важно учитывать мотивационные и тематические факторы. Стихотворение Т.А. Гонзаги в чём-то открыло русскому поэту глаза на самого себя, позволило как-то оценить или острее почувствовать своё положение. Но здесь не менее важны и чисто худо-

жественные причины. Пушкин напряжённо работал, он находился на переломном этапе своего творческого развития. Наконец, окончилась южная ссылка, завершился романтический этап творчества, уже были написаны две главы «Евгения Онегина», возникал замысел «Бориса Годунова». Пушкин искал новые формы, более совершенные художественные приёмы подачи образа. И в стихотворении Т.А. Гонзаги он увидел требуемый эстетический контраст, который и воплотил в русском переводе.

Структуры и связи О роли синтаксиса в переводе

Д.М. Бузадзи

Когда описывают переводческий процесс и трудности, с которыми в своей работе сталкивается переводчик, обычно говорят о кропотливом поиске нужных слов. Спору нет: найти точный, хорошо ложащийся на контекст вариант бывает мудрено. Но нельзя упускать из виду, что подчас куда труднее выстроить такую синтаксическую конструкцию, в которой удачные слова будут действительно радовать глаз, а не ступаются, как человек, севший не в свои сани.

Вот пример. В фильме «Запах женщины» полковник просит Чарли принести часы:

Colonel: You got a watch?

Charlie: Ah, it's 7:20.

Co: I didn't ask you the time. I asked if you had a watch.

Ch: Yeah, in the other room.

Co: Get it.

Ch: Colonel, there's a clock right next to your bed.

Полковник: Часы есть?

Чарли: Сейчас 7:20

П: Я не спрашиваю, который час, я спрашиваю, есть ли у тебя часы.

Ч: Да, в той комнате.

П: Принеси.

Ч: Полковник, часы в вашей комнате.

Слова все вполне подходящие. Но русско-го зрителя должно немало удивить, что часы Чарли чудесным образом оказались в комнате полковника. А как ещё можно понять обмен репликами «Принеси часы — Часы в вашей комнате»? Посмотрев оригинал, понимаешь, что тут не чудеса телепортации, а элементарная переводческая ошибка. В последней фразе процитированного отрывка *a clock (часы)* — не данное (тема), а новое (рема), что в оригинале выделено конструкцией *there is* и неопределённым артиклем. В русском актуальное членение предложения (на тему и рему) в

большинстве случаев определяется порядком слов, поэтому перевести можно было хотя бы так: «Полковник, у вас на тумбочке есть часы». На обложке DVD с этим фильмом сказано загадочное: «Полный дублированный перевод». Видимо, полнота заключается в том, что все слова в переводе присутствуют, а расставить их по местам — уже дело зрителя.

Чтобы полнота переводов не была подобна флюсу, в этой статье хотелось бы поставить вопрос о роли в переводе синтаксиса, а именно о влиянии, которое выбор той или иной синтаксической конструкции имеет на адекватность перевода. Сразу оговорюсь, что речь в основном пойдёт о переводах с английского языка на русский, так как о некоторых смысловых и стилистических нюансах русско-английских переводов автор, как не-носитель языка, судить не берётся.

Когда говорят о критериях оценки перевода и, соответственно, о типах переводческих ошибок, основное внимание уделяют, как правило, ошибкам смысловым. Такой подход, например, отражён в программе курса перевода английского языка МГЛУ: при выведении оценки именно за смысловую ошибку начисляют больше всего «штрафных баллов». Конечно, в этом есть своя логика. Когда читаешь, что качество утюга определяется, в первую очередь, по тому, «липнет ли он к одежде» («if it gets creases out of clothes»), рука сама тянется вывести на полях жирный красный «минус». Бесспорно и то, что такие ошибки зловреднее всех прочих в переводах контрактов, инструкций, справочников и других текстов официального или научного стиля. Но стоит отметить, что упор на смысловые ошибки, иногда при недооценке всех прочих, делают и потому, что смысловые ошибки — это, так сказать, «хорошие» ошибки, лёгкий хлеб преподавателя, редактора и критика. Они в основном нелепы, смешны, не оставляют переводчику возможностей для оправдания и служат благодарным материалом для переводческих баек. Доказать переводчику, что он совершил смысловую (то есть, как правило, лексическую) ошибку легко — достаточно указать нужное место в сло-

варе, энциклопедии или, на худой конец, в учебнике английского языка.

Но в том-то и беда, что легко ни одно серьёзное дело не делается. Как часто, натякаясь при проверке контрольных работ на ошибку вроде «часов в комнате», мучительно решаешь, в какую категорию её записать. Что это? Стилль? Уродливая конструкция, навеянная кинопереводами и зачинами наших телеведущих, которые с улыбкой сообщают, что, скажем, «тысяча километров дорожного полотна была в этом году отремонтирована дорожными рабочими», как будто в прошлом году эту тысячу километров ремонтировал кто-то другой? Или всё-таки смысл — дезориентация читателя относительно перемещения часов в пространстве? Не менее трудно приходится с синтаксическими ошибками (в основном приводящими к стилистическим нарушениям) и при редактировании, особенно если речь идёт о переводе художественных или публицистических текстов. Лексическую ошибку исправить не очень трудно: как правило, достаточно заменить слово или словосочетание на более подходящее, и можно идти дальше. Это как доброкачественная опухоль: вид её может пугать, но вырезать можно. Ошибка синтаксическая — это раковая метастаза. Может быть, при беглом взгляде она не так заметна, но поражает всё предложение целиком, и, чтобы её исправить, требуется подчас перестроить, а то и переписать всё предложение. И перевод пусть даже с несколькими вопиющими ошибками лексического характера, но написанный грамотно, по-русски построенными предложениями почти всегда кажется лучше перевода без серьёзных смысловосказывающих ошибок, но с изуродованным синтаксисом.

Чтобы избежать упреков в смешении понятий, сразу оговорюсь, что, конечно, нельзя отождествлять лексические ошибки со смысловыми, а синтаксические со стилистическими. Когда мы говорим о лексических и синтаксических ошибках, мы указываем на языковой уровень, на котором можно зафиксировать то или иное нарушение в переводе. Говоря об ошибках смысловых и стилистических, мы показываем, какой тип информации

Анализ практики

оказался искажённым. Однако, с точки зрения оценки качества перевода и редактирования, можно отметить закономерность. Ошибки, связанные с употреблением лексических единиц, в основном приводят к нарушениям, воспринимаемым как смысловые. Бывают и лексические ошибки, приводящие к стилистической неадекватности, но они, как правило, связаны с выбором слова из неподходящего стиля или регистра, и их относительно легко заметить и исправить. Синтаксические ошибки, как более глубинные, поддаются идентификации гораздо труднее. Более того, нарушения синтаксиса в подавляющем числе случаев воспринимаются как стилистические и редко когда удаётся доказать, что, по всем формальным признакам, речь идёт об искажении смысла. Пример, приведённый в начале статьи, служит хорошим тому подтверждением. Если судить по нормам русского языка, смысл последней фразы должен быть понят как «моя часы оказались в вашей комнате», т.е. смысловая ошибка налицо. Однако переводчик, допустивший её, попытался бы, скорее всего, доказать, что он просто неудачно выразился, что в переводе пострадало не содержание сообщения, а только его форма.

Как ни парадоксально, но вопрос зрителю, посмотревших фильм в этом переводе, вполне мог бы подтвердить такую точку зрения. Мы привыкли «перескакивать» через синтаксические ошибки, не веря переводчику на слово и достраивая смысл за него. Когда в очередной рекламе нам рассказывают об «инновационном шампуне для здоровых, сильных волос», мы отказываемся возмущаться несправедливостью производителя, предназначившего шампунь только для людей с не так здоровыми волосами, а догадываемся, что переводчик здесь наделил конструкцию с предлогом для значением английской конструкции с предлогом *for* и шампунь не предназначен для волос с качеством X, а придаёт волосам качество X. Возможно, такое положение вещей связано с тем, что синтаксическая информация, в отличие от лексической, имплицитна, а значит нарушение её меньше бросается в глаза. Синтаксическая ошибка – это не явная ложь, высказанная прямым текстом, а ложный намёк. Соврашшего в глаза легко уличить, но

соврашший намёком всегда может выкрутиться, отговорившись тем, что «он ничего такого не имел в виду, у него просто манера такая».

Подытоживая вышесказанное, постараюсь сформулировать рабочее определение синтаксической переводческой ошибки, которое будет использовано при отборе примеров и тем для данной статьи. Синтаксическая переводческая ошибка – это искажение в переводе фактической, стилистической или иной информации, основной причиной которого стал выбор синтаксической конструкции. С сугубо практической точки зрения можно сказать, что синтаксические ошибки – это, как правило, те ошибки, для исправления которых требуется не заменить одно слово или словосочетание другим (с другим смыслом или стилистической окраской), а произвести структурные изменения: изменить порядок слов, тип предложения, расположение и/или качество членов предложения, характер связи элементов словосочетания и т.д.

Актуальное членение

Рассмотрение типичных синтаксических ошибок есть смысл начать с вопроса об актуальном членении предложения. Как ни банальна эта тема, но факт есть факт: львиная доля всех синтаксических ошибок в письменных переводах с английского языка на русский связана с нарушением актуального членения. Особенно грешат этим начинающие переводчики, у которых ещё не выработался навык обращать внимание на характерные для английского языка маркеры ремы и не принимать порядок слов в оригинальном высказывании за непререкаемый образец для соответствующего высказывания в переводе. Приведем наугад несколько примеров из кинопереводов:

- Ты не видела её всю ночь?
- Да, её здесь не было, когда я пришла.

- Что случилось?
- Я думаю, что инопланетяне захватили наш колледж.

- Что ты здесь делаешь?
- Страшные вещи происходят здесь.

- В свидетельстве о смерти сказано, что сердечный приступ был причиной смерти.

- Вечно ты рассказываешь какую-то чушь.
- Это правда. **Моя бабушка** рассказала мне эту историю.
- Что ты сделала?
- Ничего. **Гномы** сделали это.

Может показаться, что ничего страшного в этих примерах нет. Но стоит переставить выделенные элементы в конец предложения, и произойдет удивительная вещь: предложения зазвучат легче, осмысленнее, грамотнее, а читающий эти строки внутренний голос перестанет делать истерические па и обретет естественную интонацию.

Подробно останавливаться на понятии актуального членения вряд ли стоит: профессиональным лингвистам (в числе которых в идеале хотелось бы видеть всех переводчиков) о нем должно быть известно из курса языкознания, не говоря уже о теории перевода. Можно лишь в двух словах напомнить о том, что в любом высказывании есть коммуникативный центр, самая главная, наиболее новая информация (рема), и тема — либо уже известная информация, либо та информация, которая подаётся в качестве фона, в расчёте на то, что собеседник примет её как само собой разумеющуюся. В русском языке рема обычно маркируется порядком слов, т.е. самая ценная, наименее предсказуемая информация сообщается в конце высказывания. В английском языке из-за особенностей его грамматической системы такой сдвиг не всегда возможен, поэтому рема может встретиться и в начале, и в середине предложения.

Вообще, о различиях между русским и английским языками с точки зрения типичного расположения ремы существуют самые разные мнения. Нора Галь пишет: «Как ни свободно по сравнению с западноевропейскими языками строится русская фраза, логическое и эмоциональное ударение в ней чаще всего в конце. А, к примеру, в английской — в начале. И если сохранить строй подлинника, английский порядок слов, в конце фразы гирькой повисает какое-нибудь местоимение, хотя суть вовсе не в нём»¹. Но её наблю-

дениям противоречат экспериментальные данные, полученные Л.А. Черняховской: «Так, оказалось, что в исследуемом материале (взятом из газеты “Таймс” — Д.Б.) 93,9% всех исследуемых предложений строятся в прогрессивной последовательности с ремой в конце высказывания. И только в остальных 6,1% предложений рема открывает высказывание (регрессивная последовательность)»².

Но даже если выводы Л.А. Черняховской верны (а сомневаться в них оснований нет), проблема адекватной передачи актуального членения не становится менее острой. Во-первых, переводчику нельзя забывать и об оставшихся 6,1%, в которых рема безо всякой эмоциональной инверсии оказывается в начале предложения, где её могут маркировать неопределённый/нулевой артикль, обороты *there is/there are, it is sth. that...*, слово *only* и т.д. А во-вторых, перестановки элементов могут потребоваться и в том случае, когда общая прогрессивная последовательность темы и ремы не изменяется. В примере “Unemployment in Great Britain passed the 600,000 mark last week”, который приводит Л.А. Черняховская, рема (группа сказуемого), безусловно, следует за темой (группой подлежащего). Однако при переводе на русский обстоятельство времени (“last week”) и дополнение (“the 600,000 mark”) придётся поменять местами, иначе сообщение о том, что произошло с безработицей в Великобритании на прошлой неделе, преобразуется в сообщение о том, что в Великобритании отметка в 600 тысяч безработных была преодолена именно на прошлой неделе, а не, скажем, раньше. Как видим, оба варианта перевода возможны, но вариант с перестановкой более универсален и годится, даже если предложение представляет собой законченное новостное сообщение, тогда как вариант без перестановки уместен только в специфическом контексте (скажем, при сопоставлении Великобритании с другой страной, которая преодолела этот рубеж раньше).

¹ Галь Н. Слово живое и мёртвое: от «Маленького принца до “Корабля дураков”». — М.: Междунар. отношения, 2001. — С. 216.

² Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. — М.: Междунар. отношения, 1976. — С. 49.

Анализ практики

Одним словом, переводчику-практику следует помнить, что порядок слов (точнее, смысловых элементов) английского предложения в большинстве случаев потребует изменения в переводе. Конечно, зачастую расположение этих элементов может быть сохранено без ущерба для смысла и стиля (синтаксическая эквивалентность), но такие случаи нужно считать не правилом, а исключением и подходить к изменению порядка слов в англо-русских переводах как к норме.

Сбои в передаче тема-рематических отношений иногда приводят к искажению смысла или полному абсурду (см. пример в самом начале статьи), но в большинстве случаев их последствия менее заметны, но куда более коварны: текст, сохраняя осмысленный вид, теряет естественность в строе фразы и связность в изложении. Вот характерный пример из студенческого перевода:

By the turn of the century, however, technology had sprung forward. And by the time my grandmother's children come along in the 1920s, airplanes were relatively common, radios were in widespread use, and television – and even fax technology – had been invented. When she sent her sons to war in Europe in the 1940s, digital computers and nuclear energy were alive in the laboratory and would soon be put to use (PC Magazine, Nov. 4, 97).

Однако на рубеже веков технологический процесс пошел ещё дальше. А уже к 20-м годам XX века, когда появились на свет дети моей бабушки (мои родители), аэропланы были обычным явлением, радио получило широкое распространение, а телевидение – и даже факс – уже были изобретены. А когда моя бабушка провожала своих сыновей на войну в Европу в 1940-х, цифровые компьютеры и атомная энергия уже разрабатывались в лабораториях и в скором времени уже повсюду использовались.

Как видно, автор описывает технологический прогресс, называя те или иные изобретения и новые технологии как приметы разных эпох. Читатель, таким образом, с самого начала понимает, что времена менялись и появлялось что-то новое. Это фон, связующая ткань отрывка, самое интересное в котором – сами изобретения и технологии. Переводчик же пошёл на поводу у английского строя фразы, упрятав самую ценную информацию (аэропланы, радио, телевидение и т. д.) в «подвал» и выставив на всеобщее обозрение в конце

предложений никому не нужные, неинтересные и практически синонимичные конструкции: *были обычным явлением, получило широкое распространение, были изобретены, разрабатывались*. В результате вместо рассказа о ходе прогресса мы получаем сведения о статусе тех или иных изобретений в отчётную эпоху, а в ушах звенит однообразное: «был» – «не был».

Чтобы эти рассуждения не показались голой теорией, можно отредактировать этот вариант перевода с максимальным сохранением исходных лексических единиц, но перестроив его синтаксически:

Однако на рубеже веков технологический процесс пошёл гораздо быстрее. И к 20-м годам XX века, когда появились на свет дети моей бабушки (мои родители), довольно обычным явлением были аэропланы, почти у всех было радио и уже изобрели телевидение и даже факс. А когда моя бабушка в 40-х годах провожала сыновей на войну в Европу, в лабораториях уже разрабатывали цифровые компьютеры и атомные реакторы и не за горами был тот день, когда началось их использование.

Конструкции со значением цели

Как показывает практика, множество синтаксических ошибок в переводе происходит из-за искажения характера связи между элементами предложения или самими предложениями. Среди типичных случаев мы рассмотрим ошибки, связанные с дословной передачей подчинительных связей. Как отмечает, в частности, Л.С. Бархударов, «для русского языка, особенно для устно-разговорной речи, более характерно преобладание сочинительных конструкций, в то время как в английском языке подчинение если не преобладает, то, во всяком случае, встречается чаще, чем в русском»³. Когда переводчик не задумываясь переносит в перевод подчинительную конструкцию, русское предложение приобретает подчас самую замысловатую окраску. Трудно представить себе человека, который в запальчивости бросает: «Я вам не мусор. Прошло много лет перед тем, как я мог вам это сказать». Но именно такой персонаж

³ Бархударов Л.С., Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М., 1975. – С. 207.

появился по воле кинопереводчика в популярном сериале. Конечно, по-английски герой сказал что-то вроде: «Я много лет хотел вам это сказать, но всё не решался», однако в переводе конструкция с временным придаточным убила живую интонацию начисто.

К придаточным предложениям времени мы ещё вернёмся, а для начала хотелось бы сказать несколько слов о переводе конструкций со значением цели. Речь идёт об английских инфинитивах в значении обстоятельства цели, которые выражают отношения подчинения. Может показаться, что передача этих конструкций не вызывает затруднений и русские придаточные предложения цели, вводимые союзом «чтобы», в абсолютном большинстве случаев подходят на роль полного синтаксического эквивалента. Однако, если приглядеться внимательнее, это не совсем так. В статье, где рассказывается об учёных-диетологах, пытающихся изменить технологию приготовления пиццы, чтобы сделать её полезнее, один из опытов описывается так:

They varied oven temperatures and baking times to test the level of antioxidants in the pizza base (Guardian, March 27, 07).

Переводы студентов, как правило, содержат придаточное цели и имеют примерно такой вид:

Они варьировали температуру в печи и время приготовления, **чтобы** замерить уровень антиоксидантов в основе для пиццы.

Хотя такой вариант выглядит вполне адекватным, в нём, по сравнению с английским, искажены отношения между действиями в главном и придаточном предложениях и агентом действия. В английском предложении учёные пробовали готовить пиццу при разной температуре и смотрели, как та или иная температура сказывается на уровне антиоксидантов. Но в переводе эксперимент представлен в ином и довольно нелепом виде: учёные задались целью сделать несколько разных замеров антиоксидантов и ради этого меняли температуру. Этого искажения можно избежать, заменив придаточное предложение цели на другую конструкцию, которая предполагает более свободное, не столько целе-

вое, сколько временное соотношение между двумя действиями, например:

Они варьировали температуру в печи и время приготовления, **замеряя** уровень антиоксидантов в основе для пиццы.

А лучше даже так:

Они решили проверить, как температура в печи и время приготовления влияют на содержание антиоксидантов в основе для пиццы.

Думается, различие между английскими целевыми инфинитивами и русскими придаточными цели можно описать следующим образом. Русские придаточные цели предполагают, что агент совершает действие, указанное в главном предложении, с осознанным намерением осуществить с его помощью действие, указанное в придаточном предложении. Причём внимание сосредоточено преимущественно на действии придаточного предложения, тогда как действие главного предложения представляется само собой разумеющимся. Это некая ступень, которая служит только для того, чтобы осуществить конечную цель. Английские предложения с целевым инфинитивом допускают более свободный характер связи между этими двумя действиями. Действие, выражающее сказуемое, может иметь самостоятельную важность и восприниматься не как предпосылка, необходимая для осуществления действия, выраженного инфинитивом, а как первый этап в цепи практически равноправных действий, связанных причинно-следственной связью.

Особенно хорошо эта разница видна на примере предложений в повелительном наклонении. Впрочем, как показывает практика, видна она не всем, в результате чего рождаются переводы вроде следующего:

Maybe your target is the local daily or weekly paper. Perhaps it's a morning TV talk show that covers local happenings or a local home magazine that showcases great design or area artists. Review each option to determine which would be best for you and to whom you should send your information (Art Business News, Jan., 03).

Возможно, вы выбрали местную ежедневную или еженедельную газету. А может быть, утреннее ток-шоу, которое освещает события местного масштаба, или местный журнал для домохозяек, который пишет о видных дизайнерах или местных художниках. Отнеситесь

Анализ практики

внимательно к своему выбору, чтобы определить, что лучше всего вам подойдёт и кому именно адресовано ваше сообщение.

Даже с сохранением предложенных переводчиком лексических вариантов последнее предложение заметно выиграет, если связать императивы не подчинительной, а сочинительной связью (а заодно изменить порядок слов исходя из соображений актуального членения):

Отнеситесь к своему выбору внимательно, определите, что подойдёт вам лучше всего и кому именно адресовано ваше сообщение.

Временные придаточные предложения

Асимметричность русской и английской грамматических систем и преобладание в английском подчинения ярко проявляются и при передаче с английского на русский временных придаточных предложений. Л.С. Бархударов приводит пример из перевода «Детства» Горького на английский язык, где фраза «Убери его, дьявола, убью!» передана как “Take that devil out of here before I kill it!” В английском языке резкость, разговорность и восклицательность реплики никак не противоречат появлению подчинительной связи. В русском предложении вроде «Убери отсюда этого дьявола, прежде чем я его убью!» вызвало бы только смех. Впрочем, многие кинопереводчики смешливостью не отличаются

и пишут так:

Врачи говорят, что пройдут дни, прежде чем он придёт в себя.

Она уже никогда не будет прежней. Пройдёт время, пока она сможет говорить.

У меня уйдёт немного времени, прежде чем я сумею это сделать.

Я должна уйти, прежде чем покончу с собой.

хотя можно было бы так:

Врачи говорят, он очнётся только через несколько дней.

Заговорит она ещё нескоро. А полностью оправиться вряд ли вообще когда-нибудь сможет.

На это уйдёт время/Придётся подождать/Быстро не получится.

Если я не уйду, точно покончу собой.

В целом наблюдается та же картина, что и в случае целевых конструкций. Подчинительная связь в английских придаточных времени в целом более свободна от дополнительных значений, чем подобная связь в русском языке. Сравнив два предложения — “He drank another glass before he began his story” и «Прежде чем начать рассказ, он выпил ещё стаканчик», — можно прийти к выводу, что в первом случае сообщается исключительно об определённой последовательности действий, во втором — о последовательности в сочетании с некоей причинно-следственной связью (возможно, рассказчику надо было взбодриться, прочистить горло и т. п.). Таким образом, первое предложение в зависимости от контекста может передаваться не только при помощи придаточного времени (как во втором предложении), но и с использованием других конструкций, например «Выпив ещё стаканчик, он приступил к рассказу» или «Он выпил ещё стакан и начал рассказывать». Неуместность подчинительной связи почувствовал переводчик И. Введенский, вообще отказавшись в переводе от глагольной конструкции:

“Will you make another glass before you begin, sir?” said Mr. Pickwick.

— Перед началом не угодно ли еще стаканчик пунша? — спросил м-р Пикквик⁴.

Если рассмотреть английские придаточные предложения, выражающие последующее (*before*), предшествующее (*after*) и одновременное (*when/as*) действие, и сопоставить их с русскими, то мы увидим, что подчинительная связь английских предложений может выражать как простой порядок следования действий во времени, так и дополнительные оттенки смысла (причинно-следственную связь и т.п.) В этом они близки к русским деепричастным оборотам, способным в зависимости от контекста по-разному передавать отношение действия, выраженного деепричастием, к основному действию. Поэтому при переводе английского времен-

⁴ Ч. Диккенс. Замогильные записки Пикквикского клуба / Пер. И. Введенского. — СПб.: Просвещение, 1907. — С. 61.

ного придаточного аналогичной русской конструкцией характер взаимоотношений между действиями зачастую меняется безо всякой на то воли переводчика. Попробуем свести основные трудности в таблицу⁵:

Союз	Основные трудности в сопоставлении с аналогичной русской конструкцией	Примеры
before vs. прежде чем	1) (если речь идёт о прошлом) Предшествование не обязательно отягощено значением того, что предшествующее действие было так или иначе необходимо для совершения последующего.	<p>Just before his speech [at the UN], President Ronald Reagan got stuck in an overloaded elevator for nearly a minute before a security guard employed by the United Nations could pry the door open. (International Herald Tribune, Sept. 29, 86)*</p> <p>Незадолго до своего выступления президент Рейган застрял в перегруженном лифте, и только примерно через минуту сотруднику службы безопасности ООН удалось открыть двери кабины.</p>
	2) (если речь идёт о будущем) Последующее действие не обязательно должно случиться.	<p>The Labour party has changed so much in the approach to this week's conference that it can only be a matter of time before it changes its name also. (Times, Oct. 5, 92)*</p> <p>В преддверии конференции в Лейбористской партии произошли такие перемены, что скоро того и гляди партия и название сменит.</p> <p>The balance of nature must be restored before further catastrophic damage occurs. (Times, May 21, 99)*</p> <p>Необходимо восстановить экосистему, пока не случилась новая природная катастрофа.</p>
after vs. после того, как	1) Предшествующее действие может обозначать причину последующего.	<p>Russia faced financial chaos last night after the rouble collapsed and long queues formed at banks as people withdrew their savings. (Daily Telegraph, Aug. 27, 98)*</p> <p>Когда вчера вслед за падением рубля в банках выстроились очереди людей, стремящихся снять свои сбережения, над страной нависла угроза финансового кризиса.</p>
	2) Предшествующее действие оказывается практически одновременно с главным.	<p>A 92-year-old woman died after she tried to rescue her cat after her television set blew up and started a fire at her home in Alhampton, Somerset. (Guardian, Aug. 9, 02)*</p> <p>В Олхэмптоне (Сомерсет) во время пожара, спасая из огня свою кошку, погибла пожилая женщина в возрасте 92 лет. Пожар начался из-за неисправного телевизора.</p>

⁵ Знаком «*» отмечены примеры, позаимствованные из сборника упражнений «Бузаджи Д.М., Маганов А.С. Техника перевода. Часть I. Грамматические аспекты перевода. — М.: Р.Валент, 2007». Представленный в данной статье подход к анализу грамматических проблем и их решению может в известной степени быть применён и при использовании пособий «Техника перевода» на занятиях.

Союз	Основные трудности в сопоставлении с аналогичной русской конструкцией	Примеры
when/as vs. когда	1) Действие в придаточном предложении может иллюстрировать действие в главном предложении.	<p>Volcanic activity intensified at Mount Etna early Tuesday as a 100-meter (300-foot) plume of black ash and lava spewed from its crater. (International Herald Tribune, Sept. 16, 98)*</p> <p>Во вторник утром вулканическая активность Этны усилилась. Из кратера вырвался 100-метровый столб чёрного пепла и лавы.</p>
	2) Действие в придаточном предложении может быть важнее действия в главном предложении (а не служить фоном для него).	<p>Louis Barton was five years old, and his younger sister Lily just born, when their mother decided on home education after failing to find a suitable local London school. (Sunday Times, 20 Apr., 03)*</p> <p>Когда Луису Бартону было пять лет, а его младшая сестра Лили только родилась, их мать, отчаявшись найти подходящую школу в их районе Лондона, решила обучать детей на дому.</p>
	3) Действие в придаточном предложении может быть связано с действием в главном предложении только включённостью в одну ситуацию (без причинно-временной обусловленности)	<p>As her chestnut hair streamed in the wind, Julie squinted at the far horizon, which was filling up with honey-gold light as the sinking sun drizzled toward it. (Dean Koontz)*</p> <p>Ветер развевал каштановые волосы Джули, а она, прищурив глаза, смотрела, как по горизонту от брызг заходящего солнца разливается медово-золотистый свет.</p>

Итак, сталкиваясь с временными придаточными в оригинале, переводчик должен помнить, что, во-первых, смысл английского временного подчинения может отличаться от смысла формально сходных русских конструкций, и что, во-вторых, в русском переводе подчинение, даже передавая необходимый грамматический смысл, может оказаться неуместным по соображениям стилистики.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно осветить все наиболее существенные

типы синтаксических ошибок, возникающих при переводе с английского языка на русский. Да и распределение ошибок по существенности во многом субъективно. И всё-таки хотелось бы надеяться, что высказанные здесь соображения окажутся достаточно злободневными и универсальными, чтобы заинтересовать переводчиков и редакторов, работающих с этой парой языков. Разговор о синтаксических ошибках в переводе будет продолжен в ближайших номерах «Мостов».

Из разговорно-переводческой практики

Из переводческого фольклора

Встречаются два друга детства, один юрист из консалтинговой компании, другой переводчик; один богатый, другой бедный.

Переводчик: Друг, у нас же с тобой профессии похожие: я повторяю то, что говорят другие, и ты тоже. Почему же тебе платят так много, а мне так мало?

Юрист: Просто ты, дурачок, как услышишь, сразу и повторяешь. А я сначала жду два месяца, пока люди не забудут, что они сами мне это всё говорили.

Д. Толмачёва-Драгоманова

«Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...

Д. И. Ермолович

В своей последней статье, увидевшей свет в «Мостах» № 2 за 2005 г., виднейший отечественный переводовед Вилен Наумович Комиссаров писал об ошибках переводчиков, вызванных неверным пониманием структуры высказывания¹.

В качестве примеров он приводил, в частности, поговорки: *It is a good horse that never stumbles; It is a long lane that has no turning.* Кто-то может увидеть в таких высказываниях описания конкретных предметов: «Это — хороший конь, который никогда не спотыкается», «Вот длинная дорожка, которая никуда не сворачивает». На самом же деле перед нами обобщающие суждения, смысл которых в том, что даже хороший конь — и тот иногда спотыкается и что любая тропинка обязательно куда-нибудь да свернёт.

По ложному пути могут направить мысль переводчика и структуры таких высказываний, как *You can't be too careful* или *I don't think much of him*. Действительно, можно ошибиться и перевести их соответственно как «Нельзя быть слишком осторожным» (вместо правильного варианта «Лишняя осторожность не мешает») и «Я не так много о нём думаю» (вместо «Я о нём невысокого мнения»).

Вилен Наумович привёл и целый ряд других примеров, которые по форме сходны с высказываниями, имеющими совершенно иное значение, и предложил обсудить вопрос о том, не отнести ли к «ложным друзьям» переводчика не только слова, как мы привыкли, но и «обманчивые» синтаксические структуры.

Однако статья В.Н. Комиссарова не случайно имела подзаголовок «К постановке

проблемы». Вилен Наумович прекрасно понимал всю неоднозначность и даже спорность такой идеи. «Во многих случаях, — отмечал он, — трудности переводчика, связанные с попытками использовать в переводе наиболее привычное определение «ложных друзей» (курсив мой. — Д.Е.).

Поэтому В.Н. Комиссаров отнюдь не поставил точку в своей статье, а удачно заострил интерес к этой теме, предложив исследовать её глубже. Это предложение и стало стимулом к написанию той статьи, которую вы сейчас читаете. Действительно, имеет смысл задуматься о том, можно ли распространить понятие «ложный друг» переводчика на уровень структуры высказывания, и о том, на каких лингвистических основаниях следует изучать явление, описанное В.Н. Комиссаровым.

Скажи мне, кто твой друг...

Чтобы не впасть в чисто терминологический спор, нужно прежде всего разобраться с определениями. Начнём с того, как определяется термин «ложные друзья переводчика» (в дальнейшем — ЛДП) в его традиционном — лексикологическом — понимании.

Среди отечественных переводоведов одним из первых эту тему исследовал В.В. Акуленко, определивший ЛДП как «слова, ассоциируемые или отождествляемые (благодаря сходству в плане выражения) в двух языках», которые «в плане содержания или по употреблению не полностью соответствуют или даже полностью не соответствуют друг другу»².

¹ Комиссаров В.Н. «Ложные друзья» переводчика в структуре английского высказывания (К постановке проблемы). // «Мосты» № 2 (6). — М.: Р.Валент, 2005. — С. 15–17.

² Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика». // Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». — М.: Сов. энциклопедия, 1969. — С. 372.

Продолжая тему

В этом определении отмечены два важнейших признака ЛДП: 1) сходство формы; 2) несоответствие в плане содержания и (или) в употреблении.

Однако, по моему мнению, этими особенностями сущность ЛДП не исчерпывается. Третьим важнейшим отличительным признаком этой категории слов следует считать осознаваемую переводчиком интернациональность, т.е. этимологическую общность сопоставляемых единиц.

Чтобы убедиться в важности этого признака, сопоставим слова, имеющие формальное сходство, но разное происхождение. Возьмём, например, соответствие *click* — *клик* (в значении 'нажатие на клавишу мыши'), популярное среди пользователей компьютеров. Строго говоря, это неверное соответствие, поскольку в нормативном русском языке слово *клик* не имеет значения 'щелчок' или 'нажатие'.

Можно ли считать такое соответствие одним из ЛДП? Думаю, что нельзя. Ведь те, кто переводит *click* как *клик*, делают это не потому, что форма английского слова ввела их в заблуждение насчёт его значения, и не потому, что они не знают словарного значения русского слова, а из-за небрежности или, если угодно, языковой лени.

Говорящий в таких случаях не то чтобы ошибается в подборе эквивалента — он просто не чувствует себя строго связанным нормами родного языка (тогда как переводчику отход от норм в принципе не позволен). Вместо поиска нормативного соответствия он либо «берёт» то, что попадаете ему под руку (чаще всего случайное похожее слово, как в случаях *click* — *клик*, *e-mail* — *мыло*, *мышь*), либо использует иноязычный материал как сырьё для создания искусственных лексических продуктов (*logged in* — *залогиненный*, *tender* — *отрендерить*, *flash drive* — *флешка*).

То, что такая практика есть один из путей развития лексического состава языка и что она приводит иногда к удачному словотворчеству, — другой вопрос. Однако «авторами» таких продуктов не являются профессиональные переводчики. Если переводчик и следует в фарватере подобной практики, то его ошибка заключается не в неверном понимании смысла или стилистических качеств слова, а в том, что он необоснованно полага-

ется на результаты чужого словотворчества. Наблюдая, как закрепляются эти результаты в некотором кругу носителей языка, он, вероятно, переоценивает степень их приемлемости в более строгой нормативной речи.

В отличие от описанного явления использование ЛДП, наоборот, является именно переводческой ошибкой, которая обычно противоречит общепринятому словоупотреблению в соответствующем кругу специалистов. Трудно представить себе, чтобы музыканты говорили *пианино* там, где нужно сказать *фортепиано* или *рояль* (ср. англ. *piano*), или чтобы преподаватели употребляли слово *факультет*, подразумевая *учительский состав* (ср. англ. *faculty*), а вот переводчики совершают такие ошибки сплошь и рядом.

Вспомним для примера фильмы, шедшие в нашем прокате под названиями «Пианино» и «Факультет». В первом из этих фильмов (режиссёр Дж. Кэмпбелл, оригинальное название — *The Piano*, 1993) зрителям на протяжении всего фильма показывают вовсе не пианино, а рояль (или, если быть совсем точным, его ранний вариант — прямоугольное фортепьяно). Во втором фильме (режиссёр Р. Родригес, оригинальное название — *The Faculty*, 1998) завязкой сюжета стала болезнь, поразившая учителей средней школы, где никаких «факультетов», разумеется, нет.

Обложки дисков с фильмами, получившими по-русски названия «Пианино» и «Факультет». Несуразность первого названия особенно очевидна при взгляде на обложку: на ней написано «Пианино», а на фотографии изображён рояль на массивных ножках. Только человек, далёкий от музыки, перепутает пианино с роялем. Для фильма же с названием *The Faculty* оптимальным переводом был бы вариант «Учителя».

Другие показательные примеры того, как ЛДП нарушают узус, а вовсе не следуют ему, см. в работе Л. И. Борисовой³.

Дальние родственники как ложные друзья

В. В. Акуленко не придаёт признаку этимологической связи такого же значения, как первым двум критериям ЛДП, названным выше. По его словам, группа ЛДП «определяется чисто синхронически, независимо от их происхождения». Однако в работах этого лингвиста мне не удалось найти убедительных примеров таких ЛДП, которые не обнаруживали бы общности происхождения. Более того, в его основополагающей статье имеются примеры, свидетельствующие об обратном. Так, он пишет: «...явно случайно совпадающие лексемы, по сути не встречающиеся в одинаковых контекстах (типа англ. *rock* 'скала' — русск. *рок*), не вызывают ложных ассоциаций»⁴.

Между тем отсутствие «ложных ассоциаций» у случайно совпадающих лексем и означает, собственно говоря, что такие — этимологически неродственные — слова **не относятся** к категории «ложных друзей» переводчика. Ведь «случайное совпадение» — это и есть отсутствие этимологической общности.

Поэтому те «соответствия», формальное сходство которых не объясняется общими элементами происхождения и которые обязаны своему возникновению языковой небрежности, нецелесообразно относить к категории ЛДП.

Сказав это, необходимо всё же отметить некоторые исключения из данного вывода, например пары *Dutch* — *датский*, *Swiss* — *шведский*, между членами которых нет этимологической связи, но которые традиционно относят к категории ЛДП. Впрочем, данные исключения лишь подтверждают правило.

³ Борисова Л. И. «Ложные друзья переводчика». Общенаучная лексика. Английский язык. — М.: НВИ-Тезаурус, 2002. — С. 11—13.

⁴ Акуленко В. В. О «ложных друзьях переводчика». // Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». — М.: Сов. энциклопедия, 1969. — С. 378.

Ведь эти слова — прилагательные-этнонимы, а в соответствующем лексико-семантическом поле этимологическая общность соответствий имеется в большинстве случаев (*French* — *французский*, *Spanish* — *испанский*, *Greek* — *греческий*) и **ожидаема** переводчиком.

«Ложные друзья» переводчика потому и обратили на себя столь пристальное внимание в теории перевода, что обязаны активному заимствованию в европейские языки по научным и культурным каналам большого количества слов и корней из одних и тех же источников, прежде всего греческих и латинских, а также непосредственному заимствованию слов из одного языка сопоставляемой пары в другой. В ошибке переводчика, идущего на поводу у «ложного друга», во многом «виновато» именно осознание им этимологического фактора, связывающего слова, и принятие им псевдоинтернациональной лексики за подлинные интернационализмы (т. е. межъязыковые пары, между членами которых нет существенных различий в значении и употреблении). В переводческой практике, как и в обычной жизни, дальний родственник может оказаться гораздо коварнее случайного знакомого.

Итак, для того чтобы можно было зачислить некую пару слов в категорию ЛДП, необходимо наличие такого фактора, как **осознание** или **ожидание** переводчиком этимологической общности этих слов (как и в самом термине «*ложные друзья*» переводчика, здесь имеется в виду некий «среднестатистический» переводчик). Так, слова *break* ('поломка; разрыв') и *брак* ('дефект') этимологически родственны, но это родство настолько неявно, что, несмотря на сходство формы, никакими «ложными друзьями» эти слова для переводчика не являются. Если переводчик не видит или не предполагает органической связи между иноязычным словом и словом родного языка, ему и не придёт в голову подставлять одно вместо другого.

Исходя из вышесказанного, логично дать следующее рабочее определение «ложных друзей» переводчика среди лексических единиц: это межъязыковые пары слов, которые: (а) обладают сходной фонетической или графич-

Продолжая тему

ческой формой; (b) осознаются переводчиком как этимологически связанные, (c) расходятся между собой в значениях или употреблении, из-за чего использование их как соответствий в переводе может приводить к ошибкам.

При таком определении сам термин «ложные друзья» переводчика отражает следующие три важнейших признака обозначаемого явления: 1) узнаваемость по аналогии — это свойство отражено во втором члене термина (*друзья*); 2) несоответствие или неполное соответствие в плане содержания или в употреблении — это свойство отражено в первом члене термина (*ложные*); 3) актуальность явления именно в контексте перевода, а не просто с точки зрения сопоставительной лингвистики, — об этом говорит третий член термина (*переводчика*). И можно было бы согласиться с мнением, что термин «ложные друзья» переводчика «очень точно характеризует переводческое явление» [3. С. 6], если бы не одно существенное обстоятельство.

Слово *друзья* в составе термина отражает, как уже было сказано, впечатление переводчика (пусть неоправданное) о «знакомости» слова, имеющего аналог в другом языке.

Если исходить только из формы термина, то теоретически в «ложные друзья переводчика» можно было бы зачислить и другие «направивающиеся», но неверные, соответствия — например, соответствия, возникающие из-за ошибок в интерпретации полисемичного слова (*I need to change* — **Я должен переменитьсь* вместо *Мне нужно переодеться*) или кальки, образуемые без учёта широкого контекста и экстралингвистических факторов, например: *U.S. Department of the Interior* — **Министерство внутренних дел США* (правильный перевод — *Министерство природных ресурсов США*; внутренними делами в США ведаёт министерство юстиции).

Однако такие случаи всё-таки не принято относить к ЛДП. Главным критерием отнесения лексической пары к ЛДП является **формально-этимологическая близость**, способная ввести в заблуждение неопытного или невнимательного переводчика. В то же время сам лексический состав этого трёхсловного термин-

на — «*ложные друзья*» переводчика — не содержит намёка на обязательность критерия формально-этимологической близости.

Поэтому термин «*ложные друзья*» переводчика, несмотря на его яркую образность и довольно давнюю традицию использования, представляется всё же не вполне удачным для строго научного применения в переводоведении. Обозначаемое им явление гораздо точнее описывается синонимичным термином *псевдоинтернационализмы*.

Уйти, чтобы остаться

Уточнив определения и выявив основные особенности псевдоинтернационализмов, вернёмся к основному вопросу, поставленному в этой статье: если не отказываться от термина «*ложные друзья*» переводчика, насколько правомерно распространять его на сферу грамматических соответствий вообще и синтаксических конструкций в частности?

В свете того, что главной особенностью ЛДП является формально-этимологическая близость, наводящая на ложную мысль о семантической идентичности, применение термина ЛДП к синтаксическим конструкциям выглядит весьма проблематичным. Если о формальной близости синтаксических конструкций говорить ещё можно, подразумевая под формой их структурный состав, то что понимать под этимологической общностью таких конструкций? В аспекте перевода, по крайней мере, ответ на этот вопрос и неясен, и неактуален. Поэтому термин ЛДП, если попробовать отнести его к синтаксическим конструкциям, теряет одну из важнейших составляющих своей дефиниции. Из этого следует, что для такой цели его придётся либо определить иначе, чем для лексики, либо всё же отклонить и заменить иной терминологией.

А для того, чтобы найти оптимальные термины, необходимо глубже разобраться в сущности и типологии формально близких синтаксических конструкций, способных подсказать переводчику ошибочные решения.

Прежде всего выделим два основных типа конструкций высказывания: (а) синтаксические структуры и (б) лексико-синтаксические конструкции.

Под синтаксическими структурами договоримся понимать «чистые» схемы высказывания или его частей, определяемые по составу частей речи и словоизменительных форм. В качестве примера такой структуры можно привести предложение, построенное по схеме: «подлежащее + глагольное сказуемое + инфинитивная группа»:

He came in to find her in bed. (1)

В отличие от чисто синтаксических структур в лексико-синтаксические конструкции обязательно включены конкретные лексические единицы. Примером такой конструкции является оборот «подлежащее + глагольное сказуемое + only + инфинитивная группа»:

He drove all the way to Wyoming, only to find that his friend could not meet with him. (2)

В отличие от синтаксической структуры (1) конструкция (2) подразумевает обязательное наличие частицы *only*, которая не может быть опущена или заменена другим словом без изменения общего смысла высказывания (сообщение о неожиданном или неприятном итоге события, выраженного основным составом предложения).

К лексическим единицам, встречающимся как устойчивая часть лексико-синтаксических конструкций, относятся союзы, местоимения, местоимённые наречия и другие служебные слова, кроме образующих аналитические формы словоизменения (частица *to* при инфинитиве, вспомогательные глаголы временных и аспектных форм и т.п.).

Теперь посмотрим, при каких обстоятельствах подобные конструкции могут вводить переводчика в заблуждение. Возьмём предложение:

He didn't leave you because of my influence. (3)

Возможны два варианта интерпретации этого высказывания:

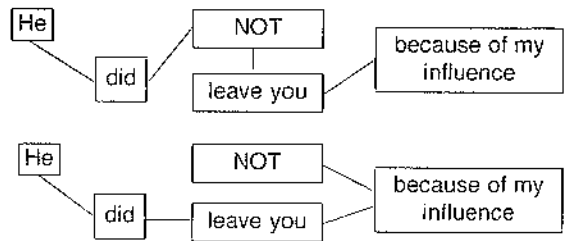
а) Он не ушёл от тебя, потому что это я повлиял на него. (4)

б) Он ушёл от тебя не потому, что это я повлиял на него. (5)

Разница в смысле этих двух предложений огромна: фактически в них сообщается противоположная информация — в первом пред-

ложении речь о том, как был предотвращён разрыв отношений двух людей, во втором — о том, из-за чего такой разрыв состоялся. Определить, какая информация на самом деле сообщается в английском предложении (3), можно лишь, исходя из знания общей ситуации или из контекста (если таковой имеется, что бывает не всегда: представим себе, что это реплика говорящего по телефону в ситуации, когда слова второго собеседника не слышны и неизвестны).

Что же является причиной ошибки переводчика, если он дал неверный перевод и искажил смысл высказывания (3)? Видимо, неправильная интерпретация структуры этого высказывания, которая допускает два варианта логико-семантических связей между его компонентами. В одном случае отрицание относится к сказуемому, в другом — к обстоятельству причины. Схематически это можно изобразить так:

Различие в смысле этих высказываний является не только контекстом, но ещё и интонацией говорящего: в первом случае отрицание произносится с высоким нисходящим тоном, а группа обстоятельства — с низким восходящим тоном; во втором случае отрицание произносится ровным тоном, а с нисходящим тоном произносится одно из слов в группе обстоятельства (*you* или *influence*).

Таким образом, в подобных случаях можно говорить об омографии синтаксических конструкций, различных по своему внутреннему логическому строению и по интонационному рисунку.

Те примеры, которые приводит в своей статье В.Н. Комиссаров, относятся именно к такой омографической категории. Так, предложение *It is a good horse that never stumbles* может трактоваться и в смысле «Это хороший

Продолжая тему

конь, который никогда не спотыкается», если интонировать его по нисходящей шкале с падающим тоном на последнем слове. В этом случае прилагательное *good* является обычным определением к существительному *horse* и является однородным по отношению к другому определению, выраженному придаточным предложением (*that never stumbles*).

В том же значении, о котором пишет В.Н. Комиссаров («Даже добрый конь – и тот спотыкается»), логическое ударение и интонационный центр предложения сосредоточены на прилагательном *good*. С точки зрения синтаксиса это определение выполняет роль логического предикатива ко всему понятийному комплексу *horse that never stumbles*, а не только к слову *horse*; парафраза такого высказывания – *A horse that never stumbles is too good to be true*.

Теперь рассмотрим другой тип неопределённости внешней структуры высказывания, реализованный в предложении:

He went to the United States to settle down there. (6)

Данное предложение может быть истолковано и переведено двояко:

- 1) Он уехал в Соединенные Штаты, чтобы обосноваться там навсегда.
- 2) Он уехал в Соединенные Штаты и обосновался там.

Различие в двух высказываниях определяется разными логическими значениями обстоятельства, выраженного инфинитивом: в одном случае это значение цели (намерения), в другом – значение последующего действия (не обязательно намеренного). Но оба случая структурно и интонационно идентичны, так что, если и дальше проводить аналогию с лексическими единицами, здесь можно говорить о полисемии (многозначности) одной и той же структуры. Устраняется такая полисемия либо в контексте, либо исходя из анализа ситуации, если текст позволяет это сделать.

«Дружба» кончается там, где начинается двусмысленность

Я не случайно упомянул выше о полисемии в контексте проблемы ЛДП и отметил, что ошибки в интерпретации переводчиком

контекстных значений полисемичных слов в понятие ЛДП не входят. Аналогичным образом нет смысла использовать этот термин ни по отношению к полисемичным конструкциям, ни по отношению к омографическим конструкциям.

Для терминологического обозначения подобных трудностей целесообразно использовать не термин *ЛДП*, а предложенный ещё Я.И. Рецкером термин «амбивалентные синтаксические конструкции»⁵. В английском языке Я.И. Рецкер указал на следующие амбивалентные конструкции:

- «глагол *have* + существительное + причастие II» (пример: *He had his horse killed*), которая может обозначать либо действие, совершённое посторонним деятелем без участия или даже против желания субъекта высказывания («Под ним убили коня»), либо действие, инициатором которого был сам этот субъект («Он отправил свою лошадь на живодёрню») (7)
- «глагол *be* + *the* + порядковое числительное + инфинитив» (пример: *He was the first to speak*), которая может иметь модальное значение долженствования («Он должен был выступать первым») или значение изъявительности действия («Он выступал первым») (8);
- «группа глагола + инфинитив» – см. выше пример (6), – которая может иметь значение действия с указанием цели либо двух последовательных действий (9);
- «существительное либо местоимение во множественном числе + группа однородных глаголов» (пример: *He begged and bribed and threatened others*): такая конструкция может обозначать либо последовательные действия в отношении некоей единой группы лиц или объектов («Других он то уговаривал, то задабривал, то угрожал им»), либо параллельные действия в отношении нескольких разных лиц или объектов («Одних он завербовал уговорами, других – задабриванием, третьих – угрозами») (10);
- «*as* + прилагательное или наречие + *as* + *any* (anything)» (пример: *I learned to dance as well as any of them*) – сравнительный оборот со значением либо равенства объектов, сопоставляемых по какому-то признаку («Я научилась танцевать не хуже любой из них»), либо превосходства одного объекта над другими («Я научилась танцевать, как ни одна из них») (11).

⁵ Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. 2-е изд. – М.: Р.Валент, 2004. – С. 92–106.

Категории, выделенные Я.И. Рецкером, показывают, что среди амбивалентных конструкций есть как чисто синтаксические структуры (9, 10), так и лексико-синтаксические обороты (7, 8, 11). По характеру амбивалентности здесь представлены конструкции как полисемического типа (9, 10, 11), так и омографического типа (7, 8).

Список амбивалентных конструкций английского языка может быть продолжен, о чём свидетельствуют и примеры В.Н. Комиссарова. Со своей стороны я включил бы в этот список первым номером самую распространённую амбивалентную конструкцию омографического типа, а именно – существительное с многочленной определительной группой, включающей одно или более существительных (в ней могут быть и другие именные части речи, например прилагательные).

Внутри такой атрибутивной группы определительные связи не обязательно носят линейный характер, что и обуславливает возможность различных смысловых комбинаций. Так, цепочка *Addams family values* (название кинофильма) допускает два варианта определительных связей:

(а) имя собственное *Addams* и слово *family* оба определяют существительное *values* («семейные, или фамильные, ценности Аддамсов»);

(б) *Addams* определяет слово *family*, и вся эта группа служит определением к существительному *values* («ценности семьи Аддамс»).

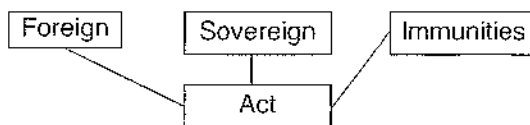
Фильм *Addams Family Values* (1993) режиссёра Б. Сонненфелда в наиболее распространённой русской версии получил название «Ценности семейки Аддамсов», однако в кинокритике встречается и другой перевод – «Семейные ценности Аддамсов».

Кстати, при переводе данной атрибутивной конструкции (а это заглавие фильма) у переводчика нет никаких объективных причин предпочесть одну интерпретацию другой, благо что при различных вариантах перевода разница в смысловых нюансах невелика.

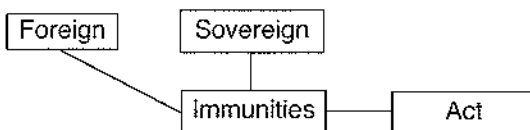
Однако в других случаях различие может быть весьма серьёзным и даже вести к ошибкам, о чём свидетельствует следующий пример:

«В ходатайстве министров... отмечается, что они защищены по зарубежному суверенному закону о неприкосновенности (*Foreign Sovereign Immunities Act*)» (газета «Известия», 2006, №95).

Перевод названия закона в этом отрывке ошибочен и, более того, абсурден. Ведь в цитируемой статье речь идёт о законе, действующем в США, и он, конечно, не может быть «зарубежным». Такой перевод отражает неверную интерпретацию синтаксических отношений: получается, что как прилагательные *foreign* и *sovereign*, так и существительное *immunities* относятся к слову *act*.

На самом же деле прилагательные служат определениями к *immunities*, а уже вся эта группа определяет слово *act*, т.е. правильный перевод таков: «Закон об иммунитете зарубежных суверенных прав».

Формально обе трактовки допустимы, и лишь знание предмета и логика позволяют отбросить бессмысленный вариант (хотя, как видно из примера, это получается далеко не у всех).

Эту интересную тему стоит изучать и дальше. Возможно, удастся выявить другие категории синтаксических структур, помимо полисемических и омографических, вызывающих трудности в истолковании и переводе.

Продолжая тему

* * *

Подведём итог. В дефиниции лексических «ложных друзей переводчика» исследователи недооценивают фактор осознаваемой или ожидаемой этимологической общности ошибочных переводческих соответствий, который между тем играет существенную роль для определения этой контрастивной категории лексических единиц.

Сам термин «ложные друзья переводчика» не слишком удачен (по сравнению, например, с термином *псевдоинтернационализмы*). С одной стороны, он затушёвывает важный признак этимологической общности, а с другой стороны, создаёт соблазн применить его к другим категориям переводческих трудностей, природа которых совершенно иная.

Среди тех синтаксических конструкций, которые вызывают у переводчиков трудности из-за неоднозначной смысловой интерпретации, можно выделить как минимум две различных категории: одна сопряжена с амбивалентностью омографического типа, другая — с амбивалентностью полисемического типа. Для терминологического обозначения тех и других вряд ли уместен термин «ложные друзья» переводчика; целесообразно, по-видимому, говорить об **амбивалентных синтаксических конструкциях**.

Таким представляется мне ответ на вопрос, поднятый в «Мостах» Виленом Наумовичем Комиссаровым.

Не так сложен перевод, как межкультурная коммуникация

На американо-китайских переговорах кока-кола победила чай, а г-жа У И сама себя пропустила вперёд

В декабре высокопоставленная делегация США во главе с министром торговли Генри Полсоном (Henry Paulson) посетила Китай для участия в «Третьем китайско-американском диалоге по экономической стратегии». В общении с прессой американские представители всячески стремились подчеркнуть, что стороны стали намного лучше понимать друг друга не только по существу обсуждавшихся вопросов, но и в культурном отношении.

Чтобы показать, насколько менее официальной стала обстановка форума по сравнению со вторым экономическим диалогом, состоявшимся год назад, Генри Полсон привёл журналистам следующий пример: «Теперь я уже не обязан сидеть за чашкой чая, а могу вести обсуждения с бутылкой диетической кока-колы».

Похвалив главу китайской делегации, вице-преьера У И (Wu Yi) за умелое ведение ею переговоров, г-н Полсон попытался ещё раз продемонстри-

ровать, как далеко вперёд ушли отношения двух стран. Он нагнулся к своей миниатюрной визави, словно желая обнять её, но на полпути вдруг сдержался, вероятно, решив, что столь сердечный жест — это уж слишком.

Между тем У И провела переговоры в жёсткой манере. Открывая первое заседание, она спросила: «Кому выступать первым?». Не услышав внятных предложений, г-жа вице-премьер заявила по-английски: «Ladies first», — и взяла дело в свои руки.

Несмотря ни на что, межкультурные недоразумения остаются серьёзной проблемой для обеих сторон. Один из заместителей министров китайского правительства был весьма откровенен с репортёрами: «Мне кажется, каждая из сторон не очень хорошо понимает другую. Можно понять слова, которые слышишь из уст собеседников, но при этом трудно вычислить, какой смысл за ними стоит».

*По материалам газеты South China Morning Post
от 14 декабря 2007 г.*

Переводим служебные знаки

Н.Г. Шахова

Расчёт гонорара производится исходя из согласованной с переводчиком ставки за 1800 знаков текста оригинала без учёта пробелов, цифр и знаков препинания, потому что переводчик не переводит служебные знаки, а оставляет их как есть в тексте перевода.

Из инструкции одного агентства переводов

К сожалению, многие технические переводчики именно так и делают — «оставляют служебные знаки как есть в тексте перевода». Причём делают это не только недавно переквалифицировавшиеся в переводчики инженеры и научные сотрудники, но и опытные специалисты с переводческим образованием. Приходится предположить, что переводу служебных знаков мало кого учили, во всяком случае, мало кого выучили. Ликвидации этого пробела и посвящена данная статья. Я буду говорить только о переводе с английского на русский, но, подозреваю, что многие рассмотренные здесь проблемы характерны и для перевода с других европейских языков.

В ходе подготовки этого материала я получила много комментариев от коллег, предлагавших расширить тему публикации. (Видно, пунктуационные ошибки не только для меня являются большим вопросом!) Однако нельзя объять необъятное, поэтому я не рассматриваю правила русской и, тем более, английской пунктуации в целом, а ограничиваюсь лишь типичными случаями, когда при переводе технических текстов с английского на русский служебные знаки надо расставить не так, как они стоят в оригинале. В частности, поскольку все английские примеры взяты мною из изданных в Англии и Америке

книг, меня не интересует, правильно ли там расставлены знаки. Важно, что именно с такой расстановкой (пусть даже она трижды противоречит английским или американским правилам!) может столкнуться переводчик.

Во всех изученных мною англоязычных справочниках английской пунктуации многократно повторяется, что в отношении правил постановки запятых, тире и прочего нет единства мнений. Например, по поводу употребления короткого тире (по-английски этот знак называется *en dash*, потому что его длина примерно равна ширине прописной буквы N, и противопоставляется *em dash* — длинному тире, равному ширине M) в одном из солидных американских словарей¹ можно прочесть следующее:

15. Короткое тире встречается только в печатных изданиях. Оно короче длинного тире, немного длиннее дефиса и в некоторых ситуациях используется вместо последнего. Чаще всего короткое тире применяется взамен слов «от и до» при указании числовых и иных диапазонов.

1984–85
8:30 a.m.–4:30 p.m.
GS 12–14
\$20–\$40
Monday–Friday
ages 10–15

¹ Webster's New Encyclopedic Dictionary, Black Dog & Leventhal Publishers Inc., 1993.

А как это по-русски?

levels D–G
35–40 years
pages 128–34

Примечание. Употребление в таких случаях короткого тире взамен дефиса, хотя и пропагандируется многими справочниками, ни в коем случае не является общепринятым. Если писатель или издатель хочет, чтобы в его тексте было использовано короткое тире, ему приходится отмечать в своей рукописи, какие дефисы надо заменить на короткое тире, и эта необходимость пометать короткие тире, безусловно, вызывает неудобства и провоцирует ошибки. Однако многие писатели и издатели предпочитают короткие тире из-за той графической чёткости, которую они придают числам, а также из-за возможности отметить функциональные различия, короткими тире обозначив диапазоны, а дефисами соединив части составных слов.

16. Разные издатели пользуются короткими тире по-разному, и ни один набор правил нельзя считать стандартным. Одним из типичных применений короткого тире является замена им дефиса после префикса, относящегося к двухсловному термину, замена слова «в», стоящего между двумя именами собственными, а также соединение с его помощью граничных пунктов, сторон договоров, противников и иных связанных (или противопоставленных) понятий.

pre-Civil War architecture
the New York–Connecticut area
Chicago–Memphis train
Washington–Moscow diplomacy
the Dempsey–Tunney fight

Подобные пояснения в отношении различных правил постоянно встречаются в справочниках по английской пунктуации, но подчеркну ещё раз, что для целей данной статьи правильность английского оригинала не имеет значения: меня интересует соблюдение правил расстановки знаков препинания в русском переводе.

Хочу также извиниться за некоторую буквальность приводимых мною переводов: поскольку я хочу показать различия между английской и русской пунктуацией, приходится сохранять в переводе структуру оригинала, иначе трудно продемонстрировать изменения пунктуации. К сожалению, на практике многие переводчики именно подобные переводы и присылают в качестве образца своей деятельности.

Лишние запятые

Иностранские запятые чрезвычайно заразительны, поэтому в переводных текстах запятые встречаются в самых экзотических местах. Вот типичные примеры, когда в русском тексте запятая должна исчезнуть но, к сожалению, у многих переводчиков сохраняется:

In 1919, his family left Russia and moved to France.
В 1919 году его семья покинула Россию и обосновалась во Франции.

For the longest time, I didn't even realize that.
Долгое время я этого даже не понимал.

For information, address Mary Smith.
За информацией обращайтесь к Мэри Смит.

For me, it meant mainly that the phone lines were constantly busy and nobody could call us.

Для меня это в первую очередь значило, что телефон всё время занят и к нам никто не может позвонить.

As a result of the divorce, we didn't have a lot of money.

Из-за развода у нас было мало денег.

Instead, we would buy candy.
Вместо этого мы покупали сласти.

However, the horse got away.
Однако лошадь унеслась.

Even with a sprained ankle, the girl was able to swim the lake.

Даже с вывихнутой лодыжкой девушка смогла переплыть озеро.

To apply for this job, you must have previous experience.

Для подачи заявки на эту должность необходимо иметь соответствующий опыт.

After eating, some vice-presidents began to smoke cigars.

После еды некоторые вице-президенты закурили сигары.

I like apples, pears, and oranges.

Мне нравятся яблоки, груши и апельсины.

Запятая, стоящая в последнем примере перед *and*, называется оксфордской и не является обязательной (при этом американцы ставят её чаще, чем англичане), но в русском переводе вторая запятая совершенно недопустима.

По-английски в датах запятые могут расставляться по-разному. Например, в одном американском справочнике² следующие два варианта приводятся, как равноправные:

Washington was born in February, 1732, in Virginia.
Washington was born in February 1732, in Virginia.

В русском переводе запятые вообще не нужны (зато стоит добавить полную или сокращённую форму слова *год*):

Вашингтон родился в феврале 1732 г. в штате Виргиния.

В английском языке пропуск повторяющихся слов обозначается запятой, в русском – тире. Например:

Annie had dark hair; Sally, fair.
У Эни были тёмные волосы, у Салли – светлые.

Здесь точка с запятой «переводится» с помощью запятой, а запятая – с помощью тире.

А вот яркий пример того, как вставка запятых резко меняет смысл английской фразы:

Mr. Smith said Mr. Jones is a professional.
Господин Смит назвал господина Джонса профессионалом.

Mr. Smith, said Mr. Jones, is a professional.
Господин Джонс назвал господина Смита профессионалом.

Пропавшие запятые

Определительные придаточные предложения, которые по-русски чаще всего выделяются запятыми, по-английски могут запятыми не выделяться. Например:

The boy who has a limp was in an auto accident.
Мальчик, который хромотает, был в автомобильной аварии.

С нашей точки зрения следующий пример ничем не отличается от предыдущего:

Freddy, who has a limp, was in an auto accident.
Фредди, который хромотает, был в автомобильной аварии.

Однако с точки зрения английских правил важно то, что имя Фредди само по себе однозначно определяет героя сообщения, поэтому указание на хромоту является дополнительной информацией и должно выделять-

ся запятыми. А в предыдущем случае хромота является определяющим признаком, поэтому в английской фразе запятые не нужны.

Если составляющие сложносочинённого предложения достаточно просты, то в английском языке вполне можно обойтись одним соединительным союзом, без разделителя:

I paint and he writes.
Я рисую, а он пишет.

И в сложноподчинённом английском предложении запятые не обязательны:

Time flies when we are having fun and we are always having fun.

Время летит незаметно, когда мы хорошо его проводим, а мы это делаем всегда.

Общее правило тривиально: в переводе надо расставлять запятые в соответствии с нормами русской пунктуации, невзирая на их отсутствие в английском тексте.

Перечни

Перечни (которые в переводной технической литературе часто называют списками) очень типичны для английских текстов. Их пунктуационное оформление весьма разнообразно, и хотя по-русски тоже возможны варианты³, это оформление не всегда можно в точности копировать.

Например, перевод следующей английской фразы:

Remember to bring:
Sleeping bags
Sheets
Towels

по-русски должен быть оформлен иначе:

Не забудьте принести: спальные мешки, простыни и полотенца.

Если же хочется сохранить построчное размещение элементов перечня, то стоит добавить перед каждым элементом какой-нибудь знак (букву или цифру со скобкой или тире). Например:

Не забудьте принести:
1) спальные мешки,
2) простыни,
3) полотенца.

² The Random House Dictionary of the English Language, Random House, 1967.

³ См. например Мильчин А.Э., Чельцова Л.К. Справочник издателя и автора, М., 2004. С. 38.

А как это по-русски?

При переводе следующей фразы:

He needed four things at the store:

1. bread
2. milk
3. potatoes
4. butter

надо заменить точки скобками:

В магазине ему нужно было купить четыре вещи:

- 1) хлеб,
- 2) молоко,
- 3) картошку,
- 4) масло.

или начинать каждый элемент с прописной буквы:

Список запланированных им покупок состоял из четырех пунктов:

1. Хлеб
2. Молоко
3. Картошка
4. Масло

В английских перечнях перед последним пунктом часто ставят *and* или *or*. Например:

If a waitress wants to make a good impression on her customers and boss, she should

- a) dress appropriately,
- b) calculate the bill carefully, and
- c) be courteous to customers.

В русском языке это не принято:

Если официантка хочет произвести хорошее впечатление на клиентов и начальство, то она должна:

- a) правильно одеваться,
- b) тщательно выписывать счет,
- в) быть вежливой с посетителями.

При таком перечислении подразумевается, что все пункты перечня соединены союзом «и». Иногда же по смыслу предложения надо выбрать только один из пунктов, как, например, в следующем случае:

Lawful permanent residents must provide one of the following valid, unexpired documents:

- I-551, Permanent Resident Card ("Green Card");
- Machine-Readable Immigrant Visa endorsed with a CBP Admission Stamp;
- ADIT or I-551 stamp contained in a passport or on Form I-94;
- Valid Reentry Permit;
- Valid Refugee Travel Document; or
- Unexpired Immigrant Visa.

В английской фразе на это прямо указывает союз *or*, однако по-русски следует обой-

тись без союза *или* за счёт правильной формулировки вступительной фразы:

Лицо, постоянно проживающее в стране на законных основаниях, должно предоставить действительный документ с неистекшим сроком годности одного из следующих видов:

Знакомый американский редактор по поводу этого примера заметил, что и в английском тексте союз излишен, однако — снова напомню — над оригиналом переводчик не властен, в его силах лишь обеспечить правильность русского перевода.

Дефис и тире

Когда я в первый раз столкнулась с тем, что опытный переводчик употребляет дефис вместо тире, я удивилась. Потом удивляться перестала: слишком уж это типичное явление. И объяснение типичное: «на клавиатуре только один знак горизонтальной черты». Тем не менее в самом русском языке таких знаков два (если забыть о минусе): короткая горизонтальная черта (дефис) и длинная (тире), а в английском — даже три, потому что, как уже отмечалось выше, английское тире бывает двух видов: короткое (*en dash*) и длинное (*em dash*). В русском тексте тире обычно окружено пробелами (кроме того случая, когда оно обозначает числовой диапазон: 10–20). В английском тексте пробелов вокруг тире чаще всего нет.

В английском языке употребление дефиса для образования составных слов не подчиняется строгим правилам и количество дефисов сокращается буквально на глазах⁴. Однако — пока английский ещё сохраняет остатки своих дефисов — переводчик не должен терять бдительности, ведь при переводе на русский для дефиса имеются три возможности: он переходит в дефис или пробел, либо исчезает совсем:

- ex-champion – экс-чемпион;
- twenty-one – двадцать один;
- anti-American – антиамериканский.

⁴ В шестом издании *Shorter Oxford English Dictionary* исчезли дефисы из 16000 слов. *Fig-leaf* превратилось в *fig leaf*, *pot-belly* стало *pot belly*, *pigeon-hole* наконец-то воссоединилось в виде *pigeonhole*, а *leap-frog* — вернулся к форме *leapfrog*. Дефис, по словам редактора этого словаря Ангуса Стивенсона, всё больше становится достоянием наших бабушек. (По материалам сайта Би-би-си, опубликованным 20 сентября 2007 года: http://news.bbc.co.uk/go/pt/ft/-/2/hi/uk_news/magazine/7004661.stm.)

Длинное тире в английском языке считается неформальным знаком. В официальных текстах им рекомендуется не злоупотреблять, зато в неформальных ситуациях им часто отмечают обрыв речи или резкую смену темы, заменяют запятую, точку с запятой, двоеточие или скобки. В соответствии с этим разнообразием функций в русском тексте на месте английского длинного тире может появиться:

1) запятая

To some of you, my proposals may seem radical—even revolutionary.

Некоторым из вас мои предложения могут показаться радикальными, даже революционными.

2) многоточие

I wish you would—oh, never mind.
Не могли бы вы... хотя, не стоит.

3) тире (выделенное пробелами)

The boys—Jim, John, and Jeff—left the party early.
Мальчики — Джим, Джон и Джеф — рано ушли с вечеринки.

4) двоеточие

The summary is self-contained—an understanding of it is not dependent on a reading of the full text.

Резюме содержит всю необходимую информацию: для его понимания не нужно читать весь текст.

5) пустота

One thing only I know, and that is that I know nothing.
—Socrates
Я знаю только то, что ничего не знаю.
Сократ

Короткое тире, как уже отмечалось выше, чаще всего используется для обозначения диапазонов. Например: 35—40 years. В этом случае в русском тексте нет пробелов: 35—40 лет, и если в английском они стоят: the years 2001—2003, то при переводе их надо убрать: 2001—2003 годы. Кстати, в английском языке при обозначении диапазона иногда экономят цифры: pages 128—34. По-русски это не принято, мы скорее сократим слово: с. 128—134.

Двоеточие

Английскому двоеточию по-русски может соответствовать не только двоеточие (что довольно типично), но и другие знаки.

Запятая на месте двоеточия может появиться при переводе обращений (например,

пометку на полях доклада *Steve: Check these numbers* следует перевести: *Стив, проверь эти числа*), а тире — при переводе сложносочинённых предложений типа:

Man proposes: God disposes.
Человек предполагает — бог располагает.

Ещё одно типичное место исчезновения двоеточия при переводе — библиография. Например:

Journal of Astronomy 15:261—327
Journal of Astronomy, №15. С. 261—327

Точка с запятой

Точка с запятой при переводе может остаться на месте, но может превратиться как в запятую:

We had been taught Latin, French and German grammar; but English grammar was something we felt we were expected to infer from our reading.

Латинской, французской и немецкой грамматике нас учили, а вот английскую мы должны были, видимо, усвоить в ходе чтения.

так и в двоеточие:

On the advice of his broker, after much deliberation, he choose to invest in major industries; i.e., steel, automobiles, and oil.

После долгих размышлений он последовал совету маклера и вложил деньги в основные отрасли промышленности: сталелитейную, автомобильную и нефтяную.

Многоточие

В английском языке многоточие не всегда поглощает точку конца предложения, поэтому в конце фразы может оказаться не три, а целых четыре точки.

He left his home . . . .
Он покинул дом...

Вообще создаётся впечатление, что в английском языке — в отличие от русского — нет специального типографического знака многоточия: его функции часто выполняют три-четыре точки, разделённые пробелами. Кроме того, английское многоточие часто отделяется от слов пробелами, а русское всегда располагается вплотную к предшествующему слову (или к последующему, если фраза начинается с многоточия).

The book is lively . . . and well written.
Книга очень яркая... и хорошо написана.

А как это по-русски?

The flowers were beautiful, and as for the fruit ....
Цветы были прекрасны, а уж фрукты...

Восклицательный знак

Самое важное отличие — появление восклицательного знака в обращениях. Английское обращение может кончаться запятой или двоеточием, но в русском тексте обычно ставят восклицательный знак, если хотят разместить обращение в отдельной строке (и в этой строке оно должно располагаться посередине):

Dear Jane,
Дорогая Джейн!

Dear Sirs:
Уважаемые господа!

Мне кажется, что в русских текстах восклицательный знак вообще встречается чаще, чем в английских. Английские стилистические пособия рекомендуют его избегать: чувство, которое вы стремитесь передать с помощью той или иной фразы, должно быть видно из самого её содержания. Или ещё короче: никогда не используйте восклицательные знаки⁵. А там, где мы можем поставить три восклицательных знака, носители английского поставят не больше двух. При этом в английских справочниках неизменно указывается: использование двух восклицательных знаков — признак плохого стиля. Однако переводчик не выбирает авторов, поэтому каждому может попасться для перевода такой образец плохого стиля — надо только не забывать, что в русском языке восклицательный знак не может быть удвоен: его можно только утроить.

Кавычки

В русских печатных текстах чаще всего используют типографские кавычки («ёлочки») или пары разноуровневых запятых („запятые”), в английских — такие кавычки не применяются; там принято ставить одинарные или двойные частично перевернутые запятые (“quotes” или ‘quotes’). Соответственно, по-разному оформляются вложенные кавычки:

“When I say ‘immediately’, I mean some time before April,” said the spokesman.

«Когда я говорю „немедленно”, я имею в виду „не позже апреля”, — пояснил оратор.

⁵ OECD Style Book

И сочетание кавычек с другими знаками препинания оформляется по-разному. Здесь, правда, у англичан с американцами мнения расходятся, но, тем не менее, в английском языке сопутствующие точки и запятые зачастую попадают внутрь кавычек, в то время как в русском языке это недопустимо.

“The use of commas cannot be learned by rule.”

«Недостаточно выучить правила, чтобы правильно расставлять запятые».

It was Shaw who wrote: “All great truths begin as blasphemies.”

Именно Шоу писал: «Все великие истины поначалу кажутся кощунственными».

The report states that “all accidents are avoidable,” and suggests that safety officers should be “better trained.” (амер.)

The report states that ‘all accidents are avoidable’, and suggests that safety officers should be ‘better trained’. (брит.)

В докладе утверждается, что «любой несчастный случай можно предотвратить», и предлагается «улучшить подготовку» специалистов по технике безопасности.

Американцы и англичане могут оформлять цитаты по-разному, но в русском тексте запятая (как и точка) из кавычек «выпадает», а форма кавычек преобразуется.

Если высказывание состоит из нескольких абзацев, то по-русски нужна одна пара кавычек: открывающие кавычки в начале текста и закрывающие — в конце. По-английски же открывающие кавычки придется ставить в начале каждого абзаца и всем им будут соответствовать одни закрывающие кавычки в конце всего текста. Например:

‘Maybe a man in a million could unite the Hallows, Harry. I was fit only to possess the meanest of them, the least extraordinary. I was fit to own the Elder Wand, and not to boast of it, and not to kill with it. I was permitted to tame and to use it, because I took it, not for gain, but to save others from it.

‘But the Cloak, I took out of vain curiosity, and so it could never have worked for me as it works for you, its true owner. The stone I would have used in an attempt to drag back those who are at peace, rather than to enable my self-sacrifice, as you did. You are the worthy possessor of the Hallows.’

Впрочем, по-английски при цитировании больших фрагментов часто вообще обходятся без кавычек, выделяя цитируемый текст с помощью увеличенного отступа или особо-

го шрифта. Такое оформление цитаты можно сохранить и в русском переводе.

Серьёзную проблему для переводчика представляет типичное для английских текстов отсутствие кавычек вокруг названий организаций, званий и мероприятий. Если речь идёт об известном объекте, то достаточно просто добавить эти кавычки при переводе, превратив *Microsoft corporation* в *корпорацию «Майкрософт»*, а *Oscar Award* в *премию «Оскар»*. Однако расшифровка конгломератов типа *Computer Shopper Best Buy Award* или *Electronic Musician's Editor's Choice Award* может потребовать специальных усилий.

Заголовки

Английские заголовки часто заканчиваются точками (особенно если состоят из нескольких предложений). Русские — никогда. В конце русского заголовка может стоять многоточие, а также вопросительный или восклицательный знак, но точка всегда опускается.

Числа

Числа в английском и русском языках оформляются по-разному. (Говорить прописные истины неловко, но слишком часто приходится исправлять многостраничные таблицы, чтобы я могла промолчать.)

Итак:

- дробная часть числа по-английски отделяется от целой — точкой (1.5), а по-русски — запятой (1,5);
- группы разрядов по-английски разделяются запятыми (1,500 или 1,500,000), а по-русски — пробелами (1 500 000) либо не разделяются ничем (1500);
- словесная запись числа по-английски обычно предшествует цифровой: *one million* (1,000,000), а по-русски следует за ней: 1 000 000 (один миллион);
- формат английской даты в зависимости от страны может быть как *dd.mm* (31.03), так и *mm.dd* (03.31), но при переводе он неизменно превращается в *чч.мм* (31.03);
- при изображении порядкового числительного с помощью цифр в английском языке окончание приписывается к числу вплотную (5th) или поднимается над строкой (3rd), а по-русски необходим дефис (5-й, 3-я);
- наименование единиц измерения по-английски пишется вплотную к числу (2km), а по-русски отделяется пробелом (2 км).

Прямая речь

И прямая речь в разных языках оформляется по-разному. Русским правилам всех нас учили в школе, однако стремление «оставлять служебные символы как есть в тексте перевода» часто заставляет переводчика забывать о них. Описания правил забывчивые могут посмотреть в справочнике по русскому языку, а же ограничусь просто типичными примерами.

Mary said, "I am leaving".
Мэри сказала: «Я уйду».

"I am leaving," Mary said.
«Я уйду», — сказала Мэри.

"I am leaving," Mary said, "even if you want me to stay."

«Я уйду, — сказала Мэри, — даже если ты хочешь, чтобы я осталась».

"I am leaving," Mary said, "Even if you want me to stay."

«Я уйду, — сказала Мэри. — Даже если ты хочешь, чтобы я осталась».

Обратите внимание, что при оформлении прямой речи в английском языке экономят на тире, зато щедрее расходуют кавычки. И снова отмечаем, что в русском языке точка всегда ставится после кавычек.

Сокращения

В английском языке точек в сокращениях становится все меньше. И хотя точки после таких слов, как *Mrs.*, *Dr.* и *PhD*, ставятся все реже, но наряду с *USA* может встретиться и *U.S.A.* В русском языке принято сокращать по-своему: *США*, *г-жа*, *д-р*, *кфн* и пр.

Заглавные буквы

В русских текстах заглавные буквы встречаются гораздо реже, чем в английских. Во-первых, в многословных названиях и заголовках мы обычно оставляем прописной только первую букву («*Война и мир*»), а в английских названиях с прописной буквы может начинаться почти каждое слово (*War and Peace*)⁶.

⁶ В современных американских текстах тоже не всегда начинают каждое слово заголовка с прописной буквы. Более того, в некоторых надписях (например, в титрах кинофильмов) вообще не используют прописных букв. Хочется надеяться, что в русском языке эта мода не получит распространения.

А как это по-русски?

Кроме того, прописная буква часто пропадает при переводе конструкций с двоеточием:

This I believe: All men are created equal and must enjoy equally the rights that are inalienably theirs.

Я свято верю: все люди созданы равными и должны в равной степени обладать всеми неотъемлемыми правами.

Ещё один типичный случай исчезновения прописной буквы при переводе:

See Figure 1

См. рис. 1

Косая черта

Традиционно использование косой черты в русском языке ограничивалось обозначением знака деления (*км/час*) и некоторыми сокращениями (*н/н*). Однако обилие переводной документации привело к её более широкому распространению. И если ещё можно примириться с использованием косой черты в таблицах для экономии места (*Объём производства, шт/л* вместо *Объём производства в штуках или литрах*), то в обычном тексте вместо неё нужно использовать союз *или* или скобки:

Place the paper/card in the tray

Загрузите в лоток листы бумаги или карточки

Offer tea/coffee/chocolate

Предложите чай (кофе, какао)

Курсив⁷

Курсив — одно из типичных средств выделения как в русском, так и в английском языке. Но и курсив не всегда сохраняется при переводе. Например, по-английски названия книг рекомендуется выделять курсивом (или подчёркивать), а названия рассказов, стихотворений или статей заключать в кавычки, по-русски же во всех этих случаях используются кавычки.

Our anthology contains such widely assorted pieces as Bacon's essay, "Of Studies", Poe's "The Gold Bug", Keats's "Ode to a Nightingale," and an article of criticism from *The Saturday Review*.

⁷ Сам по себе курсив не относится к служебным знакам, но поскольку при переводе на русский на смену курсиву иной раз приходят кавычки, я сочла необходимым включить в статью и этот раздел.

В нашей антологии представлен широкий спектр произведений, включая эссе Бэкона «О занятиях науками», рассказ По «Золотой жук», стихотворение Китса «Ода соловью» и критическую статью из «Саттердей ревью».

Обратите внимание, что при транскрипции иностранных названий заглавная буква обычно сохраняется только у первого слова. Этот пример также ещё раз иллюстрирует различия в совместном употреблении кавычек и запятых.

* * *

На самом деле, всё вышеизложенное можно кратко просуммировать так: расставляйте знаки препинания в русском тексте в соответствии с правилами русской пунктуации, а не переносите механически в русский текст те знаки препинания, которые встретились в английском.

Помните? что, неправильно — расставленные!! знаки препинания «могут ... полностью» (уничтожить) смысл; любого текста,

И.С. Тургенев, из письма Ю. Роденбергу,
12 января 1882 г.

И.С. Тургенев, из письма Ю. Роденбергу,
12 января 1882 г.

Я бы очень просил Вас прислать мне по почте корректуру моего наброска <«Отчаянный»>...

... В этом последнем наброске попадают некоторые очень трудные <для перевода> места; так, например, в сцене с цыганами пьяный Миша говорит нечто бессмысленное.

(Буквально следующее: «Эй! хлоп! в лоб! в потолок! ах, ты, шельма, Поль де Кок!»). Эта нелепица должна быть написана в рифму, приблизительно так:

«Hopsa! Propf! Spring und klop in den Kopf!» и т.д. Что касается заглавия, то, может быть, «Der Desperate» было бы лучше, хотя «Der Verzweifelte» тоже недурно...

Не так давно в Клубе переводчиков на Тверской прошел круглый стол на тему преподавания перевода и подготовки переводчиков. Тема эта очень важна — и для тех, кто занимается подготовкой переводчиков, и для авторов учебных пособий, и для руководителей переводческих бюро, и для самих переводчиков. Снижение уровня подготовки переводчиков в немалой степени объясняется тем, что в последние годы были открыты переводческие отделения в технических и иных неязыковых вузах по всей стране, где начали заниматься подготовкой переводчиков в сфере профессиональной коммуникации. Обучение переводу требует специальных методик, педагогических принципов и методических приёмов, в которых следует учитывать особый и чрезвычайно сложный характер переводческой деятельности и многогранность профессии. И заниматься подготовкой переводчиков должны специально подготовленные преподаватели.

Выступления на заседании клуба были весьма эмоциональными — было ясно, что в дискуссии участвуют те, кого действительно это волнует. Подборкой статей мы начинаем разговор на столь важную тему в «Мостах» и приглашаем наших читателей принять участие в разговоре.

Мы надеемся, что наши голоса будут услышаны.

И. И. Убин

доктор филологических наук, профессор директор Всероссийского центра переводов научно-технической литературы и документации
МИНОБРНАУКИ РФ

Время требует перемен

Я хотел бы начать разговор с повторения известного вам утверждения о том, что за последние 50 лет перевод превратился из занятия довольно ограниченного круга людей в целую индустрию с огромным финансовым оборотом, своими правилами и законами, техникой и многочисленной армией переводчиков. Перевод в своих различных ипостасях проник во все сферы жизни общества практически всех, а не только передовых развитых стран.

Так, по экспертным данным, общая стоимость всех видов перевода в Западной Европе по состоянию на начало 2000 г. достигла 9–10 млрд. долл. США с динамикой ежегодного роста около 8%. При этом художественный перевод составляет не более 5% от общего объёма перевода. На сегодня у нас нет официальных данных по объёму и стоимости перевода в России, но можно предположить, что стоимость всех видов перевода только по

Москве достигает не менее 5–7 млрд. руб. в год (200–250 млн. дол. США).

Такие объёмы перевода, естественно, не может выполнять узкий круг переводчиков. Известно, что в Западной Европе на постоянной штатной основе работают примерно 150 тыс. переводчиков и около 250 тыс. нештатных переводчиков. В Москве, по мнению ряда экспертов, переводом на условиях полного рабочего дня занято примерно 15–17 тыс. человек. Таковы на сегодня некоторые количественные оценки перевода в мире.

Более интересная информация открывается при рассмотрении одного из аспектов качественной стороны дела, а именно уровня профессиональной подготовки переводчиков, выполняющих эти переводы за рубежом и у нас в стране. Практически во всех западно-европейских странах, США, ряде стран Латинской Америки легально переводческой деятельностью может заниматься человек с дипломом переводчика и/или официально прошедший довольно жёсткую процедуру

профессиональной сертификации. По нашему же законодательству переводческая деятельность не лицензируется, и переводом официально может заниматься лицо с высшим, а по некоторым документам и с неполным высшим образованием. Любым! Не обязательно переводческим! Качественные требования к профессиональному переводчику сводятся к владению языком оригинала. По этой причине у нас в стране в перевод, в первую очередь в качестве нештатных переводчиков, хлынули люди, профессионально совсем не подготовленные. В лучшем случае преподаватели иностранного языка либо носители языка оригинала.

К сожалению, не намного лучше ситуация и со штатными переводчиками в ряде крупных научно-производственных, промышленных и коммерческих организаций. Нами был проведён анализ уровня формальной профессиональной подготовки 120 штатных переводчиков из 65 различных организаций в 26 регионах России, проходивших повышение квалификации во Всероссийском центре переводов научно-технической литературы и документации. Из этого числа только 18 человек имеют высшее переводческое образование, 45 человек — окончили факультеты иностранных языков, 57 человек — выпускники неязыковых вузов. Около 90% наших научно-технических переводчиков это переводчики-практики, освоившие эту профессию методом проб и ошибок за довольно длительный срок.

Практически все стороны, задействованные в процессе выполнения перевода, — заказчики, организации-исполнители, сами переводчики, — неоднократно поднимали вопрос об острой нехватке квалифицированных переводчиков. В условиях рынка, когда возникает такой спрос, то, естественно, тут же возникает и предложение. Так, по некоторым данным, сегодня в России уже более 100 вузов готовят переводчиков и ещё больше хотели бы заняться этим видом образовательной деятельности. На первый взгляд, столь оперативное и массовое предложение на спрос следует только приветствовать. Однако такой резкий скачок количества образовательных учреждений и других структур, готовящих переводчиков или претендующих на

это право в масштабах всей страны, не даст, в краткосрочной перспективе, качественного решения этой проблемы. И причина, по моему мнению, не в отсутствии желания или энтузиазма в этих образовательных учреждениях, а в несоответствии программы подготовки переводчиков требованиям сегодняшнего дня и в острой нехватке квалифицированных преподавателей перевода. Мне трудно говорить о проблеме нехватки преподавателей перевода в масштабе всей страны, но мой собственный опыт и опыт некоторых моих коллег позволяет мне с уверенностью утверждать, что многие московские вузы, занятые подготовкой переводчиков, испытывают острейшую нехватку квалифицированных преподавателей перевода.

Я уже неоднократно говорил о необходимости совершенствования программы подготовки переводчиков в соответствии с современными требованиями и поэтому сегодня не буду подробно рассматривать этот вопрос. Позвольте только перечислить некоторые учебные курсы, которые, на мой взгляд, необходимо дополнительно включить в действующую программу подготовки переводчиков:

1. Теория и практика научно-технического, юридического, коммерческого и т.п. перевода. (Практика в первую очередь!)
2. Лексикографическая поддержка перевода. Современные переводные словари в традиционной и компьютерной форме.
3. Средства полной и частичной автоматизации перевода. Системы машинного перевода и системы класса «Память переводов».
4. Юридические и нормативные аспекты перевода.

Проблема нехватки преподавателей перевода пока не привлекла серьёзного внимания ни переводчиков, ни педагогической общественности. Следует обратить внимание, что в номенклатуре специальностей, по которым в нашей стране можно получать высшее педагогическое образование, отсутствует преподаватель перевода. Подобная ситуация ранее не вызывала серьёзного беспокойства, когда переводчиков готовили всего несколько переводческих факультетов в ведущих языковых вузах страны. Сейчас же, когда переводчиков

стали готовить в сотнях образовательных учреждений, следует обратить внимание на целесообразность подготовки преподавателей перевода в ведущих языковых вузах страны, имеющих большой и успешный опыт подготовки переводчиков, и возможно в рамках системы второго высшего образования.

Е. В. Бреус

кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода факультета иностранных языков УРАО

Перемены в системе российского образования и возможные подходы к решению проблем

Перемены в системе российского образования, естественно, не могли обойти стороной и сферу перевода как учебной дисциплины. Многие привычные академические нормы и установки утрачивают свою эффективность. Жизнь ставит перед нами целый ряд новых вопросов, в отношении которых обычные рецепты больше не действуют. Напомню о некоторых из таких проблем и попытаюсь обозначить возможные подходы к их решению.

В последнее время часто говорят об увеличении спроса на профессиональных переводчиков и резком увеличении числа учебных заведений, готовящих специалистов этого профиля. Но при этом обычно не упоминают о том, что в стране нет учебных заведений, где бы готовились преподаватели перевода, а выпускники переводческих факультетов и отделений, то есть люди, наиболее подготовленные для работы в качестве преподавателей перевода, в наши дни предпочитают работать по профессии. И это понятно, условия оплаты труда переводчиков сейчас лучше, чем у преподавателей вузов. В итоге курсы обучения как теории, так и практике переводческой деятельности, во многих случаях ведут филологи или преподаватели иностранного языка. Это энтузиасты своего

дела, люди, стремящиеся передать учащимся все свои знания и опыт. Но по понятным причинам им подчас недостаёт требуемого уровня теоретических и практических знаний, что сказывается на качестве выпускаемой ими продукции.

Затронутый вопрос имеет многоаспектный характер и может быть полностью решён только на государственном уровне. Речь в частности, идет об организации при филологических вузах отделений по подготовке преподавателей перевода, созданию необходимой учебно-методической базы, решении вопросов, связанных с оплатой труда этой категории специалистов, и пр. Но свою роль может сыграть и переводческое сообщество. Прежде всего, изменив отношение к тем преподавателям иностранного языка, которые принимают предложение вести курс перевода. Они часть острой, не выдуманной ситуации и заслуживают достойного отношения, которое должно проявляться в оказании им всей необходимой моральной и методической поддержки.

Другая проблема касается самих студентов, учащихся на упомянутых факультетах, отделениях и курсах перевода. Их ситуацию можно сравнить с ножницами. Действительно, с одной стороны, они, по уже названной и ряду других причин, не всегда получают достаточно высокий уровень языковой и переводческой подготовки, а с другой, в связи с

малым количеством часов, выделяемых в учебных планах на изучение собственно переводческих дисциплин, имеют ограниченную возможность непосредственного общения с преподавателем.

Думается, что намечающаяся тенденция сокращения объёма работы в классе может только усилиться в связи с планируемым переходом образования в нашей стране на Болонскую систему.

В этих условиях особую важность приобретает работа по дальнейшему совершенствованию методического обеспечения учебного процесса, в частности путём повышения эффективности самостоятельной работы студентов. Большие возможности в этом отношении открывает электронное образование. Его резервы поистине безграничны. Свидетельством тому служит проведённое в конце сентября этого года в Москве международное совещание по проблемам дистанционно-образовательных технологий. Для наших целей важно то, что теперь упор делается не на дистанционном компоненте образования, а на самостоятельной работе учащихся.

Другим направлением является написание учебников по переводу, созвучных новым реалиям общественной жизни. С учётом сказанного ранее, теперь намного больше внимания следует уделять начальному этапу учебного процесса и той категории студентов, которые только начинают знакомиться с теорией и практикой перевода. В известном смысле речь идёт о необходимости создания учебников нового поколения, в которых бы чётко различались потребности начального и продвинутого этапов обучения.

Какой, на наш взгляд, должна быть содержательная сторона таких учебников?

Задача пособия для начального этапа обучения переводу состоит в формировании у обучаемых «переводческой компетенции», то есть специфических знаний и навыков, необходимых для выполнения переводческой деятельности. К ним, среди широкого круга других вопросов, относится знакомство с основными положениями общей и частных теорий перевода, а также умение выявлять переводческую проблему, определять её характер, выбирать и правильно использовать для её решения конкретные технические приёмы перевода.

Для своей реализации перевод требует определённых умений (сознательного выполнения определённых действий) и навыков (интуитивного выполнения этих действий), которые должны быть созданы в процессе обучения. Поэтому другой задачей упомянутого учебника является привитие учащимся умения выделять в учебном материале типичные переводческие задачи и обучение их техническим приёмам перевода, необходимым для решения этих задач. При этом важно подчеркнуть, что речь идёт не об усвоении каких-то правил или рецептов, которые переводчик мог бы автоматически применять во всех случаях, а умения выделять в учебном материале именно типичные переводческие задачи и формулировать общие принципы и частные приёмы их решения.

Хотелось бы высказать несколько соображений практического характера, касающихся содержания пособий по переводу для начального этапа обучения. Первое из них затрагивает вопрос о структуре пособия. Бывает, что изложение материала начинается и заканчивается обсуждением языковых средств, применяемых в исходном тексте, и средств, используемых для их передачи в тексте перевода. С учётом необходимости чёткого разграничения предметных областей сопоставительной лингвистики и теории перевода такой подход представляется неправомерным. Предметом теории перевода является переводческий процесс, а он складывается из двух основных этапов: 1) выработки программы переводческих действий или стратегии перевода и 2) определения конкретного языкового воплощения этой стратегии. Поэтому вопрос о применении тех или иных языковых средств и конкретных приёмов, составляющих технологию перевода, должен решаться не самостоятельно, а в тесной и чёткой привязке к обсуждаемой переводческой проблематике. На практике это означает организацию структуры пособия таким образом, чтобы вначале упоминалось изучаемое положение общей или частной теории перевода, например, норма перевода, вид или уровень эквивалентности, проблемы передачи смыслового единства текста и т.п., и только затем упоминались языковые средства, привлекаемые для их реализации.

В условиях учебного процесса особое внимание, по нашему мнению, следует обращать на показ перехода от системной функциональной эквивалентности, присущей сопоставительной лингвистике, к выработанной в теории перевода коммуникативной эквивалентности, то есть эквивалентности на уровне текстов с учётом их коммуникативного эффекта.

Так, в английском языке для обозначения движения среди прочего используются глаголы адвербиального значения, содержащие сопутствующие движению признаки — звук, вибрацию и т.п., типа *creak down*, *flutter up*, *whistle out*. В русском языке подобные глаголы отсутствуют. Их функциональным эквивалентом, то есть средством выражения сопутствующего признака, как правило, являются глаголы движения в сочетании с наречием, предложно-именным обстоятельственным оборотом или деепричастием, ср.: «со скрипом спускаться вниз», «взлететь вверх, дрожа и вибрируя». Для целей сопоставительной лингвистики выявление этого соотношения является вполне достаточным.

Иначе обстоит дело при переводе, когда те же глаголы выступают не только как единицы языковой системы, но и в качестве составной части слитного текста, призванного обеспечить определённые цели общения. Информация о том, как в русском языке передаётся сопутствующий движению признак, полезна, но недостаточна. В отличие от лингвиста, задача переводчика состоит в том, чтобы найти русскую фразу, все элементы которой могли бы служить равноценной заменой элементов английской фразы в данном контексте. Для этого переводчик должен обладать определёнными дополнительными знаниями, относящимися к самому понятию коммуникативной эквивалентности, и умело использовать технические приемы, обеспечивающие её достижение. Так, в частности, может быть использован приём добавления, при котором английский глагол со значением сопутствующего признака и наречием, указывающим на направление движения преобразуется в русский глагол в сочетании с деепричастным оборотом (ср.: *The train whistled out of the station — «Дав гудок, поезд отошёл от станции»*). Без этого преобразования смысл исходного вы-

сказывания не будет передан и общение между коммуникантами не состоится.

В плане создания технической компетенции, повышению эффективности учебного процесса могло бы способствовать более широкое использование в учебных пособиях по переводу данных, связанных с его текстологическими и стилистическими аспектами. В переводческой литературе этой проблематике уделяется достаточное внимание, чего нельзя сказать об учебно-методических материалах. В них вопрос о развитии соответствующих умений и навыков до сих пор остаётся на заднем плане.

Наконец, говоря о нынешнем положении дел с учебными пособиями по переводу, следует отметить тот факт, что среди переводоведов до сих пор нет единого мнения относительно базового положения теории и практики перевода — понятий эквивалентности адекватности. По нашему мнению, наибольшей объяснительной силой обладает концепция, предложенная А.Д. Швейцером, которая и может быть использована в обсуждаемом учебнике с учётом конкретных целей учебного перевода.

Помимо теоретической части учебник должен содержать тщательно подготовленные упражнения и подборку текстов для учебного перевода. С учётом всего сказанного ранее о нынешних условиях преподавания перевод, все упражнения и тексты предлагаются снабжать ключами.

Работа по созданию технической компетенции переводчика должна быть продолжена в рамках пособия, предназначенного для продвинутого этапа обучения. Думается, что в нем концептуальная база предыдущего пособия должна быть сохранена. Иначе он будет не продолжением начатой работы, а новым проектом. Что касается содержания, то в новом пособии необходимо прежде всего затронуть вопросы установления периферийных видов эквивалентности, фактической, командной, металингвистической и поэтической, которые по причинам ограниченного времени и ориентации на базовые понятия перевода в пособии для начинающих не рассматриваются.

Более углублённому изучению подлежат проблемы, связанные с семантическими,

текстологическими и стилистическими аспектами перевода. В плане семантики речь, в частности, идёт о расширении круга изучаемых семантико-синтаксических моделей, различных категорий лексических и грамматических единиц, а также явлений, относящихся к проблематике слитного текста. Наряду с публицистическими текстами необходимо ознакомление учащихся с особенностями других стилей речи и их отражением в переводе.

Продвинутый этап обучения требует разработки соответствующей методической базы, в которой упор делается на творческом использовании базовых знаний и умений, полученных в ходе начального этапа обучения. В области природы творческих способностей многое ещё остается неясным. Поэтому дополнительную актуальность приобретают исследования, направленные на изучение психолингвистических механизмов перевода и его психологическую мотивацию.

Ключи к упражнениям и текстам на этом этапе обучения переводу, естественно, не применяются.

В целом, хочу отметить, что наработки, необходимые для создания нового учебника, существуют уже сейчас. Я имею в виду обширный конкретный материал по названной тематике, собранный авторами ряда недавно вышедших работ. Среди пособий, опубликованных издательством «Р. Валент», следует особо отметить работы И. В. Полуяна «Семантико-синтаксические процессы и перевод» и группы преподавателей кафедры перевода английского языка МГЛУ под общим руководством В. К. Ланчикова «Техника перевода».

Объединёнными усилиями всех заинтересованных специалистов создание учебника нового поколения могло бы стать реальностью в обозримые сроки.

И. В. Зубанова

доцент кафедры теории и практики перевода ФПМ МИПК МГЛУ

Каким должно быть пособие по синхронному переводу?

Нет ничего практичнее хорошей теории.

Научная мудрость

Профессиональный устный перевод, называемый также «перевод конференций» (conference interpreting), занимает своё особое место среди прочих видов и форм перевода. Оформившись в XX веке как специфическая деятельность, требующая высокой профессиональной квалификации, он не сводится всего лишь к публичному применению приёмов бытового межъязыкового посредничества, но требует от переводчика владения целым набором разнообразных знаний и умений. Они должны быть изучены и отработаны

задолго до того, как человек, владеющий более чем одним языком, возьмёт на себя ответственность сесть в синхронную кабину или выйти к микрофону для того, чтобы выступить в роли посредника в двуязычной коммуникации. Подготовка переводчиков конференций должны заниматься высшие и специальные учебные заведения соответствующего профиля, обычно принимающие на обучение лиц с законченным высшим образованием и свободным владением одним или более иностранными языками, помимо родного. В нашей стране в этой области более или менее успешно работает ряд государственных и частных учебных заведений, не в последнюю очередь Факультет переводческого мастерства МИПК МГЛУ.

Существование в СССР целой плеяды выдающихся устных переводчиков старшего поколения (поколения З.В. Зарубиной, В.М. Суходрева, А.Д. Швейцера, Г.В. Чернова, Р.К. Миньяр-Белоручева, М.Я. Цвиллинга и других, многих из которых уже нет в живых) заложило основу отечественной устнопереводческой традиции. От старших эта традиция передавалась следующим поколениям через посредство таких учебных структур, как Военный институт иностранных языков Советской (ранее – Красной) Армии, Курсы переводчиков ООН, Высшие курсы переводчиков при МГПИИЯ им. М. Тореца и некоторых других, возникших, главным образом, путём реорганизации, переименования или разделения вышеуказанных школ. Учёба у больших мастеров, посвятивших часть своей жизни преподаванию, была бесценной возможностью овладеть основами переводческого искусства. Тем более обидно, что старшее поколение оставило нам лишь небольшое и фрагментарное научно-методическое наследие в области устного перевода, а поколение, следовавшее за ним, не сделало практически ничего, чтобы это наследие развивать.

В отличие от общей теории перевода и письменного перевода, которые в нашей стране опираются на надёжную базу из трудов Я.И. Рецкера, А.В. Федорова, А.Д. Швейцера, В.Н. Комиссарова¹ и многих других, теория и практика устного перевода лишь в незначительной степени подверглась осмыслению и описанию учёными и педагогами. Особняком здесь стоят, конечно, труды профессора МГПИИЯ Г.В. Чернова², не только подробно проанализировавшего многие смысловые и структурные процессы и трансформации, имеющие место в ходе синхронного перевода (СП), но и предложившего свою собственную теоретическую модель СП, основывающуюся на понятиях избыточности семантико-смысловой структуры сообщения и вероятностного прогнозирования. В своей

книге 1978 года Г.В. Чернов также дал краткое описание основных элементов рече-языковой и предметно-тематической подготовки синхронного переводчика, и сам воплощал эту программу в жизнь в качестве руководителя нескольких учебных структур, готовивших синхронистов. Однако теоретические труды Г.В. Чернова, написанные сложным научным языком, не получили развития в виде комплекса практических учебных и методических пособий, и сегодня к ним обращаются лишь немногие.

Нельзя сказать, что вопросы устного перевода вообще не освещались в специальной и методической литературе. Р.К. Миньяр-Белоручев, сам военный переводчик с французского и преподаватель Института военных переводчиков, начиная с конца 1960-х годов до середины 1990-х опубликовал целый ряд пособий для овладения навыками последовательного перевода, включая переводческую скоропись³. Особенности синхронного перевода, однако, освещались им лишь частично.

Нам представляется, что настало время попытаться сформулировать концепцию, исходящую из самой сути устного перевода (будь то перевод последовательный или синхронный), отличающей его от письменного перевода. Суть этой концепции, по нашему мнению, заключается в том, что устный перевод должен быть ориентирован главным образом не на текст, а на получателя; то есть соображения лексико-синтаксической или лексико-грамматической эквивалентности, а тем более структурного подобия в устном переводе должны играть подчинённую роль по сравнению с требованиями функциональной и прагматической эквивалентности.

Устный перевод призван обслуживать коммуникацию, происходящую между людьми «здесь и сейчас». У устного переводчика нет второго шанса передать то, что хотели сообщить друг другу коммуниканты, нет возможности саморедактирования, возврата в более раннюю часть текста для изменения раз принятых переводческих решений или обращения к ещё не прозвучавшей части сообщения для уточнения понимания. Задача устно-

¹ Автор приводит в первую очередь имена тех из теоретиков перевода, чьим рабочим иностранным языком был английский.

² Г.В. Чернов. «Теория и практика синхронного перевода», М., Международные отношения, 1978; Г.В. Чернов. «Основы синхронного перевода», М., Высшая школа, 1987.

³ Р.К. Миньяр-Белоручев. «Общая теория перевода и устный перевод», М., Воениздат, 1980; (он же) «Как стать переводчиком» М., Стелла, 1994 и др.

го перевода может считаться выполненной не тогда, когда переводчик проговорил текст перевода и «забыл» его, а когда вся — или почти вся — совокупность смыслов, заложенных в исходный отрезок коммуникации оратором-источником, была получена и воспринята конечным адресатом — получателем перевода. Причём обязанности переводчика не сводятся только к тем или иным преобразованиям собственно вербального текста, но включают и восприятие пресуппозиций, из которых исходил оратор, извлечение импликаций из его сообщения, восприятие информации, переданной оратором просодическими (интонация) и даже паралингвистическими (мимика, жестикация) средствами, а также прагматическая, межкультурная, эрудиционная и иная адаптация текста перевода с целью сделать информацию сообщения доступной для восприятия адресатом. Для этого переводчик должен обладать немалой общеэрудиционной, специально-тематической, межкультурной и собственно переводческой компетенцией. Начало формирования таких компетенций должно быть положено в ходе обучения и подготовки переводчика; потом этот процесс должен продолжаться в течение всей его профессиональной жизни.

К дополнительным факторам не лингвистического, а скорее психологического характера, осложняющим работу устного, в том числе синхронного, переводчика, следует отнести однократность предъявления исходного сообщения, недоступность справочных материалов в рабочей ситуации, большую нагрузку на оперативную память, необходимость действовать в навязанном извне темпе и принимать необратимые переводческие решения на основе заведомо неполной информации. С другой стороны, в отличие от своего коллеги-письменника, устный переводчик, непосредственно включённый в коммуникативную ситуацию, может извлечь пользу из присутствия потребителей своего труда, на месте и по ходу процесса проверяя эффективность и правильность своих переводческих решений по реакции участников.

Пособие по устному, в том числе синхронному, переводу должно быть основано на глубоком понимании сути основных процессов, осуществляемых переводчиком: процес-

са девербализации воспринятого исходного сообщения (то есть анализа содержащихся в нём смыслов и высвобождения их из вербальной поверхностной оболочки) и процесса ревербализации (то есть синтеза и рекомбинации этих смыслов в соответствии с нормами и узусом переводящего языка и облечения их в новую синтаксическую, грамматическую, лексическую и фонетическую оболочку для передачи адресату). В нём следует подробно рассмотреть все уровни и разновидности смысловой информации, участвующей в этих процессах (референциальная, предикативная, видо-временная, модальная, оценочная, эмоциональная, регистровая, структурно-логическая, дейктическая, тема-рематическая, функциональная, прагматическая), и действия переводчика, направленные на их адекватное восприятие, удержание в памяти и воспроизведение в переводе.

Очень важно, чтобы пособие для синхронных переводчиков не ограничивалось только теоретическими рассуждениями или анализом уже выполненных переводов. С другой стороны, оно не должно сводиться лишь к перечислению конкретных правил, запретов, приёмов, эквивалентов и переводческих находок. Такое пособие, как нам представляется, должно давать начинающему или совершенствующемуся в своей профессии переводчику не только ответы на вопрос «Как это было или могло быть сделано?», но и на вопрос «Как это следует делать, и главное, почему?».

Пособие по синхронному переводу должно отражать и многие другие моменты, влияющие на деятельность переводчика: конкретную пару рабочих языков, направление перевода (с иностранного языка на родной и/или с родного на иностранный — последнее представляет собой своеобразное ноу-хау российской переводческой школы); условия работы переводчика, методы его самоподготовки к очередным мероприятиям, использование справочных и информационных материалов, выстраивание взаимоотношений с коллегами, клиентами и заказчиками и так далее.

Важнейшей частью пособия по СП должен стать раздел, содержащий упражнения и практические задания, направленные на отработку навыков и умений, необходимых для осуществления этой деятельности. Наиболее

ценным навыком, являющимся залогом успешности работы синхрониста, является навык восприятия и переработки всей совокупности смысловой информации исходного сообщения при поступлении её к переводчику короткими отрезками (масштаба синтагмы). Такой режим восприятия, резко отличающийся от привычного («дослушать до конца законченную мысль и лишь тогда начать преобразования, необходимые для выражения её на другом языке»), является единственно возможным для синхрониста, который не может позволить себе слишком сильно отставать от оратора. Однако это не значит, что в синхронном переводе допустимы буквализмы, прямое ненормативное калькирование синтаксических конструкций исходного текста, искажение тема-рематической структуры сообщения, нарушения лексической сочетаемости и тому подобные ошибки, характерные для «пословного» перевода.

Необходимые навыки анализа поступающего сообщения и синтеза на его основе сообщения на переводящем языке, которое соответствовало бы, с одной стороны, смысловой структуре оригинала, а с другой, всем аспектам нормы и узуса переводящего языка, можно отрабатывать в процессе обучения синхронных переводчиков с помощью учебного приёма перевода по синтагмам, на слух или с листа. В ходе такого упражнения текст предъявляется переводчику короткими отрезками, по одной синтагме, и тот должен научиться безошибочно строить высказывания, образующие текст перевода, опираясь только на вновь поступивший отрезок информации, а также на воспоминания о ранее прозвучавшей части сообщения и на свои общие и тематические фоновые знания. Развивается при этом и навык формирования вероятностных прогнозов на дальнейшее разворачивание текста на ближайшую и дальнюю перспективу и навык отслеживания реализации этих прогнозов.

Переводчик сразу приучается не оставлять «на потом» какие-либо элементы смысловой структуры, которые могут быть выражены немедленно, и не позволять себе самоповторов, необязательных самопоправок, использования слов и звуков-паразитов, воспринимаемых слушателем как «грязь», ухудшающая качество коммуникации.

Должное внимание в ходе обучения и подготовки высококвалифицированного переводчика конференций, прежде всего синхрониста, следует уделить совершенствованию его знаний и умений в области передачи элементов текста, имеющих фиксированные эквиваленты в языке перевода. К этой однородной группе относятся названия различных международных организаций, географические названия, имена и прозвища знаменитых людей, некоторые исторические и искусствоведческие термины, «крылатые слова» и известные афоризмы, библеизмы, знаменитые цитаты из классиков национальных литератур, названия популярных книг, фильмов, музыкальных произведений, имена их персонажей и тому подобное. Нам представляется, что какая-то часть этого материала должна войти в состав пособия по синхронному переводу, так как неосведомлённость переводчика о подобных вещах недопустима и даёт основания сомневаться в его общей профессиональной компетентности.

Наконец, в комплексе учебно-методических материалов, образующих в совокупности пособие по синхронному переводу, должны, несомненно, войти и тексты (желательно, представленные также и в виде аудиозаписей) для аудиторной и самостоятельной работы студента. Часть из них может сопровождаться разъяснениями, комментариями, предлагаемыми вариантами перевода сложных мест, для того чтобы студент мог опереться на них в ходе обучения, а часть может использоваться для работы студентов в аудитории с преподавателем. Разумеется, на завершающих этапах подготовки синхронистов для перевода им должны предъявляться незнакомые и неподготовленные материалы, которые должны быть переведены с первого раза. Оценить успешность такого перевода и указать пути исправления погрешностей преподаватель сможет в классе, прослушав воспроизведение записи перевода студента на аппаратуру учебной аудитории. При этом необходимо, чтобы преподаватель синхронного перевода сам был опытным практикующим синхронным переводчиком, но это уже тема другой статьи.

В.К. Ланчиков

*кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода
английского языка МГЛУ*

Отрывок, взгляд и нечто о преподавании перевода

В спорах о преподавании перевода упор обычно делается на содержание учебных программ, количество учебных часов, умения и навыки, которые должны приобретать обучаемые. Пора сказать кое-что и об умениях и навыках, которыми должны обладать обучающие.

Разговор об этом начал в прошлом номере «Мостов» В.А. Иовенко¹. Позволю себе его продолжить, ограничившись преподаванием письменного перевода.

Дилетантское мнение, будто профессионально переводом может заниматься всякий знающий иностранный язык, как будто бы изживается. Об этом можно заключить уже по тому, что всё больше учебных заведений открывает кафедры, курсы и отделения перевода. Но на поверку оказывается, что радоваться рано: старое заблуждение живо, оно только сменило кожу. Ведь на вновь открытых кафедрах, курсах и отделениях занятия часто ведут в лучшем случае преподаватели практики иностранного языка. Что это как не косвенное отрицание особых переводческих навыков? Странно было бы, если бы за преподавание практики языка взялись люди, не умеющие на этом языке говорить и писать. Почему же не видят странности в том, что переводу учат люди, зачастую не умеющие переводить? Нетрудно себе представить, какие навыки может привить студентам преподаватель, сам этими навыками не обладающий.

Есть и другая крайность. Не менее редко к преподаванию перевода обращаются переводчики, иногда переводчики самого высокого класса, но мало кого заботит, каков их класс как преподавателей. Результат подчас бывает

такой жалкий, что, помучившись, преподаватель приходит к выводу: «Научить переводу невозможно» (особенно часто такое приходится слышать о художественном переводе). Когда это произносит переводчик с именем, неловко задавать вопрос: «А учить-то вы умеете?»

Отсюда ясно, что преподаватель перевода должен обладать своеобразным сочетанием профессиональных навыков. Два рода занятий, к которым должен быть причастен всякий, кто посвящает себя этой профессии, уже названы: преподаватель и переводчик. Но этим дело не ограничивается.

Обычно на занятиях по письменному переводу большая часть времени уделяется разбору студенческих переводов. При этом роль преподавателя поначалу состоит в том, чтобы оценить качество перевода: указать студенту на недочёты и объяснить, почему тот или иной вариант сомнителен или непринемлем. Иными словами, на этом этапе преподаватель выступает в роли редактора.

Переводчики знают: не приведи Господи попасть в руки редактора, который вместо чётких критериев оценки руководствуется исключительно собственными представлениями о переводимом тексте, выражающимися в туманных, но глубокомысленных ссылках на «дух языка», «дух подлинника» и тому подобных спиритических заклинаниях. Такие, работая с переводчиком, либо увещевают с позиции силы либо торгуются (одна редакторша, с которой мы разбирали её правку моего перевода, обижено сказала: «Видите: я с вами всё время соглашаюсь, а вы со мной — ни разу»).

Но есть другой тип редактора: те, кто видит в переводчике не подследственного или несговорчивого покупателя, а союзника, с которым у него, редактора, одна цель: создать выразительный, точный, грамотный перевод. И если между союзниками возникает спор, такой редактор опирается на факты языка,

¹ В.А. Иовенко, Преподаватель перевода: нужна ли специальная подготовка? — «Мосты» №3 (15), 2007.

убедительные прецеденты, сопоставимые контексты, доводы здравого смысла, наконец. Редактор, осознаёт он это или нет, становится лингвистом. Не по диплому, а по подходу к материалу.

Какой же тип редактора должен взять за образец преподаватель перевода? Если исходить из того, что редакторские функции преподавателя подчинены более широкой задаче — научить студентов самостоятельно находить, оценивать и выбирать переводческие решения, — ясно, что редактирование на занятиях по переводу имеет целью, среди прочего, дать студентам критерии оценок и показать, как ими пользоваться. У редактора-лингвиста это получается не в пример лучше, чем у духовидца с тиранскими или торгашескими замашками.

Впрочем, сравнение преподавателя с редактором, как и любое сравнение, справедливо лишь до известной степени. Забота редактора — конечный текст, забота преподавателя — то, чему научатся у него студенты. Взгляды на то, как достичь своей цели, у разных преподавателей разные. Позволю себе ещё немного потешить свои классификаторские наклонности: как мне представляется, по этому признаку преподаватели перевода делятся на три группы. Одни видят свою задачу в том, чтобы сравнить студенческий перевод с готовым эталонным (часто сделанным даже не самим преподавателем, а составителем того или иного учебного пособия, где такой перевод предлагается в качестве «ключа») и без долгих разговоров подогнать результат самостоятельной работы студента под заданный образец. Назвать эту процедуру «обучением» я бы не решился: ничего ценного студент от таких занятий не получит.

Есть другие преподаватели, чей метод больше напоминает подход редактора (редактора-лингвиста). Они не только указывают студенту на недочёты перевода, но и объясняют, чем именно неудачен выбранный вариант — объясняют так, чтобы сам студент в этом убедился. Если студент не может найти подходящую замену забракованному варианту, преподаватель-редактор предложит свой. Этот метод более действен, поскольку впоследствии в трудных случаях бывшие студенты вспоминают, как решалась эта задача на занятиях, и ищут решение по аналогии.

Но как быть, если переводчик сталкивается с трудностью, которая в учебных текстах ему не попадалась? Выйти из положения он может лишь в том случае, если обладает навыком самостоятельного поиска решений. Для выработки этого навыка при обучении чисто редакторских методов недостаточно. Студента надо подвести к правильному решению путём точного определения задачи, наводящих вопросов, обоснования стоящей за текстом ситуации, анализа словарных значений и т.п. Конечно, работа это более кропотливая, и времени она отнимает больше, чем если бы преподаватель попросту подсказал вариант, зато и толку от неё больше: студент запоминает не окончательный вариант, а путь, которым он шёл к его выработке, что для профессионала куда полезнее, чем в трудную минуту перебирать в уме прецеденты (хотя и это бывает полезно).

Да не сочтут это нескромностью с моей стороны, приведу некоторые приёмы из собственной практики. Может, кому-нибудь они помогут.

Когда я только-только начинал преподавать на кафедре перевода английского языка МГПИИЯ им. М. Тареза (теперь МГЛУ), ещё существовала, к сожалению, забытая сегодня практика взаимопосещения занятий. Каждый преподаватель был обязан раз в месяц посидеть на занятии у кого-то из своих коллег и дать отзыв. Целью таких посещений была не проверка (при тогдашнем составе кафедры проверка квалификации преподавателя необходимости не было), а обмен опытом. Начинающие учились у старших, старшие заимствовали друг у друга интересные приёмы и наблюдения. Заходили и ко мне. Может быть, самые ценные советы (по крайней мере, на многое открывшие глаза) я услышал от Татьяны Романовны Левицкой и Галины Владимировны Здорных, у которой учился ещё студентом. Помнится, разбирая одно моё занятие, Галина Владимировна заметила: «Вы, когда отвергли один вариант, сказали: “Да как же вы сами не чувствуете, что это слово здесь не подходит?” Больше никогда так студентам не говорите. Если бы чувствовал, не написал бы. А вы на то и преподаватель, чтобы научить его это чувствовать. Поэтому для начала надо объяснить».

Уже позднее, когда я понял, что как преподаватель кое-чему научился, я стал на пер-

вом же занятии, знакомясь с группой предлагать студентам такой договор: «Давайте условимся, что фразы вроде “Это не по-русски” или “Это не звучит” ни вы ни я произносить здесь не будем. Часто они означают одно: “Я так не говорю”. Надо быть чудовищно самонадеянным, чтобы без проверки, не опираясь на факты, приводить в спорных случаях такие доводы. Если у нас возникнут разногласия, будем вместе разбираться: прибегать к лингвистическому анализу, примерам из источников, которые ни у меня ни у вас сомнений не вызывают (“Вчера так по телевизору говорили” — не довод: в ответ я могу перечислить ещё много такого, что говорили вчера по телевизору, и мы будем долго смеяться). Будем учитывать частотность спорного явления, опрашивать людей, не видевших оригинал, насколько естественным кажется им такое употребление. Словом, будем докапываться до истины». Как правило, студенты охотно принимают этот договор. Сами того не зная, они приобретают

ещё и редакторский навык, не говоря уж о навыке работы с редактором (если это умелый редактор, а не асфальтовый каток).

С этой же целью я ещё позднее стал изредка, когда позволяло время, предлагать студентам ещё один вид работы. Они по очереди садились за преподавательский стол и проверяли домашнее задание своих товарищей. Проверяли как преподаватель: с обсуждениями, объяснениями, оценкой вариантов. И с соблюдением уговора: никаких «Не звучит». По словам самих же студентов, после такой работы они и к собственному переводу начинали подходить гораздо вдумчивее.

Один студент, побыв полчаса в шкуре преподавателя, вернулся на своё место и вздохнул: «Ну и работёнка у вас!» Что и говорить: сравнивать перевод с «ключами» куда проще. И бесполезнее.

В.А. Иовенко

профессор кафедры испанского языка МГИМО (У) МИД России, доктор филологических наук, профессор

Обучать профессии преподавателя перевода всё же необходимо

В моей последней статье, опубликованной в «Мостах» осенью этого года¹, я обосновал необходимость целенаправленного обучения в специальных высших учебных заведениях профессии преподавателя устного и письменного перевода. Учитывая, однако, и без того напряжённые университетские учебные программы подготовки профессиональных переводчиков и специалистов в области иностранных языков, соглашусь с мнением многих моих коллег о том, что оптимальной

формой решения этой проблемы стало бы второе высшее образование или курсы повышения квалификации преподавателей. Однако в любом случае предпочтение при отборе кандидатов для обучения по этой новой педагогической специальности следует всё же отдавать выпускникам переводческих факультетов, а не факультетов иностранных языков.

Хотел бы ещё отметить два принципиальных момента, касающихся учебников по практическому переводу. Во-первых, важность рационального сочетания в тексте учебника двух компонентов: теоретического компонента (в виде переводческих комментариев и/или рекомендаций переводчикам) и практического компонента (продуманная система пред-переводческих, собственно переводческих,

¹ В.А. Иовенко. Преподаватель перевода: нужна ли специальная подготовка? — «Мосты», № 3(15), 2007, стр. 51–55.

лингвострановедческих упражнений, а также заданий на сопоставление текстов оригиналов и переводов и редактирование переводов).

Во-вторых, я против введения в учебники по переводу ключей в каком-либо виде. Объясняется это следующими соображениями: творческим — по умолчанию — характером любой

переводческой деятельности, принципиальной возможностью существования нескольких вариантов адекватного перевода одного и того же исходного текста и, наконец, личностью самого переводчика с его индивидуальной стилистикой и языковыми предпочтениями.

И. В. Полуян

кандидат филологических наук, более 20 лет преподавал на переводческом ф-те МГЛУ

Специализация в процессе обучения

В 1979 году меня поздравил Юрий Анатольевич Денисенко, завсудующий кафедрой перевода английского языка переводческого факультета МГПИИЯ им. Мориса Тореза, и сказал: «Игорёк (в то время мне было 40 лет, но я всё ещё ходил в молодых преподавателях), надо поехать в Тбилиси помочь им организовать преподавание синхронного перевода. Это задание министерства». Последующие события развивались в ключе известных анекдотов об уроке русского языка в горской грузинской школе и уроке английского языка в провинциальной украинской школе. Короче говоря, когда я явился на заседание кафедры иностранных языков Тбилисского государственного университета, оказалось, что никто из присутствовавших понятия не имел о разнице между синхронным и последовательным переводом. При этом надо отдать грузинским коллегам должное: все они владели как минимум тремя языками — родным, русским и английским. Пришлось ограничиться теоретическими аспектами синхронного перевода.

Или вот другая история. В 1986 году во время стажировки в США по программе обмена студентами между МГПИИЯ и Университетом штата Нью-Йорк мне предложили провести несколько занятий по переводу с группой аме-

риканских студентов. Оказалось, что их знание русского языка, мягко говоря, оставляло желать лучшего, то есть о переводе с английского на русский не могло быть и речи. Пришлось опять ограничиться основными положениями теории перевода и переводом с русского на английский простеньких текстов. При необходимости я объяснял смысл неизвестных студентам слов и выражений. Это была интересная работа с носителями языка, в ходе которой я получил от них не меньше информации, чем они от меня. Не могу не упомянуть в этой связи интересной публикации издательства «Р Валент»: Бурак А.Л. Перевод и межкультурная коммуникация. Этап 1: Уровень слова (есть и Этап 2)¹. Работая преподавателем в одном из американских университетов, автор предложил студентам несколько, на мой взгляд, довольно трудных текстов для перевода на английский язык. В пособии рассматривается пять или шесть, по-видимому, самых удачных вариантов перевода, сделанных разными студентами, и ещё один, синтетический, вариант, сочетающий достоинства студенческих вари-

¹ Бурак А.Л. Перевод и межкультурная коммуникация. Этап 1: Уровень слова. Москва, «Р Валент», 2005.

Бурак А.Л. Перевод и межкультурная коммуникация. Этап 2: Семантика предложения и абзаца. Москва, «Р Валент», 2006.

Подготовка переводчика [круглый стол]

антов и улучшенный автором. Не со всем можно согласиться, но для желающего совершенствоваться переводчика на английский — материал бесценный.

Я сделал эти экскурсы в историю, чтобы показать, что, на мой взгляд, исходный уровень подготовки студентов и задача цикла лекций или практических занятий (тренинга, мастер-класса) — главные факторы, которые должны определять их построение. Все мы прекрасно знаем, как может выглядеть идеальная учебная программа школы переводчиков: лучшие зарубежные учебные заведения такого рода набирают слушателей, более или менее одинаково свободно владеющих как минимум одной парой языков, и акцент делается на выработку собственно переводческих навыков. Это, так сказать, зарубежный идеал. Вопрос о том, как должна выглядеть подготовка переводчиков в наших вузах, достаточно хорошо освещён в ряде статей участников данного круглого стола в данном журнале. С их положениями трудно не согласиться. Но это опять-таки идеал.

Российским курсам и факультетам, готовящим переводчиков, я бы предложил придерживаться более узких и специализированных подходов, ориентированных на рынок, т.е. на существующий спрос на их продукт. Сомневаюсь, что переводчику технических текстов (устных или письменных) так уж нужны два года латыни (обязательных на переводческом

факультете МГПИИЯ в прошлом веке) или понимание разницы между денотативным и коннотативным значениями. С другой стороны, будущему переводчику философских текстов или поэзии эти знания были бы очень кстати.

Короче говоря, мне кажется, что более продуктивным было бы перевести данную дискуссию в более конкретный план и обсудить, как можно было бы готовить переводчиков по конкретным специальностям (что и сделано И.В. Зубановой в данной дискуссии). Список специальностей (граница между художественной литературой и хорошей публицистикой достаточно размыта) мог бы быть, как в нижеприведённой таблице.

Специализация в процессе обучения не исключает, естественно, появления в последующем «универсальных» переводчиков.

Что же касается преподавателей по этим специальностям, то испокон веков так уж сложилось, что они были и есть из числа практикующих или много практиковавших в прошлом переводчиков. Представьте себе, что класс виолончели в Институте им. Гнесиных или Московской консерватории ведёт не уже зарекомендовавший себя исполнитель, а новоиспечённый выпускник педагогического отделения одного из этих учебных заведений (не уверен, что такие отделения существуют, но, во всяком случае, такой подход потребовал бы создания образований вроде «педагогического отделения переводческого факультета».)

Письменный перевод с иностранного на русский	Художественная литература Публицистика Технические тексты
Письменный перевод с русского на иностранный (вообще-то, носители языка делают это лучше, но и нам приходится этим заниматься)	Публицистика Технические тексты
Двусторонний устный последовательный перевод	С записью С опорой на память
Синхронный перевод с иностранного языка на русский и с русского на иностранный. В синхронном и последовательном переводах также желательна специализация по темам	

Н.Г. Шахова

*кандидат физико-математических наук,
руководитель агентства переводов En Rus*

Хорошо бы, хорошо бы нам кита поймать большого

Лучше быть богатым, но здоровым, чем бедным, но больным.

Козьма Прутков

Конечно, хорошо, если перевод преподаёт не только умелый педагог, но и талантливый переводчик – кто же с этим спорит? Только откуда такие возьмутся?

В некоторых видах деятельности люди рано достигают успехов и рано сходят с дистанции. Например, фигуристы и артисты балета годам к 30–35 вынуждены менять профессию. И тогда многие идут в педагоги. У большинства это получается плохо (ведь далеко не всякий умелый практик становится умелым преподавателем), но приток кадров велик, поэтому хороших преподавателей тоже оказывается немало.

А у переводчиков не так: большинство сохраняет способность переводить до конца жизни. У них нет нужды идти в преподаватели. Нет и материальной заинтересованности – переводить обычно выгоднее. Поэтому в вузах оказываются только те энтузиасты-переводчики, которые любят преподавать. Причём любят настолько, что готовы нести материальные потери. И любовь, кстати, тоже не всегда трансформируется в умение.

Поэтому хороший педагог-переводчик всегда будет большой редкостью.

Е.К. Масловский

кандидат технических наук, переводчик и редактор научно-технической литературы, ст. преподаватель факультета иностранных языков МГУ по программе «Переводчик к сфере профессиональной коммуникации»

Для охоты на кита акватория – не та

“...в вузах оказываются только те энтузиасты-переводчики, которые любят преподавать”.

(Н. Г. Шахова. Хорошо бы, хорошо бы нам кита поймать большого)

Я переводчик, но далеко не энтузиаст. Я не люблю нести материальные потери. У меня горы переводческой работы. Мне нет нужды идти в преподаватели. Я не люблю преподавать. Но, тем не менее, я оказался в вузе, где веду практикум по научно-техническому переводу. Потому что мой 40-летний редакторский опыт работы над переводами, которые выполняли энтузиасты-инженеры, в той или иной мере владеющие английским языком, показал, что с течением времени уровень качества специальных переводов не меняется в лучшую сторону. И проблемы у большинства переводящих инженеров тоже остаются прежними: в первую очередь, это неумение грамотно излагать свои мысли в письменной форме на родном русском языке и полное отсутствие критического отношения к продукту собственного переводческого творчества, даже

Подготовка переводчика [Круглый стол]

если оно приводит к искажению смысла оригинала. В этой части мало чем отличаются от них и многие гуманитарии с лингвистическим образованием; вот лишь несколько свежих примеров:

Оригинал	Перевод
<p>Every product does have a period of initial growth, a mature period, and a declining period as it disappears from the market.</p>	<p>Каждый продукт проходит через период роста, зрелости и упадка, когда он исчезает с рынка.</p>
<p>Although descriptive forecasts can at best make probability statements about the likelihood, timing, and magnitude of turning points in a series, there are some very powerful ways of detecting turning points quickly after they have happened.</p>	<p>Хотя описательные прогнозы могут спроектировать вероятность, возможное время и важность решающих моментов, всё же иногда важные моменты обнаруживаются уже после того, как они произойдут.</p>
<p>Monthly observations won't tell you how to staff the mailroom on Mondays versus Thursdays, and daily observations won't distinguish between first and second shift workloads</p>	<p>Наблюдения за месяц не покажут, чем отличаются объёмы писем по понедельникам от того, что происходит в четверг, а ежедневные наблюдения не будут отличаться от первого и второго объёма работы.</p>
<p>The history available is only a sample of the total time series, and if one hunts long enough an apparent relationship will be found.</p>	<p>Предыстория, которая нам доступна, может продемонстрировать всего лишь примеры, но если долго наблюдать, то можно обнаружить необходимую связь.</p>
<p>The principal focus of the remainder of this chapter is the statistical, descriptive, forecasts used in making short-range decisions (usually out to about 10 times the interval between forecast revisions) repetitively.</p>	<p>Суть того, что осталось рассмотреть в данной главе, состоит в использовании статистических, описательных прогнозов при принятии частых решений (обычно до 10 раз между пересмотром и корректировкой прогноза).</p>
<p>There is a reason for the relationship, and the leading indicator is available with sufficient lead time to be useful in the forecast.</p>	<p>Для этой связи есть все основания, и главный индикатор может быть полезен при прогнозировании по прошествии определённого времени.</p>

Конечно же, никто из преподавателей языка не учил исполнителей сих «шедевров» переводить так. Наоборот, все кропотливо учили, как надо переводить в соответствии с теорией. Но при этом просто не говорили, как не надо и нельзя переводить, — в силу вечного дефицита аудиторных учебных часов и невозможности из-за этого ограничения реализовать индивидуальный подход к каждому слушателю как к будущему «письменному переводчику», а не звену пресловутой «профессиональной коммуникации».

Вот и попадает «коммуникатор» в нужную обстановку только лишь при выполнении тестового перевода в переводческом бюро, где он самоуверенно решил подзаработать как «фрилансер». Но его перевод бракуют по непонятным для него причинам, и уходит обиженный «претендент» в полной уверенности, что просто «там давно всё схвачено», раз даже языковое образование не помогло, и, естественно, даже не допускает мысли о том, что подвело его недо-

статочное знание как норм и правил родного русского языка, так и самой предметной области оригинала.

Но если в гуманитарных учебных заведениях так или иначе «доучивают» русскому языку, то из технического вуза инженер выходит с тем же уровнем знания (или незнания) русского языка, с каким пришел в этот вуз из средней школы. Между тем общеизвестно, что для обеспечения высококачественного перевода технической литературы и документации требуется хорошее знание переводчиком соответствующей предметной области и безупречное владение языком перевода. Это значит, что кафедры иностранных языков в технических вузах должны прививать будущим инженерам практические навыки грамотного письменного перевода, а не просто принимать от студентов «тысячи», переведённые кем-то и когда-то. А если стандарт этого не предусматривает, то пора менять стандарт, поскольку научиться переводить можно только переводя.

Казалось бы, с появлением программы дополнительного послевузовского образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» для инженеров «без языка» открылись широкие возможности, но у вузов, поголовно кинувшихся осваивать это коммерческое мероприятие, до сих пор нет ясно-

сти, как учить переводу. Потому что почти сразу приходит понимание, что обучение языку и обучение письменному переводу — это далеко не одно и то же, и что преподаватель в данном случае должен сам быть практикующим переводчиком, чтобы ученики по своим «умениям» не оказались намного выше учителя.

Ну, а пока первая же контрольная работа по письменному переводу убеждает, к сожалению, что львиную долю обучаемых следовало бы отсеять на входе из-за слабого знания ими русского языка. Оно пока характерно для любого уровня нашей «образовательной индустрии» — от средней до высшей школы. Это весьма наглядно демонстрируют и регулярно проводимые Союзом переводчиков России конкурсы среди не «маститых», а «начинающих» переводчиков, которые как раз и образуют основу потенциальных переводческих кадров. Всё это полезно учесть при внесении готовящихся изменений в стандарты «переводческого» обучения. Иначе понапрасну будут расходоваться дефицитные учебные часы, а сами «переводческие» заведения рискуют прослыть в народе (то бишь в Интернете) «кидалами», взявшими больше деньги и ничему не научившими.

П. Р. Палажченко

многолетний сотрудник ООН, дипломат, журналист, переводчик, автор ряда книг и словарей, преподаватель перевода

Как учить переводу: проблемы и опыт

Лидия Гинзбург однажды назвала преподавание «сочетанием неприятного с бесполезным». Было ли это верно в те годы, когда она преподавала, не знаю, но боюсь, что сейчас в этом высказывании есть доля истины. Впрочем, и тогда были, и сейчас есть студенты, которые всем хороши — способны, обла-

дают мотивацией и энтузиазмом, умеют учиться. Но для преподавателя источником большой досады и даже «безысходности» является огромный разрыв в уровне учащихся. Тем не менее с этим приходится мириться. Ведь мы учим массовой профессией — об этом надо всегда помнить, хотя подготовка переводчика высшего класса — дело скорее штучное.

Подготовка переводчика

Массовым является и преподавание перевода. Сейчас оно ещё более массовое, чем в 1960–1970-е годы, когда я учился и преподавал в Инъязе. Это были годы расцвета переводческого факультета МГПИИЯ им. Мориса Тореза. Там замечательно обучали языку (в условиях изоляции, порожденной «холодной войной») и великолепно – переводу. И прежде всего потому, что были сильные преподаватели и отработанная методика.

Для преподавания перевода нужна сильная теория, дающая выход в методику преподавания. Мой учитель Яков Иосифович Рецкер любил повторять, что хороша та теория, которая помогает переводчику. В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Л.С. Бархударов и работавший не в Инъязе, но развивавший схожие идеи В.Г. Гак, сохраняя оригинальность и независимость своих исследований, придерживались, как мне кажется, того же принципа.

На годы, о которых я говорю, пришёл пик теоретических исследований и их методического воплощения. В итоге в массовых масштабах достигался, как минимум, удовлетворительный, а в некоторых случаях выдающийся результат в подготовке переводчиков.

Не хочу идеализировать то время. Наверное, и тогда преподавателей порой одолевала та же безысходность, не в последнюю очередь из-за невысокого уровня культуры и эрудиции некоторых студентов. И всё-таки в целом он был несколько выше, чем сейчас. А переводчику без него нельзя. И, занимаясь с нами основами перевода, наши преподаватели попутно внушали нам эту мысль.

С тех пор основные проблемы и противоречия, связанные с обучением нашей профессии, не изменились. Это, во-первых, сочетание изучения собственно языка (в некоторых случаях буквально с нуля) и освоения навыков перевода. Во-вторых, учебные материалы, их разработка и подбор по уровню сложности. Наконец, проблема переводческого опыта и переводческой практики преподавателя.

Идеальное решение этих проблем невозможно в принципе. Так, особенно в условиях массового преподавания, невозможно учить только переводу: у каждого студента столько

пробелов, что приходится «подчищать» собственно языковые знания. Всегда реальное противоречие: чем больше востребован преподаватель как практический переводчик, тем меньше у него времени для преподавания. Но какие-то компромиссные решения всё-таки возможны.

Есть безусловные вещи, проверенные инъязовским опытом.

Это как можно более ранний переход к переводу естественных (а не искусственно составленных в интересах изучения грамматики и лексики), неадаптированных текстов.

Это подбор материалов, позволяющих студенту увидеть переводческую проблему и научить его подходам к её решению.

Это градация текстов по степени сложности и нагруженности реалиями (нельзя, как это иногда делают, давать второкурсникам тексты из журнала *Economist*, которые даже англичане не всегда понимают до конца, а наши преподаватели – тем более).

Это, наконец, «решающий голос» реального переводческого опыта в разработке программ и учебных материалов.

Возможно, я повторяюсь (мне уже пришлось говорить это и в выступлениях, и в журнале «Мосты»), но хочу сказать ещё раз: при огромном расширении масштабов преподавания перевода в нашей стране и в соседних республиках, опыт периода, о котором я говорю – «золотого века» переводческого факультета Инъязе. – освоен ещё далеко не полностью. Я не против попыток найти новые пути в теории перевода, хотя много в них неудачного, вымученного, бесполезного в практическом отношении. У инъязовской школы теории перевода, на мой взгляд, наибольший практический потенциал, и хорошо, что он не утрачивается, а разрабатывается дальше, в том числе Е.В. Бреусом, Д.И. Ермоловичем, И.В. Полуяном, В.К. Ланчиковым и другими участниками (и не участниками) этой дискуссии.

М.Я. Цвиллинг

кандидат филологических наук, профессор МГЛУ, заведующий кафедрой теории, истории и критики перевода, один из ведущих теоретиков устного перевода

О подготовке переводчиков вообще и синхронистов в частности

Обсуждая вопрос о подготовке переводчиков, необходимо, прежде всего, освободиться от некоторых предубеждений. Хотим ли мы того или нет, удачные переводы и успешные переводчики существовали задолго до того, как этой отраслью человеческой деятельности, или, если угодно, этим видом коммуникации занялась современная наука. Таким образом, приходится признать, что рационально организованная и теоретически обоснованная система обучения сама по себе, видимо, не может считаться необходимым и достаточным условием обретения переводческого мастерства той или иной личностью. Надеюсь, коллеги-преподаватели не упрекнут меня в стремлении выбить у них почву из-под ног. Я отнюдь не намерен отрицать необходимость академической подготовки переводчиков как таковой. Утрируя постановку вопроса о причинно-следственных отношениях в формировании личности переводчика-профессионала, я хотел бы только заострить внимание на активной роли самой этой личности в процессе профессионального созревания.

Никакие, даже самые изощрённые, дидактические усилия не в состоянии выработать у обучаемого те качества, которые необходимы для достижения уровня творческого мастерства в профессии, для которой данный человек в силу социализационных условий, а может быть и генетических предпосылок, «не создан». Надеюсь, меня не обвинят в нарушении требований политической (или социальной?) корректности. В не столь далёком — по меркам нашего поколения — прошлом такое утверждение, действительно, было бы расценено как идеологическая диверсия, со всеми вытекающими отсюда оргвыводами. Но, слава Богу, это минуло. Сейчас едва ли найдётся

здравомыслящий педагог, считающий, что любая поющая девчонка способна стать Анной Нетребко, Аллой Пугачёвой или хотя бы приличной оперной певицей. Водить машину умеет сегодня каждый второй, но Михайлы Шумахеров или Тиркко Райкконенов — единицы.

Я этим вовсе не хочу сказать, будто все синхронисты, а тем более, все переводчики — звёзды. Просто, нужно откровенно признать, что переводческая профессия, начиная с самых обыденных её форм, предполагает наличие определенных личностных качеств, при отсутствии которых (или при недостатке внутренней мотивации к развитию их зачатков), невозможно стать полноценным актёром на сцене межъязыковой коммуникации. Перечислять эти свойства, наверное, нет необходимости, но любой специалист назовёт основные из них «навскидку»: кругозор, речь, реакция, память, ответственность, самоконтроль, контактность (по крайней мере, для устного переводчика) — вот, пожалуй, почти исчерпывающий перечень. А для того чтобы стать профессионалом, надо учиться. Но учёба, опять-таки, невозможна без мотивации — присущей данной личности изначально, либо интериоризированной ею в процессе воспитания и обучения. Увы, на практике приходится сталкиваться и с ложной мотивацией. В этом случае остаётся только пожалеть учащегося, ошибшегося в выборе профессии, а также его учителей и особенно родителей. Но чем раньше эта ошибка обнаружена и вскрыта, тем лучше и для самого учащегося и для профессионального сообщества переводчиков, да и для всего общества в целом.

Отсюда вывод для преподавателя — не «тянуть за уши» отстающих. «В бою равнение только по передним», говорилось в Строевом Уставе Рабоче-Крестьянской Красной Армии, действовавшем во время Великой Отечественной войны. А с профессионально

пригодными и мотивированными учащимися надо, разумеется, работать творчески, интенсивно, щедро делясь своими знаниями и опытом и всячески поощряя самостоятельность и готовность к принятию нестандартных решений, а порой и к парадоксальным экспериментам.

В заключение — несколько соображений относительно ситуации с подготовкой синхронистов. Синхронный перевод представляет собой один из видов устного перевода, получивший за последние десятилетия широкое распространение во многих странах и практически во всех авторитетных международных организациях.

До недавнего времени корпус синхронистов, в основном, складывался стихийно, и лишь отчасти (в ограниченных масштабах) формировался по ведомственному принципу (напр., курсы переводчиков ООН при МГПИИЯ им. Тореза). Однако в настоящее время назрела настоятельная необходимость целенаправленной подготовки высококвалифицированных специалистов по этому направлению. Постоянный рост числа разнообразных мероприятий с использованием синхронного перевода, проводимых в нашей стране и за рубежом (с участием российских представителей), увеличивает риск снижения качества перевода и обусловленной этим опасности невыполнения задач, стоящих перед участниками подобных встреч, что в итоге способно нанести прямой ущерб престижу страны и ее интересам.

На практике дефицит квалифицированных синхронистов приводит к снижению уровня требований к переводчикам со стороны организаторов мероприятий, а также к размыванию качественных критериев внутри самого профессионального сообщества. В частности, начинающие синхронисты (не обязательно только молодые) склонны к завышенной оценке своих умений, поскольку зачастую не слышат серьёзных нареканий со стороны «потребителей» своих услуг. Однако такая снисходительная оценка объясняется всего лишь спецификой коммуникативной ситуации и «неизбалованностью» коммуникантов, чего, однако, не понимают и сами профессионально недостаточно компетент-

ные квазисинхронисты. В самом деле, даже далёкий от совершенства синхронный перевод всё же лучше чем полное отсутствие перевода, поскольку он хоть в какой-то мере создаёт ощущение прорыва коммуникационного рубежа.

Ещё одной особенностью синхронного перевода, способствующей укоренению сниженных требований к нему не только со стороны потребителей, но и со стороны исполнителей, является его «летучесть» (согласно латинскому изречению *“verba volant, scripta manent”* — слова исчезают, написанное остаётся). Правда, в данном случае уместнее инверсия: *“scripta manent, verba volant”*). Выражаясь образно, синхронный перевод не оставляет улики. К тому же, сам факт всё же состоявшегося межязыкового коммуникативного контакта как бы перекрывает все погрешности его практической реализации, и переводчик торжествует в соответствии с принципом «победителей не судят».

В силу изложенного, а также вследствие ряда иных факторов, в основном психологического характера, доступ к синхронному переводу (а также к специализированной подготовке к нему) нередко получают люди, не достигшие достаточно высокого уровня в других видах переводческой деятельности, а подчас и в овладении иностранным языком как таковым.

Таким образом, представляется целесообразным и своевременным установить чёткие стандарты компетенций переводчика-синхрониста, которые полностью исключили бы возможность снижения общего профессионального уровня этого ответственного вида переводческой деятельности и вызванную этим самодискредитацию высших учебных заведений, претендующих на присвоение своим выпускникам квалификации переводчика-синхрониста без достаточных на то оснований.

Введение магистерской ступени высшего образования, будем надеяться, создаст, наконец, благоприятные условия для полноценной подготовки таких профессионалов.

* * *

Другой перевод

(об упражнениях на перевод с русского в учебниках иностранных языков)

С. Г. Ваняшкин

Как вы думаете, чем отличаются друг от друга три синонимичных предложения: *Он на три года старше брата*, *Он на три года старше своего брата* и *Он на три года старше, чем его брат*? Ответ: в упражнениях на перевод с русского, без которых не обходится практически ни один учебник иностранного языка, написанный в нашей стране, вы скорее всего встретите третий вариант и с наименьшей вероятностью — первый.

У студентов, избравших специальность «Перевод и переводоведение», курс практического перевода начинается лишь на третьем году обучения. Однако уже с первого курса они делают упражнения на перевод с иностранного языка на русский и с русского на иностранный. На начальном этапе в таких упражнениях предлагаются для перевода отдельные предложения, на более продвинутом — также цепочки связанных предложений, мини-диалоги и, значительно реже, короткие тексты. Упражнения на перевод с русского широко используются в учебниках иностранных языков как способ закрепления пройденного лексического и грамматического материала, а также для проверки знания лексики и грамматики. Иными словами, хотя в задании к упражнениям сказано: «Переведите с русского языка на английский (французский, немецкий и т.д.) язык», авторы учебников, как правило, не ставят перед собой задачу обучать собственно навыкам перевода. Тем не менее очевидно, что для студентов выполнение таких упражнений — это и первый опыт перевода на иностранный язык, а поэтому большое значение имеет качество предлагаемого для перевода материала.

Уже много лет я веду занятия по практическому переводу со студентами Московско-

го государственного лингвистического университета, изучающими шведский язык. Этим, в частности, объясняется то, что для своего небольшого исследования я выбрал три изданных в России учебника шведского языка¹. Сразу оговорюсь: я не ставил себе задачи оценивать эти учебники в целом, меня интересовали только упражнения на перевод с русского языка на шведский.

Проведённый мной анализ таких упражнений показывает, что их составители очень часто стараются тем или иным способом «подсказать ответ». Во всех трёх учебниках легко просматривается метод создания подобных упражнений: составляются — а зачастую просто берутся из текста урока — предложения на шведском языке и переводятся на русский, причём далеко не всегда удачно (надо отметить, что учебник Масловой-Лашанской и Толстой в этом отношении гораздо лучше двух других). Стремление дать вариант, максимально подводящий к использованию нужной лексики и грамматических конструкций, порой заставляет авторов учебников пренебрегать нормами русского языка или, по крайней мере, выбирать из возможных вариантов тот, который по формальным признакам наиболее близок к шведскому «оригиналу». В результате в упражнениях часто встречаются буквализмы, нерусский порядок слов, «лишние» слова и т.п. Теми же недостатками страдают и переводы на русский язык примеров при изложении грамматического

¹ Попова О.Л., Попова Н.М. Svenska/Шведский язык. Интенсивный курс. — СПб.: Эрудит, 1998; Погодина Н.Е. Практический курс шведского языка: Учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. — М.: Высшая школа, 1988; Маслова-Лашанская С.С., Толстая Н.Н. Учебник шведского языка. — СПб.: Петро-РИФ, 1996.

Подготовка переводчика

материала, а также переводы отдельных предложений в пояснениях к текстам уроков.

В собранном материале имеется много предложений, содержащих слова, которые по-русски вполне можно — а часто и нужно — опустить. Так, например, очень редко опускаются союз *что* и подлежащее в придаточном, совпадающее с подлежащим в главном предложении, что выглядит особенно неестественно, когда предложение носит явно разговорный характер: *Я полагаю, что нам не нужно сегодня сидеть до позднего вечера в библиотеке* (Поп.); *Она сказала, что она была в читальном зале и писала статью, которую она должна сдать на следующей неделе* (Пог.) (по-шведски подлежащее в придаточном обязательно: *Hon sade att hon hade varit i läsesalen och skrivit en artikel som hon måste lämna in nästa vecka*). Немало случаев использования ненужных по-русски — но обязательных по-шведски — притяжательных местоимений: *Я прихожу к своим родителям так же часто, как и раньше* (Поп.). Иногда такая подсказка даётся в скобках: *Чем вы занимаетесь на (ваших) уроках шведского языка?* (Пог.).

В предложении *Она умеет немного говорить по-шведски* (Поп.) (вместо *Она немного говорит по-шведски*) глагол *умеет* явно призван напомнить, что по-шведски необходимо употребить модальный глагол *kan*. Вариант *Я голоден* (Пог.) (вместо *Я проголодался* или *Я хочу есть*) также выбран потому, что он точно соответствует шведскому *Jag är törstig*. Теми же соображениями можно объяснить предпочтение одного из синонимов: *утренняя гимнастика* (а не *зарядка*), *классная комната* (а не *аудитория* или *класс*) — по-шведски *утренняя зарядка* называется *morgongymnastik*, а *класс* как помещение — *klassrum*. Точно так же и *прийти поздно* ближе к шведскому *komma för sent*, чем *опоздать*: *Я мог бы встать пораньше. Тогда бы я пришёл не так поздно* (Поп.). По той же причине, вероятно, и глагол *приблизиться* заменён на *подойти близко* в предложении: *Они не смогли подойти близко к Северному полюсу* (М-Л.). К лексическим подсказкам можно отнести и примеры, подобные следующему: *Обильные осадки в виде мокрого снега или морозящего дождя выпадают в январе как в восточной, так и в западной Швеции* (Поп.).

Сочетание «восточная (западная) Швеция» по-русски может означать только более или менее определённую административно-территориальную единицу (при этом прилагательное пишется с большой буквы), поэтому можно сказать «Западная Сибирь», но нельзя «в восточной России». В приведенном примере прилагательные *восточной* и *западной* явно использованы по правилам шведского языка — *i östra och västra Sverige*. Заметим, кстати, что если «обильные осадки в виде мокрого снега» явление вполне возможное, то «обильные осадки в виде морозящего дождя» — звучит довольно странно. Видимо, составители стремились включить в упражнение побольше лексики на тему «Погода» и не очень следили за тем, как эта лексика вписывается в контекст.

В проанализированном материале практически отсутствует конструкция «у меня в комнате, у нее на столе, (положить руку) ему на плечо» — по-шведски подобные отношения выражаются только с помощью притяжательного местоимения, в результате для перевода предлагается предложение с «подсказкой», хотя оно и идёт вразрез с нормами русского языка: *Пациент вскрикнул, когда Ольга положила руку на его живот* (Пог.). Аналогичный пример находим и в переводе в грамматическом комментарий: *Största delen av min tid går åt till studier. — Большая часть моего времени уходит на учёбу* (Поп.) вместо *Большая часть времени у меня уходит на учёбу*.

Хотя в предлагаемых для перевода предложениях не встречаются случаи использования глагола *иметь* как соответствия шведскому *ha* в значении «владеть, обладать», он всё же пару раз приводится в скобках как указание, что по-шведски нужно употребить глагол *ha* (*Какую книгу ты хочешь? — Я хочу (иметь) немецкую книгу. Стокгольм расположен на многих островах. Поэтому в городе (город имеет) так много мостов.*). То же самое и в «подсказывающем» варианте, приводимом после нормального русского предложения (*У тебя есть яблоко? Ты имеешь какое-нибудь яблоко?*). Как правило, в соответствии с нормами русского языка используются формы глагола *быть*: *У нас есть сейчас рубашки раз-*

ных цветов. У меня есть новая книга (Поп.). (Один случай, правда, вызывает недоумение: У него (есть) брат (Пог.). Что означает глагол *есть*, стоящий в скобках? Что его можно опустить и сказать «У него брат»?) В то же время глагол *быть* почти не встречается в предложениях типа «На площади есть магазин», «В библиотеке было много книг на шведском языке». В подобных случаях, когда в переводе ожидается использование конструкции *det finns*, аналогичной английской *there is*, используются лишь глаголы *имеется*, *находится* и (о предметах) *стоит* или *лежит*, что не нарушает норм русского языка, но не исчерпывает возможные соответствия данной шведской конструкции.

Нередки в упражнениях на перевод и синтаксические подсказки. К ним относятся, в частности, практически неизменная позиция личного местоимения в функции прямого и косвенного дополнения: *Он говорит быстро. Мы не можем понять его.* (Поп.) *У меня есть новая книга. Я могу дать её тебе.* (Поп.) *Сколько вопросов мы можем задать вам?* (Пог.). Можно отметить и иные случаи использования в русских предложениях шведского порядка слов: *Прежде чем начать читать романы, пьесы и стихи по-шведски, попробуйте читать короткие статьи или рассказы при помощи словаря* (Поп.) (по-русски должно быть «читать по-шведски романы, пьесы и стихи»); *Мой друг любит больше ходить в кино, чем в театр* (Поп.) (очевидно, что следовало сказать не «любит больше ходить», а «больше любит ходить», и наречие здесь поставлено на его «шведское место» — *Min vän tycker mera om att gå på bio*). В вопросах часто используется инверсия, «напоминающая» об обязательной инверсии в шведском вопросе: *Все ли слова знают студенты?* (Поп.) — по-русски гораздо естественнее звучит вариант: *Студенты знают (или выучили) все слова?*

Характерно, что когда составители упражнений вынуждены «отойти от оригинала», они нередко считают обязательным дать подсказку в скобках, по-русски (иногда с пометой *букв.*) или по-шведски, лишая таким образом студентов возможности самостоятельно решить не самую трудную переводчес-

кую задачу: *Но моя сестра не чувствует себя оторванной от жизни (isolerad)* (Поп.); *Туристы охотно посещают окрестности озера Сильян (=места вокруг озера) для того, чтобы взглянуть на славящиеся своей красотой места* (М-Л.). Иногда вариант в скобках призван напомнить учащемуся о синтаксической конструкции, невозможной в русском языке, как, например, в предложении: *Вскоре мы увидели огромную равнину, простирающуюся под нами (=что под нами простиралась огромная равнина)* (М-Л.). Придаточное предложение в скобках — это явная попытка подтолкнуть студента к употреблению конструкции *objekt + infinitiv*, которая отрабатывается в данном уроке. Кстати, в русском предложении было бы естественнее поставить причастный оборот перед определяемым словом: *...мы увидели простирающуюся под нами огромную равнину*. Видимо, и постпозиция причастного оборота связана с желанием составителей получить от студентов вариант *Snart såg vi en väldig slätt utbreda sig under oss*.

Наконец, нельзя не отметить большое количество буквализмов как в упражнениях на перевод с русского языка на шведский, так и в переводах, которые авторы учебников дают в грамматических комментариях и пояснениях к текстам. Вот как, в частности, переводятся в учебнике Погодиной некоторые традиционные формы выражения благодарности: *Adjö och tack för i dag!* — До свидания и спасибо за проведённый день. *God dag och tack för i går!* — Здравствуйте, спасибо за вчерашний день. *Tack för senast!* — букв. Спасибо за прошлый раз! Странно, что лишь в последнем случае автор счёл необходимым дать помету «буквально». В предложении *Поезд метро отходит каждую вторую минуту (varannan minut), в то время как автобусы ходят с промежутками в три-четыре минуты* (М-Л.) *varannan minut* передано буквально — «каждую вторую минуту» (что, кстати, делает излишней подсказку в скобках), а «промежутки» явно навеяны шведским *mellanrum*, по-русски, говоря о графике движения транспорта, обычно используют слово *интервал*.

Хотя статья написана на материале учебников шведского языка, отмеченные в ней

Подготовка переводчика

недостатки упражнений на перевод с русского наверняка встречаются и в учебниках других иностранных языков, потому что составляются подобные упражнения чаще всего одним и тем же описанным выше способом.

Упражнения на перевод с русского, состоящие из предложений, и в лексическом, и в синтаксическом отношении максимально приближенных к тому, что должно получиться в результате перевода (на самом деле – к предложениям на иностранном языке, которые составители сами перевели на русский и которые хотели бы получить от студента), зачастую сводят на нет свою основную задачу – проверку знания грамматического и лексического материала. О какой проверке может идти речь, если в русском предложении всеми возможными способами подсказывается, какую лексическую единицу или синтаксическую конструкцию ждут от учащегося. Если в

задании упражнения сказано: «Переведите с русского», то это должен быть русский язык, а не калька с иностранного.

Кроме того, предлагая подобные упражнения и переводы примеров, авторы учебников невольно приучают студентов к мысли, что языки в значительной степени симметричны, большинство слов имеют однозначные соответствия, а перевод – не более чем замсна слов одного языка словами другого. Было бы гораздо полезнее – в особенности при обучении будущих переводчиков, – если бы упражнения на перевод не сглаживали, а наоборот, подчёркивали различия между родным языком и изучаемым иностранным, помогая студенту с самого начального этапа увидеть, как неодинаково выражается подчас одно и то же содержание средствами разных языков.

И ЭТО – ПЕРЕВОД

В сентябре 1888 года французский писатель Р. Сайян прислал Л.Н. Толстому письмо, в котором недоумевал по поводу того, что обнаружил в собрании сочинений Толстого, выпущенном во Франции, свой собственный рассказ. В ответном письме Толстой объяснил происшедшее так:

Милостивый государь. Я очень огорчён, что причинил Вам неприятность, и прошу Вас простить мне мою ошибку, совершенно невольную, как Вы увидите из дальнейшего.

В России выходит очень мало распространённый ежемесячный листок «Рабочий». Один из моих друзей дал мне номер этого журнала, где находился перевод с переделкой, применительно к русской жизни, Вашего рассказа «Le père Martin», но без фамилии автора, предложив мне использовать его для переработки в народную сказку. Рассказ мне очень понравился; я лишь немного изменил стиль, прибавил несколько сцен и отдал моему другу для издания без моего имени, как то было условлено между нами не только относительно «Le père Martin», но и вообще рассказов, мною написанных.

При втором издании издатель просил у меня разрешения выставить мое имя на полученных от меня рассказах. Я дал согласие, упустив из виду, что среди рассказов, из которых восемь были мои, находится и не принадлежащий мне – «Le père Martin», но так как он был мною переделан, издатель поставил и на нём мое имя. Редактируя одно из изданий, я прибавил к заглавию: «Где любовь, там и Бог» в скобках: *«заимствовано с английского»*, так как друг, давший мне журнал, сказал, что это рассказ английского автора. Но в полном собрании моих сочинений эта прибавка была опущена; ту же ошибку допустил и переводчик.

Вот каким образом, милостивый государь, я, к моему великому сожалению, оказался виновен перед Вами в неумышленном плагиате и настоящим письмом с величайшим удовольствием подтверждаю, что рассказ «Где любовь, там и Бог» есть не что иное, как перевод и приспосабливание к русским нравам Вашего чудесного рассказа «Le père Martin».

Прошу Вас, милостивый государь, простить мне мою небрежность и принять уверение в моих братских чувствах.

Лев Толстой

Finally a Source to Turn to When Translating Religious Terms*

Roy F. Cochran (США)

Not everything is taught in class when one studies Russian. Either that, or the student daydreams through part of the course and misses important tidbits of information.

This thought struck me when I realized certain gaps in my own knowledge as I translated my first article for a client that included Biblical references. Because of a dearth of Russian-to-English cultural or religious dictionaries at that time, I thought a reference to *4 Царств* was a typographical error when I found the passage being cited in *II Kings* in a *Revised Standard Edition* translation of the Bible. Either my instructors, native Russian speakers all, had never touched on the books of the Bible, or my brain was somewhere else the hour they did.

With the publication of D.I. Yermolovich's *Англо-русский и русско-английский словарь религиозной и возвышенной лексики*, translators finally have at least one source to which to turn when translating religious terms. With only about 5,000 terms (according to its own claim—more like 4,200 according to my estimate), the dictionary attempts to cover more than Christianity. There are terms from Buddhism, Hinduism, Islam, Judaism, Zoroastrianism, and more, each indicated with an appropriate abbreviation, the expansions of which are found on pages 6 and 7 of the book. Even *мунисты* (the Moonies, followers of Sun Myung Moon's Unification Church) is included.

Д.И. Ермолович. *Англо-русский и русско-английский словарь религиозной и возвышенной лексики* (English-Russian and Russian-English Religious and Spiritual Lexicon). – М.: Р. Валент, 2004.

* Рецензия впервые опубликована в издании: SlavFile (Slavic Languages Division, American Translators Association). – Fall 2007, Vol. 16, No. 4, pp. 22–23.

While the preceding paragraph makes it sound as if this dictionary is complete, bear in mind that the English-only Zondervan's Pictorial Bible Dictionary, for example, contains over 5,000 entries for Judaism and Christianity alone! Therefore, the dictionary reviewed here is by no means complete, but it is a very useful addition to one's reference collection.

Unlike some subjects we translate, where numerous cognates or transliterated names are used, religious terms and names are different. For example, *Навуходоносор* certainly doesn't resemble *Nebuchadnezzar*, and *Иисус Навин* might cause the novice translator to believe perhaps the translation might be Jesus the Nazarene, rather than Joshua.

Terms that are not always so obvious, such as *возложение рук* (*laying on of hands*), *Антипасха* (*Low Sunday, Quasimodo*) and *неопалимая купина* (*burning bush*), and that do not appear in most other sources, are translated in this book. (Five generalist dictionaries ranging from compilation dates of 1994 through 2006 and Lubensky's *Russian-English Dictionary of Idioms* were searched, in addition to the computerized ABBYY Lingvo (release 8). The exception was *Multitran* (<http://www.multitran.ru/>), which had all three!)

The terms that can be found here include the titles of all Koranic sura, such as *Вырывающие* (*The Soul-Snatchers*, title of sura 79), names of historic religious personalities such as *Блуа, Леон* (*Leon Bloy* who lived 1846–1917), and names and terms specific to Russia such as *Оптина Пустынь* (*Opta's Hermitage*, also known as *Optina Hermitage* or simply *Optina*, a monastery in Russia).

The book itself is hardbound with fairly large, legible print. The first part of the dictionary is English-to-Russian, which is discussed below. The second part, the Russian-to-English, the focus of this review, presents the entry followed by the correct religious translation. Complete head terms are at the top of each page and each main entry is in **bold**. Terms are easy to distinguish from one other and further explanations are provided within parentheses when the translation appears to make little sense or have no real connotation. Pronunciation of names is within brackets, while alternate translations are inside slant bars.

Yermolovich points out in the preface that because religion was ignored for years in the former Soviet Union, most of these terms were not included in dictionaries. This exclusion created a great need for the dictionary, as words and terms often are mistranslated when encountered in a religious context. He has included the phonetic renditions of names in that horrid "phonetic alphabet" this reviewer has never learned so they may be pronounced correctly by interpreters and guides. But just how many tourist guides know the International Phonetic Alphabet remains unknown.

From time to time, boxed text provides detailed information about a translation. For example, the entry for *дванадцать праздники* (*Twelve Great Feasts* of the Eastern Orthodox Church) is followed by a boxed list of the 12 feasts in Russian, which are then translated into English.

The English-to-Russian part of the dictionary, not really reviewed here, makes a good cross-reference for the Russian-to-English pages. For example, the English-to-Russian entry for the Russian entry *Фатиха* (*Fatiha(h)*, the first chapter of the Koran) has beneath it the text of the sura in English followed by two different Russian translations. Perhaps this is how the compilers reach approximately 5,000 words.

As a specialist dictionary, this dictionary is especially useful for anyone translating religious texts or histories. In addition, this work should not be overlooked by those who never know from day to day what type of job will land on their desk. The *Англо-русский и русско-английский словарь религиозной и возвышенной лексики* is most definitely one I have on my shelf.

Особенности национального синхрона

А.И. Никольская

Эта история началась с того, что позвонили организаторы и попросили поехать работать на Байкал. Одна крупная фармацевтическая компания затеяла для своих сотрудников нечто вроде поощрительной поездки с элементами обучения. Поскольку планировались иностранные доклады, решили устроить синхронный перевод. На вопрос о том, заказали ли уже оборудование, было твёрдо сказано, что оборудование есть на месте. Однако, когда выдавшие всякое синхронисты узнали, что мероприятие должно проходить даже не в Иркутске, а в посёлке Листвянка, у них закрались сомнения относительно качества этого оборудования, которыми они и поделились с организаторами. Те многократно заверили, что «всё есть», поскольку едем мы в центр мирового бизнес-туризма. Верилось с трудом, но делать было нечего.

Гостиница «Маяк», пафосное здание в стиле «новорусский ампи́р», построенная посередине посёлка, состоящего сплошь из полуразвалившихся деревянных домов, и вправду смотрелась не то оазисом капитализма, не то пристанищем местного авторитета.

Прибыв на место, мы первым делом решили осмотреть конференц-зал. На столах аккуратными рядами были разложены приёмники для синхронного перевода. «А где же cabina?» — спросили мы. Местная хозяйка как-то засуетилась, но потом, собравшись с духом, жёстко глядя нам в глаза, сказала: «А вот кабины у вас не будет!»

Оказалось, что не только кабины. Для нас неподалёку от сцены был предусмотрен некий насест — узенькая дощечка, прикиды-

Эта фотография была опубликована в предыдущем номере журнала в рубрике «Что бы это значило?»

вающаяся столом, на которой лежал проводной микрофон и наушники. Ни обычного пульта с переключением микрофонов и каналов, ни регулировки звука, ничего больше не было. «А как же вторая гарнитура? Нас же двое!», — поинтересовались мы. «А у нас гнездо только одно, вы что, не видите? И наушники только одни!» Звук предполагалось переключать на микшерском пульте, удобно располагающемся у синхрониста за спиной. Кстати, даже в выданных нам одних на двоих наушниках можно было услышать только себя. Наше недоумение по этому поводу было встречено таким же недоумением техников: «А что вы, собственно, хотели в них услышать? Все до вас работали и были довольны. Не знаем, что вам вообще надо. Мы тут нарасхват. Нас тут любой на работу примет». Аргумент жлезный, ничего не скажешь. Действительно, потом мы этих ребят видели и в форме охранников, и за стойкой, и на кухне.

Cum grano salis

Ну а на следующий день инженеры из Москвы по телефону объясняли местным виртуозам-балалаечникам, как наладить оборудование, чтобы в наушниках было слышно оратора. С грехом пополам, с опозданием на час, начали конференцию.

Менялись, грациозно протискиваясь в узкую шель, — и перевод получился почти что без пауз. А то, что вы видите на картинке — результат полёта творческой мысли поселковой молодежи, вдохновлённой московскими синхронистами. Мы, правда, немного иной дизайн предлагали: чемоданчики по краям, а стекло к ним прикрепить. Но вариант местных умельцев — с коробками — оказался ещё интереснее. И на том спасибо. Могла бы быть и омулёвая бочка...

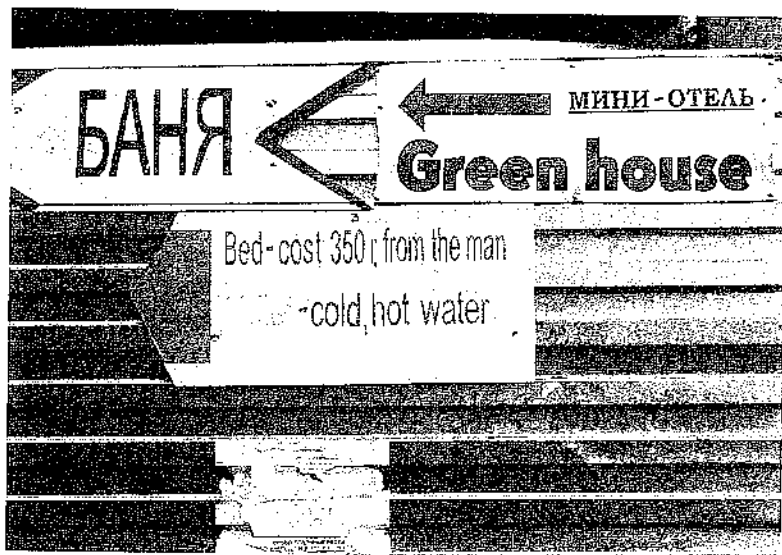
Я аскет: даже в стужу хожу я босой,
Мое ложе — матрас из бутылочных пробок.
Прикрываюсь рогожей, питаюсь росой,
А синхроню — меж двух макаронных коробок.

Светлана Макарова

Итоги конкурса «Что бы это значило?»

*Победителем конкурса стала Светлана Макарова.
Она награждается подпиской журнала «Мосты» на 2008 год.
Поздравляем!*

Что бы это значило?

Продолжаем публикацию фотографий в рубрике «Что бы это значило?» И, как всегда, ждём интересных подписей.

Бреус Евгений Васильевич – синхронный переводчик, преподаватель перевода. Кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода факультета иностранных языков Университета Российской Академии образования. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор многочисленных публикаций по теории и практике перевода.

Бузаджи Дмитрий Михайлович – письменный и устный переводчик. Преподаватель кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГЛУ. Автор ряда статей по переводческой тематике.

Бурак Александр Львович – устный и письменный переводчик. Кандидат социологических наук. Преподаватель русского языка, русской культуры и перевода в Университете Флориды (США) на отделении германистики и славистики. Автор ряда научных и учебных публикаций. Член СПР.

Ваняшин Сергей Григорьевич – лингвист, переводчик с английского и шведского языков. Кандидат филологических наук, профессор кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза.

Ермолович Дмитрий Иванович – синхронный и письменный переводчик, лингвист и лексикограф. Доктор филологических наук. Профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Сотрудничает с международными организациями. Автор научных работ по лингвистике и теории перевода, учебных пособий и словарей.

Зубанова Ирина Владимировна – профессиональный переводчик, доцент кафедры теории и практики перевода ФПИ МГЛУ, преподаватель ряда переводческих школ. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза.

Иванов Николай Викторович – переводчик португальского языка. Профессор кафедры романских языков МГИМО (У) – МИД РФ, доктор филологических наук. Окончил Военный институт иностранных языков. Специалист в области португальского языка. Занимается проблемами португальской грамматики, лексикологии, стилистики, теории перевода. Автор ряда публикаций по актуальным теоретическим аспектам, лингвосемиотики, лингвориторики, общей теории перевода.

Иовенко Валерий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор. Окончил Военный институт иностранных языков. Профессор кафедры испанского языка МГИМО (У) МИД России. Автор учебников и научных работ по испанистике, теории и практике перевода.

Рой Ф. Кохорн (Roy F. Cochran) – американский переводчик, словарный эксперт бюллетеня SlavFile отделения славянских языков Американской ассоциации переводчиков (American Translators Association). Окончил бакалавриат Мерилендского университета по специальностям русский и чешский языки. Работал в государственных органах США. Занимается также исследованиями по советской и российской авиации.

Ланчиков Виктор Константинович – переводчик художественной литературы, кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор ряда теоретических работ.

Масловский Евгений Константинович – кандидат технических наук, переводчик и редактор научно-технической литературы, ст. преподаватель факультета иностранных языков МГУ по программе «Переводчик к сфере профессиональной коммуникации». Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Автор, редактор и соавтор ряда тематических и научно-технических книг и словарей. Член правления Союза переводчиков России, руководитель секции научно-технического перевода и специальных словарей.

Никольская Анна Игоревна – окончила Международную школу переводчиков. Долгое время преподавала в Карлтон-колледже (США). Практикующий переводчик.

Палажченко Павел Русланович – многолетний сотрудник ООН, дипломат, журналист, переводчик, преподаватель перевода. Автор ряда книг и словарей. Окончил МГПИИЯ им. М. Тореза.

Полюян Игорь Владиславович – кандидат филологических наук. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Работал синхронным переводчиком в МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии). 20 лет преподавал перевод на переводческом факультете, курсах переводчиков ООН, факультете переводческого мастерства МГПИИЯ им. М. Тореза; работал письменным переводчиком в англоязычных изданиях.

Убин Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Директор Всероссийского центра переводов. Автор более 100 опубликованных работ по различным аспектам традиционного и автоматизированного перевода и лексикографии. В том числе несколько словарей и монография.

Шахова Наталья Гелиевна – кандидат физико-математических наук, руководитель агентства переводов EnRus, специализирующегося на переводах компьютерной тематики. Переводчик, автор публикаций по переводу. Окончила мехмат МГУ им. М.В. Ломоносова.

Цвиллинг Михаил Яковлевич – кандидат филологических наук, профессор МГЛУ, заведующий кафедрой теории, истории и критики перевода. Один из ведущих теоретиков устного перевода. Составитель ряда немецко-русских и русско-немецких словарей.

Восемь вопросов профессионалу

Отвечает Лев Елисеевич Ляпин. № 1(13)

Лицо профессии

В.А. Иовенко. Памяти Зинаиды Давыдовны Львовской. № 4(16)

Анна Липовска. Беседа с Сергеем Ивановичем Влаховым. № 1(13)

Наследие

М.М. Морозов. Контекст и детали контекста. № 1(13)

Р. Райт-Ковалева. Нить Ариадны. № 3(15)

Анализ практики

А.Л. Бурак. Assessing Translation Quality at Word Level. № 4(16)

А.Л. Борисенко. Не кричи: «Буквализм!». № 2(14)

Д.М. Бузаджи, В.К. Ланчиков. По расчёту и без брака. О разработке переводческой стратегии. № 2(14)

Д.М. Бузаджи. Структуры и связи. О роли синтаксиса в переводе. № 4(16)

Линн Виссон. Перевод русского политического языка – изменения в постперестроечном периоде. № 1(13)

Н.В. Иванов. Мотивы создания, форма и образы одного поэтического перевода А.С. Пушкина с португальского. № 4(16)

Н.А. Иманиязова. Некоторые особенности перевода английских договорных терминов. № 2(14)

В.К. Ланчиков. Пентхаус из слоновой кости. (О статье А.Л. Борисенко «Не кричи "Буквализм!"» "Мосты" № 2/14, 2007). № 3(15)

А.И. Матыцин. Как быть с IPO и секьюритизацией? О заимствованиях из английского языка в финансовой сфере. № 1(13)

Т.П. Некрасова. Набираем обороты, вовлекаем в оборот: как переводить то, что хотел сказать законодатель. (Начало) № 1(13)

Т.П. Некрасова. Набираем обороты, вовлекаем в оборот: как переводить то, что хотел сказать законодатель. (Окращение) № 2(14)

Т.П. Некрасова. «Привычка свыше нам дана...». О переводе некоторых терминов корпоративного права. № 3(15)

И.В. Полуян. Субъективная оценка в переводе. № 1(13)

М.И. Чиркина, Е.В. Юшина. Анализ практики юридического и финансово-экономического перевода. Трудности перевода. № 1(13)

Продолжая тему

Д.И. Ермолович. «Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так... № 4(16)

Давайте говорить правильно/А как это по-русски?

Д.И. Ермолович. Шишкин против Siskin'a. № 2(14)

Н.Г. Шахова. Переводим служебные знаки. № 4(16)

Заказчик-переводчик

И.И. Убин. Некоторые замечания по поводу параллельных миров в переводе (о статье Шаховой «Параллельные миры». № 2/10, 2006). № 3(15)

Проблемы технического перевода

Б.Н. Климзо. Командный перевод. № 1(13)

Б.Н. Климзо. Сотрудничество редактора с переводчиком. № 3(15)

Е.К. Масловский. Нет повестей печальнее на свете, чем переводы в русском Интернете... № 2(14)

Переводчик и компьютер

С.В. Курбатов. HighTech As Seen From The Bottom Side. К вопросу частичной автоматизации переводческой деятельности. № 1(13)

Переводя культуру

А.Г. Азов. Игра в мяч – взгляд непрофессионала. № 1(13)

Переводчик и право

В.В. Гусев. О переводе без договора... и моральном удовлетворении переводчика. № 2(14)

Подготовка переводчика

Е.В. Бреус и З.Н. Волкова. Учебно-методическое обеспечение курса английского перевода. № 3(15)

Е.В. Бреус. Перемены в системе российского образования и возможные подходы к решению проблем. № 4(16)

С.Г. Ваняшкин. Другой перевод (об упражнениях на перевод с русского в учебниках иностранных языков) № 4(16)

И.В. Зубанова. Каким должно быть пособие по синхронному переводу? № 4(16)

В.А. Иовенко. Преподаватель перевода: нужна ли специальная подготовка? № 3(15)

В.А. Иовенко. Обучать профессии преподавателя перевода всё же необходимо. № 4(16)

В.К. Ланчиков. Отрывок, взгляд и нечто о преподавании перевода. № 4(16)

Е.К. Масловский. Для охоты на кита акватория – не та. № 4(16)

П.Р. Палажченко. Как учить переводу: проблемы и опыт. № 4(16)

И.В. Полуян. Специализация в процессе обучения. № 4(16)

И.И. Убин. Время требует перемен. № 4(16)

Н.Г. Шахова. Хорошо бы, хорошо бы нам кита поймать большого. № 4(16)

XX век – глазами переводчика

И.В. Полуян. Смерть жанра? № 3(15)

Без смайликов

Д.М. Бузаджи. Базарная площадь. № 1(13)

В.В. Соськин. «Фильтруй базар!». № 2(14)

Sum grano salis

О. Еикине. Edmond aide mon Billiard [Перевести эту страницу]. № 1(13)

Д.И. Ермолович. Иногда они переводятся. № 3(15)

А.И. Никольская. Особенности национального синхрона. № 4(16)

По страницам Интернета. Тридцать пять правил. № 1(13)

Д. Толмачёва-Драгоманова. О пользе переводческой скорописи. № 2(14)

Что бы это значило? «Эту фотографию прислали в адрес журнала...». № 3(15), № 4(16)

Из записной книжки

Д. Толмачева-Драгоманова. «Коллега-переводчик имеет хобби...», «Студентка переводческой школы гуляет в воскресенье в парке...». № 1(13)

Д. Толмачева-Драгоманова. «Встречаются два друга детства...» № 4(16)

Издательство «Р.Валент» предлагает

О книгах Д.М. Бузаджи, А.С. Маганова «Техника перевода I. Грамматические аспекты перевода» и В.К. Ланчикова, Д.В. Псурцева «Техника перевода II. Лексические проблемы перевода. Проблемы передачи экспрессивности». № 2 (14)

Рецензия

Roy F. Cochran (США). Finally a source to turn to when translating religious terms. (О словаре Д.И. Ермоловича. Англо-русский и русско-английский словарь религиозной и возвышенной лексики) № 4(16)

А.И. Шейн. «Линяем, цыпа». Как Немцов Дилана следить за базаром учил. № 2(14)

Дайджест

Р. Трошкина. «Верните наши имена!» (еж. «Суббота», № 7, 2006). № 2(14)

Не так сложен перевод, как межкультурная коммуникация (По материалам газеты *South China Morning Post* от 14 декабря 2007 г.). № 4(16)

Об искусстве перевода/Просто цитата

А.Т. Аверченко. «Когда мы одевались...» (Из книги «Экспедиция в Западную Европу сатириковцев...». 1911). № 2(14)

А.А. Григорьев. «Подстрочные переводы, по-моему, положительно вредны...» (Из примечаний к переводу комедии В.Шекспира "Сон в летнюю ночь". 1857). № 3(15)

Н.А. Заболоцкий. «Хороший поэт может быть плохим переводчиком...» (Из «Заметок переводчика»). № 2(14)

И это – перевод. «Не всем известен источник стихотворения А.С. Пушкина "Злато и булат"...» № 3(15)

И это – перевод. «В сентябре 1888 года французский писатель Р. Сайян прислал Л.Н. Толстому письмо...» № 4(16)

В.Г. Короленко. «Интересны также некоторые черты полемики...». (Из письма к Е.С.Короленко. 5 июля 1893 г.) № 3(15)

Н.Г. Курганов. «Школьник, принеся чинить сапоги...» («Письмовник». 1802). № 1(13)

Н.Г. Курганов. «Две нищие старушки...» («Письмовник». 1802). № 1(13)

Н.Г. Курганов. «Некто насмеялся чужеземцу...» («Письмовник». 1802). № 1(13)

С.Я. Маршак. «Когда-то академик Ф.Ф.Кони...». № 1(13)

Б. Морис. «Осознаем ли мы, скольким обязаны переводчикам...». № 1(13)

Ф. Ницше. «Можно оценивать степень исторического чувства...» («Веселая наука». 1802) № 1(13)

И.С. Тургенев. «Я бы очень просил Вас прислать мне по почте корректуру моего наброска <"Отчаянный">...» (из письма к Ю. Роденбергу, 12 января 1882 г.) № 2(14)

Н.А. Тэффи. «Советую вам обратить внимание...» (из рассказа «Письма издалека»). № 2(14)

А.П. Чехов. «Ну-с, а пьесы когда пишете...» (Из рассказа «Драматург»). № 1(13)

Л.К. Чуковская. «Я сказала <А.А. Ахматовой>, что мне очень понравился пастернаковский перевод «Гамлета»...» («Записки об Анне Ахматовой»). № 2 (14)

Bridging the Communication Gap

4(16)/2007

Bridges

Translators and Interpreters' Journal

A Round Table on Teaching Translation/
Interpretation and Translator/Interpreter Training

Alexander Burak

Assessing Translation Quality at Word Level

D.I. Yermolovich

Neither friend nor foe: the issue of "cognates" in syntax

D.M. Buzadzi

Structures and Links. The Role of Syntax in Translation

as well as
theory, practice and useful information for translators, teachers and
students from top professionals

978-5-93439-2445